

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.Ф. ЖОЛОбОВ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ГРАММАТИКА

**ПРОСТЫЕ ПРЕТЕРИТЫ
И PRAESENS HISTORICUM**

КАЗАНЬ

2017

УДК 811.161.1'01-112

ББК 81.2Рус-03

Ж79

*Исследование выполнено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 15-04-00283)*

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института филологии и межкультурной коммуникации*

Рецензенты:

доктор филологических наук **В.А. Баранов**,
доктор филологических наук **Г.А. Николаев**

Жолобов О.Ф.

**Ж79 Древнерусская грамматика: простые претериты и
praesens historicum / О.Ф. Жолобов. – Казань: Изд-во Ка-
зан. ун-та, 2017. – 190 с.**

ISBN 978-5-00019-953-4

Древнерусская грамматика проявляется в совокупности данных, характеризующих грамматические особенности конкретных письменных источников. Для детального исследования всего круга вопросов, связанных с функционированием глагольных словоформ в древнерусском языке, необходимо накопление свидетельств древнерусской письменности и их содержательная интерпретация. Цель настоящей работы – описать употребление простых претеритов и praesens historicum в масштабном корпусе источников с точки зрения функциональной природы и исторической динамики, а также критически рассмотреть существующие теоретические взгляды на ряд явлений древнерусской грамматики.

Монография предназначена для специалистов в области славянского и русского языкознания.

**УДК 811.161.1'01-112
ББК 81.2Рус-03**

ISBN 978-5-00019-953-4

© Жолобов О.Ф., 2017

© Издательство Казанского университета, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
I. ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ РЕФЛЕКСЫ ФЛЕКТИВНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА	9
1.1. Рефлексы первичных и вторичных окончаний в глагольной парадигме	9
1.2. Рефлексы первичных и вторичных окончаний в 1 л. дв. числа	13
1.3. Рефлексы первичных и вторичных окончаний в 3 л. дв. числа	15
II. СИСТЕМА ПРЕТЕРИТОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ	26
2.1. К истории образования древнеславянских простых претеритов и категории вида	26
2.2. Функционирование простых претеритов в древнерусском языке. Общая характеристика	33
III. К ИСТОРИИ ИМПЕРФЕКТА	47
3.1. Перфективный имперфект. Вводные замечания	47
3.2. Перфективный имперфект в старославянском	51
3.3. Перфективный имперфект в древнерусских списках южнославянских переводов. Праславянская реконструкция	59
3.4. Перфективный имперфект в трёх переводах: Выголексинский сборник к. XII в.	72
3.5. Перфективный имперфект в проповедях Кирилла Туровского	79
3.6. Имперфект с отменой чередования в основах	81
3.7. Стяженный и нестяженный имперфект	84
3.8. Имперфект с добавочным окончанием -ть	87
IV. К ИСТОРИИ АОРИСТА	123

4.1. Простой аорист и сигматический аорист от основ на согласный	123
4.2. Аорист рѣша	127
4.3. Аорист с добавочным окончанием -ть	132
4.4. 2-е л. ед. числа простых претеритов	139
V. К ИСТОРИИ НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО.....	142
5.1. Вводные замечания	142
5.2. Praesens historicum в древнерусских источниках	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
ИСТОЧНИКИ.....	169
СЛОВАРИ.....	174
ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА	174
ЛИТЕРАТУРА.....	174

ВВЕДЕНИЕ

На пространстве *cyrillomethodiana* только Древняя Русь в силу ряда обстоятельств сохраняла непрерывную книжную традицию. «...Без обращения к восточнославянской традиции невозможно сколь-либо полноценная реконструкция древнейших славянских литератур — Великой Моравии (вторая половина IX в.), Первого Болгарского царства (последняя четверть IX — вторая половина X в.), Чехии (X–XI вв.). Для болгарской и сербской литератур XIII–XV вв. роль русской традиции ... сопоставима (особенно в отношении болгарской) с ролью национальных традиций» [Турилов 2012: 192].

Древнерусский язык — единственный, по-видимому, детально засвидетельствованный в письменных источниках праязык, подвергшийся распаду лишь в течение XIV в. Древнерусская письменность сохранила также целый ряд списков старославянских памятников и ранних славянских переводов, благодаря которым восстанавливается во всей полноте древнеславянская литературная традиция. Неслучайно ряд книг древнерусского письма включен в число источников четырехтомного «Словаря старославянского языка» (SJS I–IV).

Древнерусские рукописи в силу их большого количества и жанрово-стилистического разнообразия являются важнейшим источником праславянской реконструкции наряду с памятниками старославянской письменности. Если иметь в виду фонетический и грамматический строй древнерусского языка, то в грамотах не обнаруживается ничего из того, чего нельзя было бы найти в древнерусских книгах. Благодаря прежде всего полновесному анализу древнерусских рукописей в академической серии «Исторической грамматики древнерусского языка» были описаны праславянская система и эволюция форм двойственного числа, частеречного

класса числительных, плюральных именных форм и прилагательных [Иорданиди, Крысько 2000; Жолобов, Крысько 2001; Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006; Жолобов 2006]. Аналогичное исследование функционирования и эволюции глагольной системы до последнего времени не проводилось. Академическая монография «Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол» вышла из печати 35 лет назад, и не все ее положения в настоящее время могут быть приняты (см. [Глагол 1982]) (см. претензии рецензента [Martí 1984]). Описание индикатива основывалось в ней на выборочной подборке не всегда точных иллюстраций при зачастую поверхностном историко-лингвистическом комментировании.

Иной принцип описания был избран в «Древнерусской грамматике XII–XIII вв.». В ней предполагалось использовать сплошную выборку форм из нескольких источников, исходя из задач описания синхронного среза. В «Грамматике» вместе с тем почти полностью отсутствует обращение к проблематике, которой целиком посвящена настоящая монография, не говоря уже о выявлении генетических истоков грамматической вариативности и функциональной природы вариативных форм (см. [Древнерусская грамматика 1995]).

Настоящая монография посвящена наиболее сложной проблематике — изучению функционирования форм *praesens historicum* в раннедревнерусский период, исследованию вариативности в системе простых претеритов, анализу происхождения вариантов в связи с их категориальной семантикой и функциональной природой, описанием их эволюционной перспективы. Ряд грамматических явлений в монографии проанализирован впервые. Кроме того, в книге критически рассмотрены существующие теоретические взгляды по обсуждаемой проблематике.

Монография является продолжением исследования древнерусского глагола, начатого в книге «Древнерусский глагол: к истории презенса» [Жолобов 2016a].

Перед диахронической морфологией стоит задача не только верификации существующих гипотез грамматической вариативности в системе глагола, но и, что не менее важно, накопления нового языкового материала. Представленное ниже описание опирается на индуктивный метод — интерпретацию данных, полученных, как правило, в ходе сплошной выборки словоформ из ряда разновременных источников и являющихся аналогом экспериментальной базы естественных наук в оценке реалистичности существующих и выдвигаемых гипотез. В исследовании используется также количественный метод, при том что статистические показатели не абсолютизируются и оцениваются в ряде случаев критически. Важное место отводится лингвотекстологическому методу — сравнительному исследованию текстовых подкорпусов, включающих разновременные списки родственных антиграфов. Лингвотекстологический подход позволяет обнаружить грамматические явления, скрытые и не идентифицируемые в границах одного текста. Рассмотрение вариативности в простом индикативе соотнесено со сравнительно-историческим описанием — установлением генетической природы вариативных форм.

Древнерусская грамматика в монографии рассматривается не в отвлеченных обобщениях, а в отталкивании от конкретных фактов. Это грамматика древнерусской письменности и литературы, отразившейся в определенном круге источников, который в дальнейшем должен быть расширен. Важное значение придается анализу старославянских памятников и древнерусских списков старославянских переводов, грамматический строй которых во многих случаях ближе всего стоит к состоянию позднепраславянского периода, оказав заметное влияние на древнерусский литературный язык. Сосредоточенность историко-лингвистических исследований на конкретном круге источников характеризует современное состояние палеославистики (см. [Кривко 2015]).

В монографии рассмотрено свыше 50 источников, в том числе во многих случаях со сплошной выборкой форм.

В монографии обобщаются, существенно дополняются и уточняются результаты исследований, отраженных в наших публикациях [Жолобов 2009а; 2010; 2012; 2013; 2014а; 2015а; 2015б; 2016в; 2016г; 2016е; 2017а; 2017б; 2017в; Zholobov 2014; 2016].

В монографии содержатся отдельные содержательные повторы, обусловленные самостоятельной логикой изложения в каждом разделе монографии.

В исследовании анализируются как изданные, так и рукописные памятники разного времени и диалектной принадлежности. В качестве одного из основных источников избраны электронные коллекции памятников письменности, размещенные на портале <http://manuscripts.ru>, представляющий Исторический корпус славяно-древнерусского языка. Полностью охвачены описанием рукописи, вошедшие в Казанскую электронную коллекцию славяно-русских памятников XII–XIV вв. (Казанская коллекция: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

І. ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ РЕФЛЕКСЫ ФЛЕКТИВНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

1.1. Рефлексы первичных и вторичных окончаний в глагольной парадигме

Состав первичных и вторичных окончаний лично-спрягаемых форм глаголов в индоевропейском языке был установлен еще в штудиях младограмматиков. В силу большей сложности генетически первичными являются вторичные окончания. Термины отражают не генетический, а функциональный статус флексий. С помощью первичных окончаний в праславянском оформлялся презент индикатива, а с помощью вторичных — претериты индикатива и оптатив, заменивший императив. Данное распределение окончаний унаследовано из индоевропейского языка, при том что в праславянском не сохранилось окончаний перфекта и медиальных окончаний, а также особых окончаний императива. Надежно реконструируются четыре пары окончаний (см. [Leskien 1886: 99; Leskien 1955/1910: 118; Poldauf 1956: 160; Кузнецов 1961: 86–87; Семереньи 1980: 249–253]):

Лицо и число	Первичные окончания	Вторичные окончания
1 л. ед. ч.	*-mi	*-m
2 л. ед. ч.	*-si	*-s
3 л. ед. ч.	*-ti	*-t
3 л. мн. ч.	*-nti	*-nt

Приведенные окончания принадлежат атематическому спряжению. Для тематического спряжения в 1 л. ед. числа реконструируется *-ō. Подводя итоги многолетней дискуссии, О. Семереньи отмечает, что для остальных форм нет оснований реконструировать отличные от атематического типа окончания, в том числе ну-

левые окончания в 3 л. ед. числа [Семереньи 1980: 252–253]. Позднепраславянские рефлексы окончаний наследуют индоевропейские праформы:

Лицо и число	Индоевропейские первичные окончания	Позднепраславянские окончания
1 л. ед. ч.	*-mi	*-mь, *-o
2 л. ед. ч.	*-si	*-si, *-ši
3 л. ед. ч.	*-ti	*-ть
3 л. мн. ч.	*-nti	*-(o)ть, *-(e)ть

Окончание 2 л. ед. числа в праславянском содержит долгий гласный *-si, что может объясняться эмфатическим продлением на фоне другой диалогической формы глагола — 1 л. ед. ч. на *-mь. Гипотеза о рефлексе медиального окончания 2 л. ед. числа *-sai не дает ответа на вопросы, почему в тематическом спряжении здесь представлена первая палатализация *-si > *-(i-)xi > *-š'i, а не вторая палатализация *-sai > *-(i-)xai > *-s'i; чем мотивировано употребление медиального окончания лишь в форме 2 л. ед. числа (см. [Мейе 1951: 253–255]). Развитие *-si > *-xi обусловлено законом Педерсена, согласно которому согласный *s переходил в *x после звуков *r, *u, *k, *i не перед согласным в ранний праславянский период (отсюда другой термин — «правило ruki»). Переход после других звуков наблюдался в однородных формах по аналогии.

Из носового дифтонга в 3 л. мн. числа атематических глаголов развивается носовой гласный, как в тематическом типе, где дифтонг возникал из тематического гласного и флективного носового: *-o-nti > *-oть, *-ī-nti > *-eть. Ср. древнерусские формы с дописменной утратой носовых гласных: 1 л. ед. ч. **късмь**, 2 л. ед. ч. **късн**, 3 л. ед. ч. **късть**, 3 л. мн. ч. **соуть**.

В тематическом типе перед окончанием находился тематический показатель, по характеру которого выделяют 4 лескиновских

класса глаголов по имени создателя классификации (см. [Leskien 1886: 101–110]):

Класс	Тематический показатель	Древнерусские формы 3 л. ед. ч.
1	*-e-//*-o-	БЕР-Е-ТЬ, ТЕУ-Е-ТЬ
2	*-ne-//*-no-	МЬРК-Н-ТЬ, СТА-Н-ТЬ
3	*-je-	ЗНА-Н-ТЬ, ПИШ-Е-ТЬ
4	*-ī-	ХОД-Н-ТЬ, МОЛ-Н-ТЬ

В 1 л. ед. ч. тематического спряжения обнаруживается славянская инновация: вместо окончания *-ō > *-а здесь развилось окончание *-о. Ср.: ст.-сл. **БЕРЖ** — греч. φέρω ‘несу’, лат. *ferō*, гот. *baiga*. Его образование может быть объяснено только контаминацией первичного окончания *-ō и вторичного *-m: *-ō + m > *-о, откуда ст.-сл. -ж и др.-рус. -оу. Похожая контаминация представлена в авест. и др.-инд. *bhárāmi* (с той разницей, что здесь отмечается сложение двух первичных окончаний — тематического и атематического). Причиной развития контаминации была невыразительность гласной флексии, что в позднейшее время отразилось в развитии славянского продуктивного спряжения с флексией атематического спряжения (ср. ст.-сл. **ДАМЬ, НМАМЬ**): серб. *glèdām*, болг. *дялам*, чеш. *dělám*, пол. *działam* (см. [Мейе 1951: 249–250]). В тематическом спряжении после утраты тематических гласных возникает новая основа настоящего времени: ср. ст.-сл. **ХОД-АТЬ, НД-ЖТЬ** и под.

Контаминация — своеобразное проявление смешения первичных и вторичных окончаний, которое в других формах проявилось в вариативности флексий. Так, вариативные окончания 1 л. дв. числа *-wě > -ВѢ и *-wa > -ВА, 3 л. дв. числа *-ta > -ТА и *-te > -ТЕ определенно указывают на старый параллелизм первичных и вторичных окончаний, поскольку употребляются во всех типах

спрягаемых форм и для них имеются индоевропейские параллели в виде вторичных окончаний 1 л. дв. числа **-we/*-wē* и 3 л. дв. числа **-tā(m)* (см. [Семереньи 1980: 251]). В качестве индоевропейского архаизма отмечается праславянское 3 л. дв. числа на **-te* [Райнхарт 1998: 85]. Вариативность форм 1 л. мн. числа в славянских языках также может быть связана с противопоставлением древних первичных и вторичных окончаний. В индоевропейских языках здесь представлена довольно пестрая картина: разные сохранившиеся варианты могут быть сведены к первичному окончанию **-mes* и вторичным окончаниям **-me(m)/*-me/*-mē* [Семереньи 1980: 251].

Поскольку вторичные окончания состояли из согласных, они утрачивались в позднепраславянский период по закону открытого слога:

Лицо и число	Индоевропейские вторичные окончания	Позднепраславянские окончания
1 л. ед. ч.	<i>*-m</i>	<i>*-∅</i>
2 л. ед. ч.	<i>*-s</i>	<i>*-∅</i>
3 л. ед. ч.	<i>*-t</i>	<i>*-∅</i>
3 л. мн. ч.	<i>*-nt</i>	<i>*-o-nt > *-o, *-nt > *-e</i>

Собственно нулевые окончания, как и нулевой суффикс, после утраты вторичных окончаний наблюдаются только во 2–3 л. ед. числа сигматического аориста **ВНДЪ**, **СЛЪША** и под., тогда как в тематических типах спряжения тематический гласный стал выполнять функции флексии или вошел в ее состав после переразложения основ. См., в частности, в простом аористе, по происхождению связанном с индоевропейским имперфектом:

1 л. ед. ч. **mog-o-m (> -n) > *mog-ъ > ст.-сл. МОГ-Ъ*; 2 л. ед. ч. **mog-e-s > *mož'-e > ст.-сл. МОЖ-Е*; 3 л. ед. ч. **mog-e-t > *mož'-e > ст.-сл. МОЖ-Е*; 1 л. мн. ч. **mog-o-mos > *mog-омъ*

> ст.-сл. **МОГ-ОМЪ**; 2 л. мн. ч. **mog-e-te* > **mož'-ete* > ст.-сл. **МОЖ-ЕТЕ**; 3 л. мн. ч. **mog-o-nt* > **mog-o* > ст.-сл. **МОГ-Ж**.

Переразложение вызвано утратой тематических гласных в ряде форм под действием закона открытого слога и обобщением новой основы без тематического гласного.

Старославянские формы 3 л. ед. и мн. числа в настоящем времени на **-ТЪ** не совпадают с ожидаемыми праславянскими, которым точно соответствуют древнерусские формы на **-ТЬ**.

1.2. Рефлексы первичных и вторичных окончаний

в 1 л. дв. числа

В 1 л. двойственного числа в древнерусской письменности наблюдается вариативность форм. Помимо обычных форм на **-ВЪ**, изредка встречаются формы на **-ВА**. В древнерусских списках Пролога варьирование может совпадать с противопоставлением индикативных и императивных форм или их смешением, а также с вариативностью темпоральных форм. Таким образом, вариативность в этом случае отражает, хотя и очень непоследовательно, противопоставление первичных и вторичных окончаний, поскольку и императив, и претериты генетически были связаны с вторичными окончаниями, в отличие от презенса:

**ПОКАѦВЪ ЖЕ СѦ НДННЪ КЮ ГЛА ДРОУГОУ
СВОЮМОУ · БРА^Т СМНРНВЪСА НДА ОУТРО ОУМРЕВА · Н
ПОНДЕВА КЪ Б^ОУ** ПрС сер. XIII, 262а (где первая форма —
императив, вторая и третья — презенс) (в ПрЛ 1282, 105в —
СМНРНВЪСА, **ОУМРЕВА**, но **ПОНДЕВЪ**); **ПРНДН Н
ПОМОЛНВЕСА... СЕМОУ ШБА ПОСЛЪДОУКВА** ПрТип
XIII₂, 93б (где по крайней мере первая форма — императив)
(то же — ПрЛ 1282, 77б); **ТОГДА К СЕБЕ РЕСТА ВЪ
НСТННОУ ВЪ СЪГРЪШНХОВА · УЬТО ОУБО СЕБЕ**

ШПРАВЪДАКЪ ПрЛ 1282, 19а (где первая форма — аорист, а вторая — презенс); ДВЪ ОУНОШН... ГЛАСТА СЛЫШАХОВА ЖИТНѢ НЖЕ ВЪ СКНТЪ СТАРЕЦЬ · Н ПРНДОХОВЪ ВНДѢТЪ КГО... СДЕ ХОЩЕВЕ ПРЪЗЫВАТН 88а (где первая форма — аорист или имперфект, вторая — аорист, а третья — презенс) (то же — ПрТип XIII₂, 106б–в); НЪ НДЕВЪ КЪ СТѢМОУ КПНФАНУ... Н ВЪЗВѢСТНВА ПрСин 1313, 24в.

Подобные же отношения наблюдаются в оригинальном летописном источнике с предполагаемыми формами императива:

РЪКШЕМА НМА КАКО НЗЫКЕ СИХЪ А САМА ПРНМѢВА ВЛАСТЬ ВСЮ ЛН XIII₂, 89.

Образование форм типа прнмѣва, которые смешиваются с презенсом и употребляются рядом с обычными формами на -вѣ, можно было бы объяснить обобщением флективного -а под влиянием форм 2–3 л. дв. числа на -та, однако флективное -ва представлено во всех подгруппах славянских языков, а потому имеет общеславянское происхождение (см. [Мейе 1951: 260]). Естественно видеть в вариативности данных флексий, как уже отмечалось выше, отражение оппозитивной параллели первичных и вторичных окончаний. См. в юго-западных грамотах¹:

то *есва* по слову оуч(и)нила и dospела *есва* монастырь... и прилучила *есва* к ц(е)ркви на веки ГрЮЗ № 40 (1387 г.); тогда мы *имаева* того исного Романа опять поставити 82 (1400 г.) и под.

¹ Здесь не исключено польское влияние. В древнепольском и современных польских говорах известно только *-wa* (см. [Vondrák 1928: 115; Мейе 1951: 260; Dejna 1965: 5–7 и след.]). К. Дейна отмечает, что в общепольском употреблении формы дв. числа *niesewa*, *robiwa* и под. идут на убыль лишь в XVII в.

Если генезис вариативной модели определенно отражает параллелизм первичных и вторичных окончаний, то дальнейшая судьба определялась «вещественно-фонетической» наполненностью вариативных форм и возможностями поддержки их устойчивости со стороны личного местоимения 1 л. дв. числа **ѡѢ** ‘мы оба, мы двое’, с одной стороны, и со стороны форм 2 л. дв. ч. на **-тѡ**, а также «элевых» форм на **-ѡ**, с другой стороны.

О вариативности форм 3 л. дв. ч. на **-тѣ** и **-тѡ** см. ниже.

1.3. Рефлексы первичных и вторичных окончаний в 3 л. дв. числа

В древнерусской письменности начиная с Остромирова евангелия 1056–1057 гг. в 3 лице двойственного числа глагола употребляются обобщенные формы на **-тѡ**, которые противопоставлены западно-старославянским формам на **-тѣ** и отражают живую речь (см. [Жолобов 1997: 65–66; Жолобов 1998: 69; Жолобов, Крысько 2001: 92–93]). В восточных старославянских источниках также распространены словоформы на **-тѡ**, тогда как в западных рукописях они либо неизвестны, либо наблюдаются очень редко (см. [Weingart 1937: 307; Вайан 1952: 249; Нанн 1958: 159]). На связь данных форм с указательными местоимениями мужского рода как будто бы указывает развитие новых глагольных форм 3 л. дв. числа на **-тѣ**, которые координировали с подлежащими в женском или среднем роде (см. [Kulbakin 1948: 148; Пенчева 1993–1994]). Ср. в Саввиной книге:

марина магдалинѣ. и другѡга марина... съ страхомѣ и радостиѡмъ великиѡмъ. текоствѣ покѣдатѣ оученикомѣ его. егда же идѣствѣ. покѣдатѣ оученикомѣ его. и самѣ іс сърѣте ѡ гла. радостѣ ка сѡ. онѣ же пристѣпѡши. дствѣ сѡ за нозѣ его. и поклонистѣ сѡ емоу Матфей 28, 8–9.

Подобные слоформы можно найти и в Остромировом евангелии 1056–1057 гг., но текстам, которые не связаны с южнославянскими протографами, они неизвестны. Поэтому древнерусские узуальные формы свидетельствуют о другом источнике словоформ 3 л. дв. числа на *-та*. Судя по всему, их появление обусловлено тенденцией к расподоблению дуальных форм 3 л. и плюральных форм 2 л. на **-te*. Есть основания оба типа форм возводить к индоевропейскому источнику: формы на **-te* допустимо считать отражением индоевропейских первичных окончаний 3 л. дв. числа (срв. санкр. *-tas*), а формы 3 л. дв. числа на **-ta* — индоевропейских вторичных окончаний (срв. санкр. *-tā + m*) (см. [Kuryłowicz 1964: 156; Райнхарт 1998: 85]).

В Захариинском паримейнике 1271 г., в отличие от большинства древнерусских источников, словоформы 3 л. дв. числа на *-те* являются довольно обычными, что доказывает особую архаичность его антиграфа:

похоти лѣниваго оубивають · не <u>хощете</u> во рѹцѣ ꙗго сзтво рити ниуто же Зах 1271, 15367–13	похоти лѣни ваго оубивають · не <u>хощета</u> во рѹцѣ ꙗго творити · ниуего же Тр XIV ₂ , 7062–6
дърза и сиѡне да <u>не</u> <u>ѡслабѣете</u> рѹцѣ твоѡ Зах 1271, 168в18–168г2	дързаі сиѡне да <u>не</u> <u>ѡслабѣята</u> рѹци твоі Тр XIV ₂ , 77г21–78а2
и твоѡ нозѣ <u>теуete</u> · и <u>ѡслаблѣтѣ</u> (sic) Зах 1271, 188г16–18	твоі нозѣ <u>те уeta</u> и <u>ѡслабѣята</u> тѡ Тр XIV ₂ , 87в3– 4

Захариинский паримейник 1271 г. в этом отношении может противопоставляться также и среднеболгарскому Григоровичеву паримейнику XII–XIII вв.:

а драм ^ѣ лехъ · и сарасаръ · с̄на ѳго <u>оу висте</u> и ме чема · она же <u>оу адоште</u> вѣ арм ^ѣ нню Зах 1271, 114в9–16	ардамелъхъ і сарасаръ · с̄на ѳго меуамъ <u>оу виста</u> · она же <u>оу адошта</u> вѣ арменю Тр XIV ₂ , 49г13–16	Ардамелехъ ∴ и сара с̄нъ его ∴ <u>оу виста</u> и меуемъ (Она же <u>оу адошта</u> вѣ Армения Григ XII/XIII, 44, 22–24

Архаичный западный характер первоисточника Захариинского паримейника 1271 г. запечатлелся в словоформах 3 л. дв. числа имперфекта на -ште (см. ниже).

Не менее ярко особую архаичность и западный характер протографа Захариинского паримейника 1271 г. подчеркивает следующий контекст, в котором форма на -те является весьма редкой словоформой простого аориста даже в старославянских памятниках:

и <u>идете</u> оба вѣ коупѣ Зах 1271, 134б6–7	<u>идо ста</u> шва вкупѣ Тр XIV ₂ , 59г11–12

В индикативе 2 л. дв. числа в Захариинском паримейнике 1271 г. всегда употребляются закономерные словоформы на -та:

и запо|вѣда г^ѣ бѣ а|дамъ| гла · ѿ всего дре|ва ѳже ѳста в
 ра||и · с̄знѣди нажда| а ѿ древа ѳже ра|зоумѣвати до|бро и
 зло · не с̄знѣ|ста ѿ него · вѣ на|же дна ѣста ѿ него ·
 с̄змартнѣю у|мрета 42г16–42а8²; и вѣ с̄та ѳста о всѣмъ
 жити|и каю зане пишеться с̄ти вудѣте ѳко азъ с̄тѣ ѳсмъ
 вѣ| страстѣ б̄на пожиста лѣта| своѣ вѣдоуше ѳко не
 таѣ|ннѣмъ златомъ и срѣбро|мъ избавлена вѣста ѿ

² Индикатив не снѣста употреблен ошибочно вместо императива не ѣдита (как в Григ XII/XIII, 19 об., 22) под влиянием соседней формы индикатива ѣста.

соуѣ|тъанаго сего житиѣ брато|мѣ своѣмѣ прѣдана на
оу|вистко • нѣ драгою крѣвию| ѣко ѡгница непорочно и
прѣ|чѣта • приведостасѣ своѣмоу| владѣцѣ 258, 1–13.

В других списках наблюдаются отступления от дуальных форм. См. параллели по двум спискам:

и вѣи же самѣ вѣста ѣко всєю крѣпо стию • мою ра ботахъ ѡцю вѣю Зах 1271, 145в1–6	и вѣи сами вѣсте • ѣко всєю силою мою рабо тахъ ѡцю вѣю Тр XIV ₂ , 65г19–21

призвѣвѣ же цѣрь ѣгоу птѣскѣ вѣвѣ реѣ ѣма что ѣко <u>сѣтвори ста</u> • вѣще сию • да <u>ѡживи ста</u> моужѣскѣ по лѣ Зах 1271, 174г14–175а3	и пр звѣ цѣрь ѣгупетѣскѣ вѣвѣи и реѣ что ѣко <u>сѣтвори те</u> вѣща сию <u>живи ли</u> вѣста мужѣскѣ по лѣ Тр XIV ₂ , 80г14–19

Являясь древнерусским списком, Захариинский паримейник 1271 г. отражает и многочисленные словоформы 3 л. дв. числа на -та, которые следует признать узувальными. См., в частности:

и вѣста тоу • вѣ • исто чѣника вѣдѣ Зах 1271, 1166–8	И вѣхѣ т ⁸ • вѣ • истоуни кѣ вѣдѣ Григ XII/XIII, 7, 18–19

шѣдѣша же ѡ вѣ вѣкоупѣ <u>придо ста</u> на мѣсто Зах 1271, 134в4–7	ше дѣша же ѡвѣ вкупѣ и <u>при до ста</u> на мѣсто Тр XIV ₂ , 59г19–21

и ѡ вѣщѣвѣши рахиль • и • и лиѣ рѣста • ѣда вѣста	и ѡ вѣщѣвѣ и лиѣ и ра хиль рѣста ѣму ѣда вѣста чѣста

ҮА{ДС}ТА НАМА · ЛИ НАСЛѢ ДИЕ ВЪ ДОМОУ ѠЦА НАЮ Зах 1271, 146б13–18	НА МЪ Й ДОСТОЯНАК В ДОМУ ѠЦА НАЮ Тр XIV₂, 66б17–66в1
БѦТЪ Й НИЩЕ СЪРѢТОСТАСА Зах 1271, 153г18–19	БѦТЪ Й НИЩА СРѢТОСТАСА Тр XIV₂, 70в10–11
И СТА НЕТА НОЗѢ ВЪ ДНА ОНЪ · НА ГОРѢ КЕЛѢО НАСТѢИ Зах 1271, 219г15–19	Ї СТАНЕТА НОЗѢ КЕГО ВЪ ДНА ОНЪ НА ГОРѢ КЕЛЕ ОНАСТѢИ Тр XIV₂, 111а13–16
И ПОУИ НА НИЮ ДХЪ · И СИА БѢ СТА Ѡ НАПИ САНИХЪ · И НЕ ПРИДѢСТА · ВЪ СКИНИЮ · И ПРО РИЦАШЕТА ВЪ СТАНОУ Зах 1271, 223в6–14	Ї ПОУИ НА НЕЮ ДХЪ Ї СИА ВИДѢ СТА Ѡ ПИСАНИХЪ · Ї НЕ ПРИДОСТА ВЪ СКИНИЮ · Ї ПРОРИЦАШЕТА ВЪ СТА НУ Тр XIV₂, 112г26 – 113а5
И РЕУЕ КМОУ ГЛА · КЛАДѢД{ОХ} И МОЛ^А ДЪ ПР^ОЦАЕТА ВЪ СТАНОУ Зах 1271, 223в17–223г2	Ї РЕ^У КМУ ГЛА · КДАДЪ Ї МО ДАДЪ ПРОРИЦАЕТА ВЪ СТАНУ Тр XIV₂, 113а6–9

В Захариинском паримейнике 1271 г., в отличие от других списков, западно-старославянские словоформы на -ТЕ в некоторых контекстах находятся рядом с узуальными восточнославянскими словоформами 3 л. дв. числа на -ТА:

И СЪ НѢСТЕ · Й ѠКРЪЗО СТАСА ѠУИ ѠБѢМА · Й РАЗОУМѢСТА АКО НАГА БѢСТА · Й	Ї СЪНѢСТА · Ї ѠКЕРЗОСТАСА ѠУИ ІМА І РА ЗОУМѢСТА НАКО НАГА БѢ СТА · І СШЕСТА ЛИСТВИ КЕ	И СНѢСТЪ З̣. И ѠКРЪЗОСТѢ СА ѠУИ ѠБѢМА ИМА И РАЗОУМѢСТА ККО НАГА БѢСТА ·:· И

<u>сѡ шисте</u> листвиѣ سموكوكانو · ѡ <u>ствѣ риста</u> себе преподѣсаннѣ Зах 1271, 46б17–46в6	سموكوكانو · ѡ <u>створи ста</u> собѣ ѡба преподѣсаннѣ Тр XIV ₂ , 14в19– 14г5	<u>сѡшѣста</u> ли ствие سموكوكانو и <u>створи ста</u> себеѣ прѣпоѣсаннѣ Григ XII/XIII, 21, 20–22 ³
снѣ во вѣхѣ ѡ ѡ зѣ послѡушливѣ ѡцѣю · ѡ любимѣ сѡи прѣдѣ лица мѣ мѣ тре моѣнѣ ѡже глѣсте ѡ <u>оу чѣста</u> ма Зах 1271, 52а11–17	снѣ вѣхѣ азѣ послѡушливѣ ѡцѣю · ѡ любимѣ сѡи предѣ лицемѣ ма тернимѣ · ѡже глѣш ^а ѡ <u>оу чѣста</u> Тр XIV ₂ , 18б6–10	снѣ во вѣхѣ азѣ ѡцѣ послѡушливѣ · ѡ и любимѣ сѡи прѣдѣ лицемѣ матерѣ моѣ · ѡ ѣже глѣста и <u>оу чѣста</u> ма Григ XII/XIII, 24, 13–15

Наиболее показателен следующий фрагмент, где в Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. формы двойственного числа вообще отсутствуют. А. А. Пичхадзе [1991: 154] толкует этот факт как принадлежность древнейшего типа, в отличие от списков Захарьинской, Козминской и Семеновской текстовых групп, в которых словоформы мн. числа варьируются с дв. числом.

Так, в статье *бака* в SJS I, 68 приводятся, в частности, следующие контекстуальные словоформы мн. числа из Григ XII/XIII:

оубоушѣ же са бабѣ; рѣшѣ же бабѣ караѡноки; в статье *жикити* SJS I, 602: и не створишѣ ѣкоже повелѣ имѣ ... и жикляхѣ мѣжѣскѣ полѣ; в статье *ожикити* SJS II, 522: жикляете.

³ В Григ XII/XIII наблюдается новая словоформа сказуемого *ѡкрѣзостѣ са* по координации с немужским родом подлежащего.

Ср. в Захариинском и Троицком списках (выделены подчеркиванием только индикативные формы 2 и 3 л. дв. и мн. числа):

і рѣ^ѣ цѣрѣ і҃гоуптѣскѣ бабамѣ крѣ исѣ^ѣамѣ · ѡди нои іхѣ · іи же іма сопфѡра і іма взто рѣи фѣ^ѣва · і рѣ^ѣ і҃гда <u>подѣ млет {де}</u> крѣ анѣина · ра жаюша^ѣ · аще оубо моу жескѣ полѣ боудѣтѣ · оуби итѣ · аще ли женѣскѣ полѣ сѣнабди тѣ і · <u>оубо ста</u> <u>же сѣ</u> ба бѣ^ѣ ба і не <u>сѣ твори ста</u> ꙗкоже повеле іма · цѣрѣ і҃гоуптѣскѣ і <u>живла ху</u> · мѣжѣскѣ полѣ · призѣвѣ же цѣрѣ і҃гоуптѣскѣ бабѣ рѣ^ѣ іма что ꙗко <u>сѣ твори ста</u> · вѣще сию · да <u>ѡживи ста</u> моужѣскѣ полѣ · рѣ^ѣсте же ба бѣ фараѡноу · не ꙗко женѣ і҃гоуптѣскѣ · тако женѣ крѣ искѣ нѣ · ражаютѣ бо прѣже да же <u>не</u> придѡу тѣ бабѣ кѣ нимѣ · ражда хоу Зах 1271, 174в6–175а14	рѣ^ѣ же цѣрѣ кегупетѣскѣ і бабамѣ крѣ искѣ мѣ · ідиноі іхѣ іеже іма сопфѡра · і вторѡі іма фѣ^ѣва · і рѣ^ѣ і҃гда <u>подѣ млете</u> крѣ на сѣ тѣ кѣ роженю · аще іста мужескѣ полѣ оубиваіте таі · аще ли женѣскѣ полѣ сѣнабдѣ тѣ і · <u>оубо стѣ</u> бабѣ ба · і <u>не</u> <u>сѣ твори ста</u> повелѣниі · ꙗкоже повелѣ іма цѣрѣ кегупетѣскѣ і · і <u>живла ху</u> мужескѣ полѣ · і прі зѣва цѣрѣ кегупетѣскѣ бабѣ і рѣ^ѣ что ꙗко <u>сѣ твори те</u> вѣща сию <u>живи ли</u> іста мужескѣ полѣ · рѣ^ѣсте же бабѣ фара ѡноу · не ꙗко женѣ кегупѣнина · тако і же ни крѣ искѣ на · ражаютѣ бо преже бабѣ не <u>приходѣтѣ</u> к нимѣ ра жаху Тр XIV₂, 80в19– 81а4⁴

⁴ Из-за смешения графем е и ѣ в рукописи записано іста вместо істе.

Варьирование числовых словоформ в этом случае никак не связано с возможной правкой по греческому тексту или с введением лексических вариантов, к чему прежде всего сводят редактирование протографического источника Козминской и Семеновской текстовых групп, а также образование Захарьинской группы смешанного текстового типа. Варьирование числовых грамматических словоформ обусловлено структурой и квантитативной неопределенностью исходного текста и, несомненно, присутствовало в первоначальном переводе. В зачине исходного текста число повивальных бабок не определено, но названы по именам двое из них, что и придало всему фрагменту в славянском переводе характер количественной амбивалентности. На присутствие в древнейшем переводе рядом с мн. числом дв. числа указывает архаичная дуальная словоформа сигматического аориста 3 л. западного типа *рѣстѣ*. Приведенные параллели указывают на исходные колебания в дистрибуции обозначений неопределенного (*какъѣ*) и определенного (*какъѣ*) деятелей (аналогичное варьирование в оригинальных древнерусских текстах см. [Žolobov 1997: 22]). Отсутствие дуальных словоформ в Григоровичевом и др. списках обусловлено обобщением нейтральных плюральных форм из зачина текста.

В конструкциях с двумя неличными существительными в греческом языке употреблялось ед. число, т. е. атрибутивная или предикативная форма грамматически соотносилась с синтаксически ближайшим субстантивом. Такой же тип отношений наблюдается в старославянских евангелиях [Жолобов, Крысько 2001: 85], однако в других книжных источниках здесь наблюдается и двойственное число. В Захарьинском паримейнике в этих случаях также отражается, вероятно, кирилло-мефодиевская традиция перевода, в отличие от Лобковского паримейника 1294–1320 гг., хотя из-за смешения графем *ь* и *ѣ* приводящаяся ниже форма может быть истолкована как дуальная:

с̄лнце ѿ лочу на с̄змьракне тъ Зах 1271, 23г6–8	с̄змьракнетася Лоб 1294–1320, 16, 16 (в Григ XII/XIII лакуна)

Ср. в Толстовском сборнике XIII в., где флективное -та исправлено из -ть: нѣо с̄з землю радуѣтася СбТол XIII₂, 59 об. Возможно, такие же отношения присутствовали в древнеславянской речи исконно, наряду с другой возможностью — употреблением дуальных форм. На исконный характер предикативного ед. числа в конструкциях с двумя субстантивами указывают примеры в ведийском и авестийском (см. [Мейе 1914: 327; Молчанова 1975: 204]).

Архаичный западный характер первоисточника Захариинского паримейника 1271 г. запечатлелся в словоформах 3 л. дв. числа имперфекта на -шеѣ. В разночтениях, приведенных у Р. Брандта, такие формы зафиксированы только в данном источнике, в то время как в Лобковском паримейнике 1294–1320 гг. обнаруживаются восточноболгарские формы на -ста, которые совпадали с восточнославянским рефлексом, см.:

ѿ вѣѣ ѿ доушема ѿма . ѿ дашеѣ ѿ г̄лаше ѣ Зах 1271, 13а10–13	ѿ вѣѣ <u>ѿдашема ѿма ѿ</u> <u>г̄лашема</u> Григ XII/XIII, 8 об., 1–2; ѿма ид. <u>ѿдѣста</u> и <u>г̄ласта</u> Лобк 1294–1320 (в разночте- ниях)

Дуальную словоформу 3 л. имперфекта на -шеѣ следует усматривать, судя по всему, и в следующем контексте, который вместе с тем свидетельствует о первоначальном переводе:

двѣ с̄зутанѣ к̄з севѣ . и двѣ <u>прикрѣва шеѣ</u> в̄рхоу телесе ѿхъ Зах 1271, 171в15–	к̄ . со зутанѣ к̄ севѣ . двѣма <u>покрѣваху</u> лица . в̄ерху телесѣ ѿхъ Тр XIV ₂ , 79б17–19;

171г1	<u>прикрѣваха</u> тѣлеса ихъ Григ XII/XIII (SJS III, 279)

Неправильное написание здесь обусловлено смешением букв **ѣ** и **ѡ** в рукописи. См. в этом же столбце варьирование написаний числительного '4' с корневыми **ѣ** и **ѡ**:

ли|це ѡвоко ѡ де|сноуѡ ѣтѣ|рѡмѡ · и ли|це| тѣлѣѣ ѡ
шоу|юѡ ѣтѣ|рѡмѡ · и ли|це ѡ|рле ѣтѣ|рѡмѡ · и ли|ца| ихъ и
крила| ихъ прострѣ|та горѣ · ѣтѣ|рѡмѡ · комѡ|ждо двѣ Зах
1271, 171в2–14.

См. также дуальную словоформу 3 л. на **-шѣта** вместо словоформы на **-ста** в Григоровичевом паримейнике:

и не придѣста · вѡ скинию · и <u>прѡ рицѣшѣта</u> вѡ станоу Зах 1271, 223в10–14	ї не придоста вѡ скѣнию . ї <u>прорицѣшѣта</u> вѡ ста ну Тр 113а2–5	не придоста вѡ скиниѡ · и <u>прорицѣста</u> же вѡ ста(нѣ) Григ (SJS III, 367)

В Захариинском паримейнике надежных форм на **-сте**, **-ста**, которые можно отделить от аориста, лишь две:

снѡ во вѣхъ и ѡ зѡ послоушликѡ ѡцѣю · и любимѡ сѡи прѣдѡ лицѡ мѡ мѣтрѣ моѣнѡ ѡже глѡсте и оу чѣста ма Зах 52а11–17	снѡ вѣхъ азѡ послу шликѡ ѡцѣю · і любимѣ сѡи предѡ лицемѡ ма тернимѡ · ѡже глѡшѡ і <u>оучѣста</u> Тр 1866–10	снѡ во вѣхъ азѡ ѡцѣ послоушликѡ ·: и любимѡ сѡи прѣдѡ лицемѡ матерѣ моѡ ·: ѣже глѡста и <u>оучѣста</u> ма Григ 24, 13–15

Несмотря на значительное число имперфектных форм, среди них не оказалось словоформ 3 л. мн. числа на -тъ, характерных для целого ряда славяно-русских источников, что определяется зависимостью от южнославянского антиграфа и установками переписчиков на точное копирование.

II. СИСТЕМА ПРЕТЕРИТОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. К истории образования древнеславянских простых претеритов и категории вида

Обращают на себя внимание существенные расхождения между славянской и балтийской системами претеритальных форм. Схождение имеет довольно узкий участок в виде совпадения претеритных основ на *ā и *ē, к тому же оно не замыкается на балтийских и славянских языках, а вписывается в индоевропейский контекст (см. [Семереньи 1980: 277, 317])⁵. Сигматический аорист в древнеславянских языках является индоевропейским архаизмом. Тип основ сигматического аориста «был на поздней стадии существования индоевропейского праязыка самым продуктивным. Во многих языках еще в доисторический период он был слит в единую систему с перфектом, например в кельтских и в латинском. Однако самостоятельным он остался в индоиранских языках, греческом и славянских» [Семереньи 1980: 300].

Вместе с тем в древнеславянских языках уцелел и ряд форм индоевропейского имперфекта, которые после претеритального удвоения в праславянском и образования нового суффиксального имперфекта влились в систему аористных форм, лишив ее однозначной аспектуальной прикрепленности. Имперфектное происхождение имеет архаичный аорист **бѣ** < *bhuē-t [Фасмер I: 141]. По происхождению с индоевропейским имперфектом связывают прежде всего формы простого аориста типа 1 л. ед. ч. *pađь, 2–3 л. ед. ч. *wede, 3 л. мн. ч. *idq, а также формы, вошедшие в парадигму сигматического аориста типа *minq, *oga, *xwali (см. [Мейе 1951: 199, 203; Семереньи 1980: 317]). Имперфектные формы 2–3 л. ед.

⁵ В отличие от славянской глагольной системы, где отсутствовали простые формы футурума, в балтийских языках, как и в индоиранских, представлены формы футурума с тематическим формантом -syo- [Семереньи 1980: 305].

ч. *nese и под., как известно, утвердились в качестве единственно возможных аористов для корневых основ на согласный.

Вместе с тем данные формы точнее могли бы быть охарактеризованы как формы имперфекта-инъюнктива, поскольку претеритальные формы без аугмента в индоевропейском употреблялись не в собственно темпоральном значении, а выражали значения косвенной модальности, а также предположительно — меморатива (упоминания) или недифференцированного по временам указания на связь деятеля с действием (см. [Елизаренкова 1982: 281–283; Иванов 1981: 34–36]). Кроме того, они могли указывать на различные временные значения. В индоевропейском инъюнктив образовывали претеритальные формы с вторичными окончаниями без аугмента, которые, таким образом, теряли значение реального, референтного прошедшего времени. У славян аугмент исчез рано, хотя особенности акцентуации аориста могут указывать на его существование в ранний праславянский период (см. [Vaillant 1966: 17–18, 551–552]).

Сохранение архаичных имперфектных форм и переосмысление их в качестве аористных было обусловлено, судя по всему, параллельным употреблением рядом с новыми суффиксальными формами имперфекта в праславянском (см. [Кузнецов 1961: 126]). Поскольку в древнеславянских языках сохранялись реликтовые формы инъюнктива в виде форм презенса 3 л. ед. и мн. ч. без флективного *-ti (т.е. на *-t > *-ø), связанных по происхождению с имперфектом без аугмента, сохранение имперфектного статуса древних форм было проблематично. Инъюнктивное или императивное употребление безаугментного имперфекта в индоевропейском могло также стать одной из причин его замены новой системой имперфектных форм в праславянском языке. Инъюнктивные формы презенса в древнеславянских языках были связаны с категорией потенциальности или нефактивности и обозначали неакту-

альное действие или действие, реальность которого не утверждается (см. [Жолобов 2012; Жолобов 2014; Жолобов 2016а; Žolobov 2016]). Вариативность форм стандартного презенса и инъюнктивного презенса на $^{*}-(n)ti$ и $^{*}-(n)t$, восходящего к имперфекту-инъюнктиву, сохранилась и в формах нового имперфекта, а также sporadически — аориста (см. ниже).

В индоевропейском праязыке имперфект появился в результате своеобразного претеритального удвоения после образования форм с вторичными окончаниями от основы презенса, в результате чего двухчленное противопоставление превратилось в трехчленное: 3 л. ед. ч. $^{*}bhéug-e-ti$ ‘уклоняется, бежит’ ~ $^{*}(e)-bhug-é-t$ ‘он бежал’ > $^{*}bhéug-e-ti$ ~ $^{*}(e)-bhéug-e-t$ ~ $^{*}(e)-bhug-é-t$ (см. [Семереньи 1980: 322–323]). Поскольку внешнее текущее время презенса во вторичном претерите — имперфекте — стало внутренним в противовес внешнему времени претерита, образовалась потенциальная категория аспектуальности, которая в праславянском языке получила развитие. Видовые значения были наследованы и в других языках (например, в ведийском, древнегреческом и английском см., в частности [Елизаренкова 1982: 283–285; Лайонз 1978: 332–335]).

Претеритальное удвоение и образование нового имперфекта в праславянском повторяет модель претеритального удвоения в индоевропейском. Как и в индоевропейском праязыке, имперфект в праславянском совмещал дуративную или итеративную семантику презенса со значением прошедшего времени. В праславянском языке наблюдается структурная компенсация эволюционных потерь в языке-предке вследствие размывания морфологических характеристик индоевропейского имперфекта-инъюнктива. Формирование нового славянского имперфекта стало своего рода возвращением к исходному индоевропейскому состоянию, когда презенс и претериты образовывали тернарное соотношение и для про-

шедшего являлась актуальной внутренняя – дуративная – семантика глагольного действия, по существу равноценная видовой его характеристике.

Этот процесс можно сравнить с восстановлением корреляции количественных и порядковых числительных и развитием склонения у неизменяемых количественных числительных после утраты морфологической корреляции в ходе фонетических преобразований: *septm̄ ‘семь’ ~ *septm̄-o-s ‘седьмой’ > *setь ~ *sedm-ь > *setь + *sedm-ь = *sedm-ь ~ *sedm-ь-ь (см. [Жолобов 2001: 97; Жолобов 2006: 31]). Толчком к новому удвоению претеритальных форм также стало затемнение морфологической структуры и корреляции словоформ.

Заметим, что древний индоевропейский имперфект не сохраняется в языках, утративших аугмент [Мейе 1951: 218]. В отличие от случаев модификации индоевропейского имперфекта в других языках, в праславянском развитие нового имперфекта воспроизводит исходное индоевропейское тернарное соотношение.

Новый имперфект как форма прошедшего времени развивался вначале, по-видимому, в качестве разновидности сигматического аориста — фактического и исторического прошедшего, поскольку сохранял морфологическую связь с аористом, судя по консонантной основе суффикса *-x-//*-š-(//*-s-)⁶. Вариативные формы 2 и 3 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч. в старославянских евангелиях **нскѡашѣта** vs. **нскѡастѡ**; **въпнѣшѣте** vs. **въпнѣастѣ**, **въпнѣастѡ**; **помѣшѣашѣте** vs. **помѣшѣастѣ** и под., как и в других древнеславянских источниках, указывают не столько на диахронические расхождения, сколько на диалектные различия в праславянском, поскольку в ряде древнеславянских памятников, прежде всего восточнославянского происхождения,

⁶ Исчерпывающий обзор гипотез о происхождении славянского имперфекта см. в [Кузнецов 1961: 110–127], однако среди них нет бесспорных.

формы первого типа не употребляются. Таким образом, имперфектные формы на *-sta, *-ste свидетельствуют о генетической зависимости имперфекта от суффиксального аориста.

Вместе с тем сохранялась как прямая, так и опосредованная связь с основами настоящего времени. Основы нового имперфекта типа *nesē- > *nesě-, *wedē- > *wedě-, *znājē- > *znaja-, *mogē- > *moža-, *rekē- > *reča- могут рассматриваться как основы презенса с продленной ступенью тематического гласного (см. [Vondrák 1912: 510])⁷. Откуда далее в новом типе і-глаголов, где, вероятно, ступени тематического гласного могли варьировать, находим: *nosi-ē- > *nosja- > **НОША-**, *wodi-ē- > *wodja- > **ВОЖДА-** / **ВОЖА-** и под.

В пользу последнего предположения свидетельствуют многочисленные случаи образования имперфекта от основ настоящего времени в древнеславянских памятниках письменности. А. Вайан [1952: 271–272] приводит массу подобных примеров из Супрасльской рукописи, которые мы для большей наглядности дополняем формами инфинитива и презенса 3 л. ед. ч:

ЗОВѢШЕ (при **ЗЪВАТИ** / **ЗОВЕТЪ**), **ЖЕНѢХЪ** (при **ГЪНАТИ** / **ЖЕНЕТЪ**), **МЕЛѢШЕ** (при **МЛѢТИ** / **МЕЛЕТЪ**), **ПРНѢМЛѢШЕ** (при **ПРНМАТИ** / **ПРНМЛЕТЪ**), **ОБРАШТАХЪ** (при **ОБРѢСТИ** / **ОБРАШТЕТЪ**), **МѢШТАХЪ** (при **МѢТАТИ** / **МѢШТЕТЪ**), **БЕСѢДОУШЕ** (при **БЕСѢДОВАТИ** / **БЕСѢДОУЕТЪ**), **КРАСОУШЕ** (при **КРАСОВАТИ** / **КРАСОУЕТЪ**) и др.

⁷ В формальном плане данные основы совпадали с индоевропейскими тематическими основами конъюнктива. Поскольку в конъюнктиве наблюдается вариативность первичных и вторичных окончаний, существует предположение о двух временах в конъюнктиве — презенсе и имперфекте (см. [Kuryłowicz 1964: 139]).

В связи с этим становятся понятными и кажущиеся полностью искусственными формы с тремя гласными графемами в древнерусских евангелиях, наследующих старославянские формы: **нѣсѣмѣна ахѡу** ЕвМст 1117, 97г22–23; **знаѣаашѣ** ЕвТип XII, 469; **въпнѣаашѣтѣ** 40а16–17; **знаѣаашѣ** ЕвПант XII/XIII, 216а14; **бнѣахѡу тн н** 144в4 и под. Если в связи с вышеизложенным **знаѣаашѣ** восходит к *znājē-āx-e-t < *znājē- (модифицированная основа презенса) < *znāje- (тематическая основа презенса), то подобные формы, напротив, закономерны.

В то же время новые, имперфектные, основы на *ē и *ā в формальном плане близки аористным основам типа *birā-, *dēlā-, *imē-, *sēdē-. Неслучайно древний имперфект **бѣхъ** сливается с парадигмой аориста, а рядом развивается новый имперфект **бѣахъ** с суффиксом, расширенным вокалическим компонентом. В Саввиной книге наблюдаются лишь формы с консонантным суффиксом (при одном исключении — **нскѣашѣ**), что может свидетельствовать об исконном характере форм **вѣдѣхъ**, **вѣрѡвахъ**, **ндѣшѣ**, **любѣшѣ**, **плѣтѣхѡмъ** и под., которые принято связывать исключительно со стяжением гласных (см. [Вайан 1952: 268; Ван-Вейк 1957: 320]).

Поскольку основы типа *nesē- могут восходить к формам с двойным гласным *nese-e-x- или *nese-o-x- (ē = e + e, e + o), «аномальные» формы Супрасльской рукописи и Изборника 1073 г., возможно, воспроизводят механизм развития вокализма в суффиксе — удвоение гласного основы:

бѣѣшѣ Супр 69 об., 10; **вндѣѣшѣ** 259, 3;
научѣнѣѣхѡмъ 37, 9; **прѣстанѣѣшѣ** 258, 18;
строѣаашѣ 195, 18; **творѣаашѣ** 237, 20–21 и под.;
бѣѣста Изб 1073, 212в20; **жнѣѣшѣ** 259а23.

В таком случае унификация суффикса в виде **-ах/-аш-** была неизбежна ввиду развития форм **бѣраахъ**, **вѣрѡваашѣ**,

ДѢЛААШЕТЕ, НСКААХЪ, МОЖААХЪ, МОЛНААХЪ, ТВОРНААХЪ и под. Суффикс с «тематическим» гласным *-а- является структурной параллелью к тематическому суффиксу аориста типа *nesохъ, *nesехъ (суффикс -е-хъ находим в древнечешском и древнепольском [Мейе 1951: 205–206]; см. также в древнерусском, волинском, списке древнеболгарского перевода Паренесиса Ефрема Сирина:

ВЪПАДЕХЪ ВЪ СТРА^{ТЬ} СНЮ ЕфрСир 1269–1289, 177а2–3; АЗЪ НЪ ОУКРАДЕХЪ ЧАШЪ 30967–8).

Если исходить из модификации презентной основы и образования новой имперфектной основы типа *wede- > *wedē-, то нужно признать, что в значении нового славянского имперфекта важное место стало принадлежать обозначению внутреннего времени или структуры действия — иными словами, вида глагола, получившего особую форму морфологического выражения. Значение текущего, длящегося или повторяющегося действия презенса, перенесенное в прошедшее, стало внутренним — аспектуальным — временем глагола. Новый имперфект у славян, как и в индоевропейском, это — «present-in-the-past» (см. [Poldauf 1956: 163]). «Как и разграничения внутри категории времени, все они [видовые и частно-видовые значения — О.Ж.] связаны с понятием времени, но (как пишет Хоккет) не с «положением во времени», а с «временным распределением или контуром» действия, события или состояния. Вид в отличие от категории времени не является дейктической категорией; он не соотносится со временем высказывания» [Лайонз 1978: 333].

Как можно заключить из наблюдений над эволюцией славянского имперфекта, скепсис по отношению к развитию начальной стадии категории вида в индоевропейском не имеет под собой ос-

нований. Славянские языки развили категорию, которая в зародышевом состоянии уже существовала в материнском праязыке.

2.2. Функционирование претеритов в древнерусском языке.

Общая характеристика

Вслед за Г. А. Хабургаевым [1991] иногда отмечается, что у восточных славян к моменту появления письменности имперфекта уже не было, более того, скорее всего имперфект им был изначально чужд (см., например, [Петрухин 2003: 8]). В таком случае следовало бы ожидать полной зависимости форм имперфекта в древнерусских источниках от старославянского их вида. Действительно, в древнерусских памятниках еще в XII–XIII вв. встречаются очень архаичные формы имперфекта с тремя гласными графемами подряд, которые даже в старославянском были большой редкостью:

нѣ съмѣнадоху ЕвМст 1117, 97г22–23; **бѣнаашѣ** ЕвПант XII/XIII, 65в3; **нмѣнаашѣ** 112а11–12; **нмѣнаашѣ** 115в3–4; **бѣнадохути** н (< **бѣнадохн**) 144в4; **знанаашѣ** 216а14; **знанаашѣ** ЕвТип XII, 469; **въпннаашѣте** 40а16–17; **бѣнадохоть** н 56г13 и др.

Однако все эти формы ограничены особым типом текстов с наиболее устойчивой и непрерывной традицией — евангелиями. В других текстах таких форм нет. Если исходить из чуждости имперфекта древнерусскому языку, нельзя объяснить, почему уже в самых ранних древнерусских списках старославянских кодексов формы имперфекта последовательно русифицируются:

кѣднаашѣ ЕвОстр 1056–1057, 23г (ст.-сл. **кѣдѣашѣ**), **хотнаашѣ** 182в (ст.-сл. **хотѣашѣ**); **иднаашѣ** Изб 1073, 46г (ст.-сл. **идѣашѣ**); **хотнаашѣ** ЕвАрх 1092, 12а и под.).

Остается предположить, что речевой автоматизм вызывал последовательную замену старославянских форм, которые, вообще говоря, древнерусскому звуковому строю ничем не были противопоказаны.

Безусловно, трудно всерьез рассматривать гипотезу Г. А. Хабургаева об изначальном отсутствии имперфекта в древнерусском языке [Хабургаев 1991], в силу того что древнерусский имперфект морфонологически противопоставлен старославянскому, отличается от его употребления в старославянских образцах, кратнo-перфективные формы имперфекта обладают гораздо большей частотностью, широко распространены формы 3 лица с первичным по происхождению окончанием -ть (см. ниже). Нельзя забывать о том, что именно имперфект стал источником образования новых основ несовершенного вида и своеобразным эпицентром становления категории аспектуальности, развитие которой проходило во всех славянских языках.

Итак, о том, что имперфект являлся живой формой в начальный период письменности, как уже отмечалось выше, свидетельствует употребление в древнерусских источниках особых его форм, отличных от старославянских. «Стяжение дает в старославянском языке и в южных церковнославянских памятниках имперфект на -аχъ, -яχъ, -ѣχъ. Но в русских памятниках вместо -ѣχъ представлено -яχъ: *Остр.* идѣаше (идѣаше), хотѣаше (хотѣаше) вместо идѣ(а)ше, хотѣ(а)ше. Таким образом, они имеют только два типа имперфекта, на -аχъ и на -яχъ (-ѣχъ), с утратой у глаголов на -ити чередования согласных...» [Вайан 1952: 269].

Если бы «своего» имперфекта в древнерусском языке не было, объяснить отличия древнерусских форм от старославянских вряд ли было возможно. Поновления в системе имперфектных форм также нельзя понять, если исходить из их отсутствия в живой речи.

Житие Феодосия Печерского было создано в конце XI или начале XII в. и дошло в составе Успенского сборника XII–XIII вв. (далее — ЖФП; СБУ XII/XIII). В ЖФП формы без чередования от глаголов на -нті являются обычными, хотя формы с чередованием также присутствуют:

первый писец	второй писец
мѣ слѣаше 28б, коупѣаше 29б, коупѣахоу 36а, сподобѣашети и 37г, прославѣаше 38г, оутвѣрди ше и отъпустѣаше 39а, сла вѣаше 39г, распустѣаше 40б, трюдиаше сѣ 43б	приходѣаше 47в, вѣ звратѣаше сѣ 49в, ѿпустѣаше 49г, наводѣаше 50б, ѿходѣаше 57а, излазѣаше 57б, приходѣаше 59в, исходѣахоутѣ 59г, пристаѣаше 60а, вѣзвѣстѣахоутѣ 60а, учстѣахоу 61г, ходѣаше 62а

vs.

первый писец	второй писец
хожаше 27в, оставѣаше 28б, любѣаше 29а, хожаше 30б, помѣшлѣаше 30г, отъхожаше 33а, прихожаше 33в, исхожаахоу 33в, отъхожаа ше 35а, излажааше 36в, помѣ шлѣаше 37а, прихожаа ше 37г, ѿхожааше 38г, прихожаа хоу 40а, отъхо жаахоу 40а, приношаахоу 40а, любѣаше 40а, прихожааше	и схожааше 48а, при хожааше 48б, прихожаа хоу 48б, кѣрѣ млѣаше 50б, направѣа ше 50б, ношаше 51б, исхожааше 57а, хожаше 59г

40а, отъхожааше 40б,
 прихожааше 40б, исхожааху
 41а, исхожааше 42б,
 ѡблѡхутъ | ми сѡ 44б,
 исхожааше 46г

Оба писца используют формы без чередования, однако для первого переписчика это правило не распространилось прежде всего на многочисленные приставочные формы глагола *ходѣти*, в то время как у второго писца мы видим преодоление и этого барьера. Вариативность свидетельствует о живых процессах в динамике имперфектных форм.

Не менее яркой особенностью имперфекта в источниках восточнославянского происхождения, а также в древнерусских копиях старославянских памятников является существование двух серий форм 3 л. ед. и мн. числа: *несѡше* и *несѡшетѡ*, *кѣдѡху* и *кѣдѡхутѡ* и под. Хотя второй ряд форм имеет праславянский возраст, в восточнославянских источниках он получил наиболее масштабное продолжение.

Житие Феодосия Печерского, согласно А. А. Шахматову, было написано между 1078 и 1088 гг. [Шахматов 1896: 47–48]. А. А. Шахматов указал на текстуальную зависимость Жития Феодосия Печерского от Жития Саввы Освященного, переведенного в Болгарии и известного на Руси второй половины XI в. Заметим, что в контекстах, приведенных Шахматовым и содержащих имперфект, такая зависимость проявилась лишь в двух случаях, когда повторяются имперфекты древнеболгарского перевода:

Житие Саввы Освященного
поберже ѡблѡко на земли.
своима попираше ногама.
попираю и с нимѡ и помѡсѡ

Житие Феодосия Печерского
 и бѡжнѣю по|мощию сѡбрѡже
 одежу сѡ се|бе • и своима
ногама попи|рашетѡ ю кѡ калѣ

21;

ѲАКОЖЕ ВЪ ВАС'ѢХЪ ИСКОУШЕНИХЪ
БЖИХЪ. ОУЧАШЕ И КАЗАШЕ СТАТИ
КР'ѢПЦ'Ѣ. ПРОТИКОУ ДИ'АВОЛЕМЪ
КЪЗНЕМЪ 77

• попирала Ѳа съ т'Ѣми и злѣна
помѣсли 34629–34в1;

по всѣмъ днѣмъ не престана и|хъ
НАКАЗАШЕ • и аще па|кѣ
СЛѢШАШЕ Ѳ братина| комоу же
соуцю Ѳ мауа|танин
в'ѢСОВАСКЖИХЪ • то сина
призвавъ и Ѳако| въ вас'Ѣхъ
искоушенихъ| бжжхъ • оучаше и
НАКА|ЗАШЕ СТАТИ КР'ѢПЦ'Ѣ
ПРО|ТИКОУ ДИ'АВОЛЕМЪ КЪЗНЕМЪ
43г24–31

В ЖФП образы текста-источника переработаны и представлены в более развернутом виде. Особенно это заметно во втором фрагменте, где используется и осложненная приставкой форма имперфекта. Во всех других случаях существенная переработка исходного текста сопровождается и изменением грамматической структуры, появлением форм имперфекта при их отсутствии в Житии Саввы Освященного. В частности, имперфект употребляется вместо причастий, что ведет к четкому предикативному структурированию текста и усилению динамичности повествования. См.:

Житие Саввы Освященного

ОЦА НАША САВА. КСА СѦ ПОДА
БѢУ. И ѲАЖЕ ИМАШЕ О СВОИХЪ
ѲЕМОУ. ПР'ѢДА В РОУЦ'Ѣ
ИГОУМЕНОУ. И ПОДВИЖЕСѦ НА
ТРОУДѢ. Д'ѢЛОМЪ ТЕЛЕСНЖИМЪ

Житие Феодосия Печерского

ОЦА ЖЕ НА|ША ДЕУДОСИИ ПРЕ-
ДАВЪ СѦ| БѢУ И ПР'ѢДБАНУОУМОУ
АНТОНИЮ • И ѲТОЛ'Ѣ ПОДАШЕ
СѦ| НА ТРОУДѢ ТЕЛЕСАНЖИНА • И
ВЪ|ДАШЕ ПО ВСѦМЪ НОШИ ВЪ

ВАСА ДНѢ. ВЪДА ЖЕ ВСА НОШИ.
ВЪ СЛАВЛѢНННХЪ БИИХЪ 37;

МНОГѢ ЖЕ ПЕЧАЛІ ПРИА ВЪ
МѢСТѢ ТОМА Ѡ ВѢСЪ 119;

ПРЕЖЕ ВСѢХЪ ВЪ ЦРКВА
ПРИХОДА. И ПОСЛѢЖЕ ВСѢХЪ
ИЗЛАЗА 37;

И МНОГѢ НА БИИ РАЗОУМЪ

СЛАВОСЛОВЛЕНИИ ВЪЖИИ 31В20–26;

МНОГОУ ЖЕ СКЪ||РБА И
МДУАТАНИЕ [ТАК] ЗЪЛИИ ДОУ|СИ
ТВОРАХОУТА КМОУ ВЪ ПЕ|ЩЕРѢ
ТОИ 37Г32–38а2;

СИЦЕ ЖЕ ПО МНОГѢ ДНИ И НО||ЩИ
ТВОРАХОУТА КМОУ ЗЪЛИИ| ДОУСИ
38Б32–38В2;

ГЛА .| ЯКО МНОГОУ МИ ПАКОСТА|
ТВОРАХОУ ВЪ КЕЛИИ ЗЪЛИИ| БѢСИ
44Б14–17;

И ВЪ ЦРКВИ ЖЕ ПРЕЖЕ ВАСѢХЪ
ОВРѢТАА СЯ . И ПОСЛѢЖЕ
ВАСѢХЪ ИЗЛАЗА 42Г14–16;

И| ТАКО ПРЕЖЕ ВСѢХЪ ОВРѢТА|ШЕ
СЯ ВЪ ЦРКВИ . И СТАВЪ НА
СВОЕМЪ МѢСТѢ НЕПОСТОУ|ПАНЪ
СЪ . НИ МІАТЪИ СА ОУ|МЪМА
ВЪЖСТВАННОЕ СЛАВОСЛОВИЕ
СВЪРАШАШЕ . ТИ ТАКО ПА|КЪИ И-
ЦРКВЕ ПОСЛѢЖЕ ВСѢХЪ|
ИЗЛАЖАШЕ 36В2–10;

И МЪ|НОГѢ НА БОЖИИ РАЗОУМЪ|
НАВОДАШЕ . И КЪ НБСАНО|МОУ

НАКОДАЩА 373 (о Савве и Феодосии);

цр̑стк̑ю НАПРАКЛАШЕ 50б10–14;

НАЖЕ ДО НЖНАШНАГО. ВЪ ГОР'К
 ЁЛЕОНАСТ'К'И. ЧЕРНОРИЗЕЧУДСКИМИ
 ДОБРОТАМИ ЦВѢТОУЩИ 285 (об
 Анастасии);

оумножахоу во сна ѿтол'к|
 брагина и| ЦВѢТАШЕ м'ѣсто| то
 добржими нравжи 36г21–22;

ИЗДОША ѿтоудоу. ЧЛВЧУДСКОМА
 ГЛСМА ВЪПНЮЩЕ. О ПОУЖА ѿ
 ТЕБЕ СЛКО 123 (о бесах)

сз| ГН'КВЪМА ВЕЛИКЪМА
ВЪПНЮЩЕ • О ПОУЖЕ СТАРЦА
 СЕГО| ЯКО ИМЖИ СНА МОЕГО И
 СЗ|КРЖИЖИ И ВЪ ПЕЩЕР'К НЕ
 РАЧИ|ТЪ МИ ЯКО ЯКИТИ 32в8–13

Конечно, нельзя забывать и о том, что общее количество имперфектов в ЖФП насчитывает в общей сложности около 380 случаев.

Кратно-перфективные имперфекты и имперфекты 3 л. на -ть в «Слове о полку Игореве» рассматриваются А. А. Зализняком [2008: 94–106] на фоне широкой их распространенности в оригинальных древнерусских источниках как доказательства его подлинности — в длинном ряду других свидетельств.

Особая система простых претеритов в древнерусском языке при отсутствии в оригинальных источниках простого аориста (помимо форм 3 л. ед. числа *може*, *паде* и *под.*, восходящих к древнему имперфекту) и сигматического аориста от основ на согласный (помимо форм основного глагола речи — *рѣша* и *под.*), безусловно, указывает на их узуальный характер.

Ранняя утрата имперфекта как будто бы подтверждается материалом берестяных грамот. Он встретился лишь в трех грамотах

XII в. и в одной грамоте первой половины XIII в. (в составе плюсквамперфекта): *мьвлѣше* 605, *а возывахо тѣ, ты ... дѣлѣши*, [*въ*]лѣши 487, [*бе*]ши 831, *съ сталь бѣши* 510 [Зализняк 2004: 142]⁸. А. А. Зализняк отмечает, что эти редкие примеры имперфекта находят объяснение во влиянии книжного языка, хотя указанные грамоты содержат новгородизмы или даже связаны с бытовой системой письма. Сама по себе узость хронологического диапазона, когда имперфект еще встречается в грамотах, свидетельствует о его потенциальном присутствии в обыденной речи этого времени. Если спорадическое использование архаизмов в обыденной речи, безусловно, существовало, то абстрактно-грамматическое, без связи с определенным контекстом, влияние книжных текстов представляется маловероятным. Действительно, в более поздних грамотах имперфекта нет, хотя в позднедревнерусский период книжное влияние могло бы проявиться более отчетливо.

Впрочем, в грамоте № 136 (40–70 гг. XIV в.) встретила форма *доконьцѣху*, которую А. А. Зализняк характеризует как аорист с окончанием имперфекта *-ху* [Зализняк 2004: 142, 595]. Маловероятно, чтобы такая словоформа могла появиться при отсутствии имперфекта в «сфере пассивного знания» этого периода в качестве архаизма, не утратившего, однако, потенциальный узусальный характер. Неслучайно она имеет и реальную типологическую параллель в среднеболгарских источниках, в которых получает распространение новый аорист на *-хъ* [Вайан 1952: 156], однако в болгарском простые претериты являются формами живого языка. И в том, и в другом случаях образование инноваций вполне объяснимо и обусловлено рано возникшей омонимией словоформ 1 л. и 2 л. мн. числа стяженного имперфекта и аориста у глаголов на *-ати* (*знахомъ — знаете; конѣчахъ — конѣчаєте* и под.).

⁸ Вместо ожидавшегося *кѣше* под влиянием аориста с имперфектной основой *кѣ*. Словоформа *кѣше* совпадает со старославянской стяженной словоформой.

Формы аориста встречаются в берестяных грамотах намного чаще, однако они по большей части сохраняются в стандартных формулах официальных документов. Ср. вместе с тем аорист в составе сослагательного наклонения в записях бытовым письмом (см. [Зализняк 2004: 350–354; Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 358–368]):

...то же нзынеца радъ бзыѹ послале [грам]о[тѣ] ГрБ 724 (60–80-е гг. XII в.).

В составе сослагательного наклонения в грамотах с бытовым письмом встречаются еще 3 формы, в том числе с позднерусской датировкой, а также в 3 л. мн. числа с утратой конечного гласного бзыша > бзыше [бышь]. См.:

... а нзыне бзыѹ посолале ... ГрБ 705 (20-е гг. XIII в.);

... н азъ бзыѹ гнѣ собѣ ѿзбу поставиле ... ГрБ 610 (60–80-е гг. XIV в.)⁹;

... окънъ бзыше стрѣ[лкъы] ... ‘как будто бы стрелки’ ГрБ 809 (60–80-е гг. XII в.).

В грамоте № 633 в новом прочтении допускается аористная интерпретация формы *вьде* ‘повел’ (см. [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 253–255]):

а повель секыроу городкоу [-----] а нване вьде ГрБ 633 (20–50 гг. XII в.).

Аористная трактовка формы *соули* ‘(ты) посулил’ дана для новонайденной грамоты № 1031 (см. [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 129–131]):

⁹ В грамоте представлена также новая форма сослагательного наклонения во 2 л. ед. ч. что бзы неси гнѣ далє [Зализняк 2004: 571].

...а промзышен то ли бологодѣть твоа мнѣ цѣто мн соулн ГрБ
1031 (60–90 XII в.).

Аорист 3 л. ед. ч. бѣи̑ = *бысть* встретился в берестяной грамоте № 954 (первая половина XII в.) (см. [Зализняк, Янин 2006: 3]).

В берестяной грамоте 40–70-х гг. XII в. из Старой Руссы встречается лексема *аѣзша* ‘чтобы’ (Ст. Р. 10), которая образована от аориста *быша* (с надстрочной правкой *a-* на *o-*).

В отличие от языка летописи в грамотах господствуют формы перфекта, что вполне естественно, поскольку основная их часть имеет коммуникативную направленность, является фактом коммуникации, диалоговой формой. Тем не менее А. А. Зализняк [2004: 173–174] считает, что в целом ряде случаев в грамотах перфект употребляется в позициях, свойственных аористу, и предполагает, что не позднее XII в. аорист был вытеснен перфектом как универсальным прошедшим, сохраняясь в сфере «пассивного знания». Это позволяло понимать его и использовать в текстах на «необыденном» языке. Эта ситуация, близкая положению соответствующих аналогов данных форм в современных европейских языках, продолжалась до XIV в. Тот же процесс, но более быстрый по времени предполагается для имперфекта.

Однако это сближение двух языковых ситуаций означает сохранение простых претеритов и включение их в модель дополнительной дистрибуции. Использование простых претеритов за границами «обыденной речи» вовсе не предполагает оттеснения их в область «пассивного знания» в современных европейских языках. Совершенно очевидно, что реальное положение простых претеритов в древнерусском языке было более сложным, поскольку они соотносились с выражением категориальных видо-временных отношений и образовывали не бинарную, а тернарную оппозицию по отношению к перфекту. В то же время функции перфекта определенно были более разнообразны и неоднозначны, чем об этом

обычно говорится. Развитие категорий эвиденциальности и эпистемической модальности на основе перфекта в болгарском и македонском языках коренится, судя по всему, в древнем типе употребления перфектных форм (об этих категориях см. [Макарцев 2014]). Во всяком случае связь с этими категориями обнаруживается и у древнерусского перфекта (см. [Klenin 1993; Klenin 1997; Жолобов 2017: 110–117; Плунгян, Урманчиева 2017]). Э. Кленин возводит семантику перфекта в ранних древнерусских источниках к праславянскому наследию и связывает ее с выражением ирреальной модальности.

Отсутствие у перфекта нарративной функции в древней летописи подчеркивалось Схуневельдом «...the perfect does not narrate, but objectivizes» [Schooneveld 1959: 94]. «The perfect, then (with or without auxiliary) is in its turn a *marked preterite*. The aorist is the *unmarked preterite*, which merely presents a happening in the past. The imperfect is, as opposed to the aorist, also *marked*, since its reference does not extend beyond the situation created by the main body of the story. The perfect is also *marked* in opposition to the aorist, but differently than the imperfect; its validity stretches always beyond the main body of the story or the situation at the moment of the utterance; the event to which it refers has always an objective existence» [Schooneveld 1959: 121].

Имея в виду древнерусский перфект, Б. М. Гаспаров справедливо отмечает: «Говорящий ощущает дискурс не как цепочку дискретных высказываний, но как целостную среду; ее коннотативная «температура» все время изменяется, и эти скользкие перемены влияют на режим работы языковых механизмов. Попытки объяснить все случаи употребления некоторой грамматической формы в качестве проявления какой бы то ни было единой стратегии представляются не только обреченными на неудачу, но и непродуктивными, поскольку они игнорируют динамическую природу

развертывания языкового дискурса в любом виде речевой деятельности» [Гаспаров 2002: 38].

В цепочке перфектов в берестяной грамоте № 605 А. А. Зализняк [2004: 142, 173–174] видит функциональную замену аористов универсальными формами прошедшего времени при описании последовательных событий в прошлом, тогда как формы аориста и имперфекта в той же грамоте связываются им с книжным влиянием. В грамоте рядом встречаются формы аориста *розгнѣвасѧ* (2 л. ед. ч., с восточнославянской приставкой), имперфекта *мѣлклѣше* (2 л. ед. ч., в восточнославянской огласовке) и перфекта *не поустиле* (3 л. ед. ч., без связки после подлежащего *игоумене*, с новгородским окончанием), *прашалъсѧ* (1 л. ед. ч., без связки после личного местоимения 1 л. ед. ч. ѧ), *посѣлалъ* (3 л. ед. ч., без связки), *пришѣла ескѣ* (1 л. дв. ч.), *зконили* (3 л. мн. ч., без связки):

покланание ѿ ефрѣма къ братоу моему исouxнѣ
 не распрашавъ розгнѣвасѧ мене игоумене не поустиле ѧ ѧ
 прашалъсѧ нѣ посѣлалъ сѣ
 асафѣма къ посаднику медоу дѣла ѧ при
 шѣла ескѣ оли зконили ѧ чемоу сѧ гнѣвѣши
 ѧ ѧ късѣгда оу тебе ѧ соромѣ ми оже ми лихѣ
 мѣлклѣше и покланю ти сѧ братѣче мои
 то си хотѣ мѣлки тѣи еси мои ѧ ѧ твои
 ГрБ 605 (к. XI – 1-я треть XII в.).

Хотя А. А. Зализняк допускал наличие аориста и имперфекта в живой речи данного периода, он считает эти формы в грамоте данью книжному стилю, в то время как в формах перфекта видит уже универсальные формы прошедшего времени. Между тем

нужно заметить, что формы 2 л. ед. ч. аориста и имперфекта являются большой редкостью в книжном языке и употребляются обычно с личным местоимением или после обращения [Кузнецов 2014: 281]. Употребление аориста и имперфекта в грамоте, таким образом, не вполне соответствует книжному канону, как и ее синтаксическая структура. Вместе с тем формы 2 л. ед. числа подчеркивают диалоговый характер текста, а прямая речь, в свою очередь, прочно ассоциирована именно с перфектом, поскольку в диалоге прошедшие события соотносятся с внутренним временным планом говорящего и объективируются говорящим, что подразумевает скрытое — по памяти — конструирование реальности в сообщении. Хорошо заметно, что в грамоте формы аориста и имперфекта, с одной стороны, и формы перфекта — с другой, несут разную дискурсивно-прагматическую нагрузку и противопоставлены друг другу. Они оформляют разные сюжетные линии эпистолы. Аорист и имперфект образуют сюжетную канву, связанную с действиями адресата послания, в то время как перфекты от первого лица описывают представления автора о реальном ходе событий с его участием. Обыденная речь, запечатленная в берестяной письменности, диалогична и, таким образом, предполагает опору на предикативные перфектные формы.

Сходное употребление прошедших времен наблюдается и в ранней летописи. Так, перфекты традиционно включены в речь от первого лица в рассказе об охоте из поучения Владимира Мономаха и, выстраивая «виртуальную» реальность, имеют удостоверительное, свидетельствующее значение, а вовсе не значение нового универсального прошедшего (ср. [Шевелева 2015б: 565]). См.:

... со ѿцѣмъ лѡкилѡхъ ѡсма всакѡхъ зѡвѣрь. а се к Ѹерниговѣкѣ
дѣналѡхъ ѡсма. конѡ дикѡи^ѣ своима рукама сѡздалѡхъ ѡсма ...

ИМАЛЪ КСМЪ своимъ рукама тѣ же кони дикиѣ. тура ма ѣ.
МЕТАЛА на розѣ^ѣ и с конемъ. шленъ ма шдинъ БОЛЪ. а ѣ.
 лоси шдинъ ногами ТОПТАЛЪ. а другѣи рогома БОЛЪ. вепръ ми
 на бедрѣ меча ШТАЛЪ. медвѣдъ ми у колѣна подъклада
ОУКУСИЛЪ. лютии звѣръ СКОУИЛЪ ко мнѣ на бедрѣ. и конь со
 мною поверже. и Бѣ некрежена ма СЪБЛЮДЕ. и с коня ПАДАѣ.
 голову си розвиѣ дважды. и руцѣ и нозѣ свои ВЕРЕДИѣ. въ
 оуности свои ВЕРЕДИѣ не блюда живота своего. ни шадла
 голокъи свои ЛЛ 1377, 82 об.—83 (под 1096 г.).

Перерыв перфектной цепочки нейтральными формами абсолютного прошедшего — аористами — не означает равенства претеритальных форм, а является ключом перехода к новой — дидактико-исторической — тематической линии в прямой речи рассказчика (см.: поверже, съблюде, падаѣ, розвиѣ, вередиѣ).

О. Б. Страхова [2011: 280] называет имперфект живой формой «в др.-русском языке» еще в XV в., исходя из его «свободного» использования в записях писцов, однако в этих записях sporadически отражено второе южнославянское влияние, так что имперфект оказывается целиком связан с книжным языком как самостоятельным идиомом.

III. К ИСТОРИИ ИМПЕРФЕКТА

3.1. Перфективный имперфект. Вводные замечания

Прочная связь имперфекта с основами несовершенного вида выражается в статистике форм в канонических старославянских памятниках: только 1% имперфектов образован от перфективных основ, в то время как 40% аористов связаны с имперфективными основами [Večerka 1993: 157].

О развитии славянского имперфекта в рамках складывающейся категории вида свидетельствуют древние формы перфективного имперфекта с рядом обособленных значений.

«Мы конечно привыкли к обыкновенному значению имперфекта, но едва ли оно всегда было въ той же исключительности присуще ему. Если имперфектъ всегда выражалъ только то, что теперь соединяется съ формами его, то становится трудно понятнымъ, какъ могли образовать имперфектъ глаголы совершеннаго вида?» [Ягич 1883: 458].

Ю. С. Маслов установил, что перфективный имперфект приобретал значение «многократно повторявшегося в прошлом действия, каждый отдельный акт которого достиг завершения» [Маслов 1954: 81]. После исследования Ю. С. Маслова принято считать, что ранние древнерусские памятники, в которых перфективный имперфект был обычным явлением, существенно отличаются как от старославянских источников, в которых данные формы практически отсутствуют, так и от древнерусских списков ранних южнославянских переводов [Зализняк 2008: 98]. А. А. Зализняк в связи с этим рассматривает перфективный имперфект в «Слове о полку Игореве» в качестве одного из доказательств его оригинальности. Напротив, В. Б. Крысько [2011: 827–829; 2014: 123–124], ссылаясь на отдельные примеры перфективного имперфекта в источниках южнославянского происхождения, скептически оцени-

вает восточнославянскую природу подобных форм и отмечает неизученность этого специфического явления «на широком материале различных по происхождению источников». Ниже мы рассмотрим старославянские источники или их древнерусские списки, которые, вопреки указанным предположениям, содержат значительное число кратно-перфективных имперфектов, а это свидетельствует о перфективном имперфекте как праславянском наследии.

А. А. Зализняк [2008: 97] впервые установил точный количественный вес перфективных имперфектов на фоне общего числа имперфектов в целом ряде древнерусских памятников. Согласно статистическим данным А. А. Зализняка, своеобразный рейтинг из 12 древнерусских источников — как оригинальных, так и переводных — по абсолютному количеству «имперфектов совершенного вида» выглядит следующим образом:

Памятник	Количество имперфектов СВ	Общее количество имперфектов
1. ПВЛ по Лавр.	56	около 650
2. Житие Феодосия (нач. XII в.)	44	около 380
3. ПВЛ по Ипат.	42	около 620
4. Флав. (XI–XII вв.)	25	около 1800
5. Житие Андрея Юрод. (XI–XII вв.)	13	около 760
6. Гал.-Волын. лет. (XIII в.)	9	около 450
7. «Александрия» (XI–XII вв.)	6	около 300
8. Киев. лет. (автор) (XII в.)	6	около 780

9. Увар. лет. за XII в.	3	около 330
10. Сузд. лет. (XII–XIII вв.)	2	около 300
11. Увар. лет. за XIII–XIV вв.	1	около 590
12. Увар. лет. за XV в.	1	около 310

М. Н. Шевелева [2015а] полемизирует с А. А. Зализняком, который считал, что в Новгороде, судя по Новгородской летописи, в отличие от южной Руси, имперфекты совершенного вида представлены очень незначительно, хотя включает в таблицу данные по новгородскому списку Жития Андрея Юродивого, не считая, по-видимому, дошедший в списке XIV–XV вв. древний перевод новгородским. М. Н. Шевелева, исходя из обилия ярких новгородизмов в рукописи, связывает древний перевод с Новгородом, что, безусловно, оправданно.

Берестяная грамота № 136 XIV в., на наш взгляд, также свидетельствует о перфективном имперфекте как регионально не ограниченной форме:

се ДОКОНЬЦАХУ МЫСЛОВЪ ДЪТЪ
 ТРУФАНЕ З БРАТЬЮ ДАВАТИ
 ОУСПОВЪ · ̅ · КОРОБЕН РЖН ДА КОРОБЬ =
 А ПШЕННЦН · Г · СОЛОДУ · ДАРУ · Г · КУ =
 ННЦН · ДА ПУДЪ МЕДУ · ДЪТЕМЪ · ПО БЪ =
 ЛКН · Г · І · Г · ГОРСТН ЛЕНУ ·
 БОРАНЪ ОУ НОВННУ ГрБ 136 (XIV)
 [Зализняк 2004: 594—595].

В грамоте встречается всего одна спрягаемая форма, и эта форма — имперфект с кратным-перфективным значением — ‘договорились’. Ее появление здесь вполне уместно: предметов договора было много, как и самих актов договоренности. Нельзя также

исключать обозначение встречающейся в подобных случаях дистрибутивности деятелей. А. А. Зализняк полагает, что здесь представлена окказиональная форма 3 л. мн. ч. аориста с окончанием имперфекта.

Установленные А. А. Зализняком статистические данные имеют важное значение: это показательный ориентир для оценки употребительности имперфектов совершенного вида в старославянских памятниках и других источниках.

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия занимает в перечне Зализняка четвертое место по количеству перфективных имперфектов в абсолютном выражении. В издании перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, который считают выполненным в Древней Руси в XI–XII вв., употребление форм перфективного имперфекта характеризуется как «регулярное» и связывается с одним из доказательств восточнославянского происхождения перевода [Макеева, Пичхадзе 2004: 23]¹⁰. Однако на фоне общего большого числа имперфектов и количества слов в тексте абсолютные данные несколько теряют свою значимость, так что «регулярность» употребления перфективных имперфектов оказывается мнимой. Тем не менее имеет смысл исходить при сравнении текстов и из абсолютных цифр, поскольку употребле-

¹⁰ Правда, нужно заметить, что в Указателе издания нередко имперфекты вполне вероятного несовершенного вида **в ъ зъ вращахѣтсѧ** и под. угодили в леммы с инфинитивами совершенного вида **в ъ зъ вратити сѧ** и под.

Авторы отметили, что на фоне «Истории Иудейской войны», перфективный имперфект отсутствует в другом раннедревнерусском переводе — Житии Феодора Студита (ЖФС к. XII). Однако, оказалось, что ЖФС к. XII также содержит перфективные имперфекты в немалом количестве — 11, как, впрочем, и входящее в Выголексинский сборник к. XII в. вместе с ЖФС к. XII Житие Нифонта (сокращенная версия пространной редакции южнославянского происхождения) (см. ниже). Таким образом, перевод ЖФС к. XII должен был бы попасть в середину списка источников с перфективными имперфектами, опубликованного А. А. Зализняком, рядом с Житием Андрея Юродивого.

ние перфективных имперфектов диктуется типом дискурса и прагматикой текста, мотивируется типом того или иного текстового пассажа, в этом отношении являясь независимым от частотности имперфектных форм во всем источнике (см. ниже).

3.2. Перфективный имперфект в старославянском

В старославянских евангелиях перфективный имперфект встречается очень редко, и это определяется типом текста и нормативной стратегией первых переводчиков (ср. исключительно редкое — всего 4 примера — употребление *praesens historicum* в старославянских евангелиях, которое определяется критериями литературной нормы).

В SJS в каждой глагольной статье приводятся пометы, указывающие на вид глагола — совершенного («pf.») и несовершенного («impr.»). В статье **на зь рѣтн** с пометой «pf.» приводится пример имперфекта совершенного вида из Мариинского евангелия: **на зь рѣахъ н къннжъннцн ... аштѣ въ соботѣ н сѣлнты—н** L 6,7 Mar (**на знраахъ** Zogr As Ostr) SJS II: 292. Показательно, что в других евангелиях здесь представлен глагол несовершенного вида, в то время как в Мариинском евангелии подчеркнута многократность и постоянность действия, отражающего дистрибутивную множественность деятеля.

Другой пример из Саввиной книги обнаруживается в статье **пронтн** с пометой «pf.», где обозначена многократность, хаби-туальность и исчерпанность действия полным охватом объектной направленности — в этом случае семантика дистрибутивности относится к объекту действия: **прондѣше ксоу»къ» грады вса** Mt 9,35 Sav (**прождаашѣ** Zogr Mar As Ostr) SJS III: 352.

В отрицательных конструкциях с перфективным имперфектом **не дадѣашѣ** Е. А. Мишина [2015], пользуясь термином

А. А. Зализняка для презенса, видит значение «напрасного ожидания»: «...сѣдалншта продажштнхъ голжбн испровръже · і не дадѣаше ннкомуѣ мнмонестн съсждъ сквозъ цѣрквѣ (Мар.=Зогр., Марк 11:15–16) — несмотря на сопротивление торговцев, Христос не дал/не позволил никому пронести сосуд». Это явное добавление к евангельскому контексту смыслов, которых в нем нет: **не дадѣаше** ‘многократно, ни разу не позволил’ указывает на непреложность и исчерпанность действия — таким образом, интенсивность запрета.

А. Вайан [1952: 379] упоминает пример имперфекта совершенного вида из Сборника Клоца и отмечает, что имперфекты совершенного вида довольно часто встречаются в Супрасльской рукописи, где они обозначают возможность, обычность или кратность действия в прошлом.

По нашим подсчетам, в Супрасльской рукописи представлено 19 имперфектов у глаголов, которые охарактеризованы как перфективные в SJS I–IV и CCC¹¹. Обращает на себя внимание большое количество имперфектов от основ настоящего времени — 11 случаев (они выделены подчеркиванием):

дадѣаше 104, 15¹²; **възмжштааше** 248 об., 11¹³;
задѣхнѣаше сѣ 233 об., 13; **нстрадаахъ** 46 об., 4;
исѣхнѣаше 238 об., 24; **нцѣлѣаше** 248 об., 16;
наслаждааше сѣ 248 об., 12; **научнѣхомъ** 37, 9;
обраштахъм’ сѣ 36 об., 26; **обраштаахъ** 256, 21;

¹¹ Как уже отмечалось выше, Супрасльская рукопись отличается такой же свободой от нормативных ограничений, отразившихся в переводе Евангелия, при употреблении форм *praesens historicum*. Таких форм здесь 28 [Večerka 1993: 173].

¹² Указывается лист и строка рукописи по интернет-изданию на сайте manuscripts.ru (см. список источников).

¹³ О совершенном виде глаголов **възмжштааше** и **наслаждааше сѣ** см. ниже.

ОСТАНѢАХЪ 207, 18; ПОДВНГНѢАШЕ 173 об., 12;
 ПОМОЛНѢАХОМЪ 36 об., 23; ПОРАЗОУМѢАХЪ 256, 20;
 ПРОСНѢАШЕ СД 256, 26; ПРѢМЛЪУДАШЕ 206 об., 23;
ПРѢСТАНѢШЕ 258, 18; СЪННДѢАШЕ 248 об., 10;
СННДѢАШЕ 248 об., 16.

Несомненно, 19 форм — это существенная величина. Общее число имперфектов здесь около 1250 форм — намного меньше, чем в Флав, где около 1800 форм. Только еще в четырех древнерусских источниках представлено большее число имперфектов совершенного вида. Супрасльская рукопись в целом оказывается близкой по этому параметру древнерусским переводным памятникам письменности. В большей части контекстов данные формы имеют отчетливое кратно-перфективное значение. Целый ряд форм входит в целостные пассажи, образуя предикативные цепи. В переводе кратно-перфективное значение приходится передавать описательно или с помощью форм простого будущего — так называемого настоящего совершенного вида. Например, следующий ниже контекст может быть переведен таким образом:

Когда же мы в ратях обретались и всякий раз, как помолим Бога (всякий раз, как молили Бога), Он помогал нам и мы одолевали, и все убегали, и мы одни числом сорок посреди них всякий раз оказывались (бывало, очутимся). См.:

1–2	ѢГ'ДА БО ВЪ РАТЕХЪ ОБРѢТАХОМЪ СД · Н <u>ПОМОЛНѢАХОМЪ</u> БѢ · ТО ПОМАГАШЕ НАМЪ Н ОДЕЛѢВААХОМЪ · НЪ ВЪСН ПОБѢГААХЪ · НЪ МЫ ѢДННН МЪ · ПРѢДОУ НЪХЪ <u>ОБРАШТАХЪ</u> СД Супр 36 об., 22–26.

Такое же законченное неопределенно-кратное действие обозначено имперфектами в других контекстах [Жолобов 2016в].

Не всегда ли, как начнем бороться, произносим этот псалом?

3	НЕ ВЪ СЕГ'ДА ЛН ЁГ'ДА <u>НАУБНѢХОМЪ</u> СД БРАТН · ГЛАГОЛААХОМЪ ПСАЛ'МОСА СЕГО 37, 9–10.

Если же случилось, что нечего было дать ему, то, сняв нижнюю одежду, даст нищему; так же поступал во все годы своей жизни.

4	АШТЕ СД СЪЛОУЧААШЕ НЕ НМѢТН ЁМОУ ННУБСОЖЕ ДАТН ЁМОУ · ТО КОТЪИГЖ СЪВЛѢКЪ СЪ СЕБЕ <u>ДАДѢАШЕ</u> ННШТОУОУМОУ · ТАКО ЖЕ ТВРААШЕ ВЪСА ЛѢТА ЖНТНА СВОЁГО 104, 12–14.

Сойдет там всякий раз ангел и возмутит воду; и кто бы ни вошел в волнующуюся воду, насладится исцеления; сошел Владыка ангелов в Иорданские воды и, освятив природу воды, весь мир исцелил; сего ради там, кто ни сойдет после первого в воду, уже не исцелится.

5–9	<u>СЪННДѢАШЕ</u> ТАМО РЕЧЕ АНГЕЛЪ Н <u>ВЪЗМЖШТААШЕ</u> ВОДЖ · Н НЖЕ БН ВЪЛѢЗЛЪ ПО ВЪЗМЖШТЕННІ ВОДЫ · <u>НАСЛАЖДААШЕ СД</u> НЦѢЛЕНЬНА · СННДЕ АНГЕЛЪСКЪИН ВЛАДЪКА ВЪ ІУРДАНЪСКЪИА ВОДЫ · Н СВАТНВЪ ВОДЬНОЁ ЁСТЪСТВО ВЪСЖ ВЪСЕЛЕНЖЖ НЦѢЛНЛЪ · СЕГО РАДН · ТАМО ОУБО · НЖЕ <u>СННДѢАШЕ</u> ПО ПРЪВѢВМЪ · ОУЖЕ <u>НЕ НЦѢЛѢАШЕ</u> 248 об., 10–16.

Имперфекты с амбивалентной видовой характеристикой **ВЪЗМЖШТААШЕ** и **НАСЛАЖДААШЕ СД**, которые вне контекста скорее нужно было бы считать формами несовершенного вида при глаголах **ВЪЗМЖШТАТН** и **НАСЛАЖДАТН СД**, в данном пассаже реализуют в большей степени вторую сторону

своей видовой природы при глаголах совершенного вида **ВЪЗМЖТНТИ** и **НАСЛАДНТИ** сд. Ср. ставшее источником этого фрагмента известное евангельское чтение, где выдерживается строгая соотнесенность имперфектов с несовершенным видом:

АНГЛЪ Б^Ѡ ГНЬ НА ВСЯ ЛѢТА СЪХОЖДАШЕ ВЪ
КѠПѢЛЬ · Н ВЪЗМѠЩАШЕ ВОДѠ · Н НЖЕ ПЪРВѢ
ВЪЛАЗАШЕ ПО ВЪЗМѠЩЕННІ ВОДЪІ · СДРАВЪ
БЪВАШЕ · ЯЦѢМЪЖЕ НЕДОУГЪМЪ ШДЪРЖНМЪ
БЪВАШЕ ЕвТип 144в6–15 (Иоанн 5:4).

Строго говоря, в этом пассаже в Супрасльской рукописи мы наблюдаем колоссальную концентрацию перфективных имперфектов¹⁴: 5 из 5 —100%!

См. следующий пассаж, где вспоминается ап. Фома, увидевший впервые воскресшего Христа и перстами испытующий Его гвоздийные язвы.

Рукою я плоть ощущал, а душою Бога всякий раз разумел; и вне обретал чудесно, а внутри страшно... Родство просвещалось, и Божество всякий раз сияло...

10-	РЖКЖЖ ЖЕ ПЛѢТЬ ДРЪЖААХЪ · А ДОУШЖ БА
12	<u>ПОРАЗОУМѢАХЪ</u> · Н ВЪНѢЖДѢ <u>ОБРАШТААХЪ</u> УОУДЕСНО · А ЖТРЪЖДѢ СТРАШНО · Н ЯВЪЯНѢМО СА ВЕЛНКО Н ДРЪЖНМО УОУДНО 256, 20–23;
	ЖЖНУБСТВО ПРОСВѢШТААШЕ СД · Н БОЖБСТВО <u>ПРОСНІАШЕ СД</u> · Н НОШЕНО ОВЪШААШЕ СД · Н НОСАН СЛАВЪІАШЕ СД 256, 25–27.

¹⁴ В своей статье [Жолобов 2016в] глаголы с амбивалентными свойствами основы мы не включали в число перфективных имперфектов.

Последний отрывок может создать впечатление, что появление перфективного имперфекта целиком обусловлено греческим первоисточником. Действительно здесь обнаруживается пример калькирования: а) соответствие приставки-перфективатора **про-** греческой приставке, б) соответствие имперфекта греческому имперфекту, в) хотя приставка могла быть иной и нет соответствия для **сΔ** (**проснѣше**— ἐξήστρατε SJS III, 375). Помимо собственно греческого влияния приходится признать определенную гармонизацию уже собственно славянских форм под рукой славянского переводчика. Вместе с тем нужно иметь в виду, что для читателя минеи, каковой являлась Супрасльская рукопись, греческий текст не имел никакого значения.

Главенство славянского материала, а не давление греческого первоисточника доказывается следующим чтением, в котором имперфектом **не прѣстанѣше** переведен греческий аорист οὐκ ἄλεσχετο SJS III, 486. В пассаже описывается классический сюжет христианской литературы, в котором пребывающего в ночной молитве отшельника пытается отвлечь от молитвенного подвига невесть откуда взявшаяся женщина. Здесь имеется и евангельская аллюзия: **тѣцѣте ѿ отврѣзетъ сѧ вамъ** Mt 7,7 Zogr Mar As Sav SJS IV, 461. Ср. искаженное толкование этого пассажа в [Мишина 2015]. Отрицательная конструкция не означает коренных изменений в категориально-грамматической семантике перфективного имперфекта. Многократность лишь получает отрицательный и интенсивный характер — ‘все никак не остановится’.

Минуло уже много времени и ночь преполовляется, а она все никак не остановится, стуча и крича громким голосом...

13	МНОГОУ ЖЕ ЧАСОУ МННЖВЪШОУ · НІ НОШТН ОУ ЖЕ ПРѢПОЛОВАШТН СΔ · <u>НЕ ПРѢСТАНИЕШЕ</u> ТѢКЖШТІ НІ ВЕЛНКОМЪ ГЛАСОМЪ

ВЪПЪЖШТН · ПОМНОУН МА РАБЕ БЖНН ЁДА КАКО ЗВЪРЬМННЪ ДЕНА БЖДЖ ПРЪДЪ ГЛАВОЖ ТВОЖ 207, 17–21.

Сходным образом говорится об отношениях Христа и Иуды, которого Христос явно не обличал, но и многократно не премолчал о нем, чтобы Иуда не утратил страха согрешить предательством, полагая, что о предательстве никому не будет известно. Категориально-грамматическое значение многократности дублируется контекстуально: **УАСТО ГЛАГОЛАШЕ...**

14	ТОЖЕ НИ НАВЪ НГО ОБЛУАШЕ ПРЪДЪ ВЪСЪМН ДА НЕ БЕСТОУДЪНЪНША НГО СЪТВОРНТЪ · <u>НИ</u> <u>ПРЪМЛЪУАШЕ</u> ДА НЕ МНА СД ГОНЕЗНЖТН НЕВЪСТНЖ · БЕ—СТРАХА НАУБНЕТЪ ПРЪДАНАТН · УАСТО ГЛАГОЛАШЕ · НДННЪ ОТЬ ВАСЪ ПРЪДАСТЪ МА · НЪ НЕ НАВЪ НГО ПОКАЗА 206 об., 21–26.

В следующем пассаже толкуется образ смоковницы как любого бесплодного дела, к которому приступили без мысли о Господе. В этом случае значение многократности у ключевого глагола включает также дистрибутивный компонент — отсылку к многочисленным воплощениям образа смоковницы — бесплодным деяниям. Утверждается, что ни одно дело не может быть успешно, если оно не подвигнет ум к приятию небесного.

15	УНН ОБРАЗЪ ПРНЕСЕ СМОКВН · НЕ БО БЪ НИКОЖЕ ХРИСТОСОМЪ БЫВАНОМОЕ ДЪЛО · НЖЕ Н НЕ НМЪАШЕ ТАИНААГО УЛОВЪКЪ ДЪЛЪМА ТВОРНАА БЪШЪЖ БО НИНОЖЕ БЪ ОТЬ НГО · СЪТВОРЕНО ДЪЛО · НЖЕ НЕСТЪ ДЪЛО ОУСПЪШЪН° · НИНОЖЕ НЕ ВЪПНАШЕ НСТННЖ · НИНОЖЕ НЕ КЪ

	НЕ БЕСЬ НОУ ОУМОУ ПРНѦ ТНЮ <u>ПОДВНГНѦШЕ</u> ОУМЪ 173 об., 5–12.

В связи с этим следующий контекст теряет значение однократности, приобретая наглядно-примерную семантику.

16	СНЛЪНЪ ДѦЛОМЪ · ПРОКЛННАШЕ СМОКЪВНЦЪ Ж Н <u>ИСУХНѦШЕ</u> · СНЛЪНЪ СЛОВОМЪ · БРЪННІМЪ ПОМАЗАШЕ ОУН Н ПРОВѦШТАШЕ ЗРАКА 238 об., 23–25 ¹⁵ .

Во всех случаях имперфектами совершенного вида обозначено многократно совершенное, регулярное действие, в некоторых случаях соотнесенное с сакральной непреложностью осуществления. Поиск контекстуальных значений перфективного имперфекта можно признать рискованным занятием, если он препятствует выявлению центральных, инвариантных значений. Кроме кратно-перфективного значения, другим инвариантным компонентом категориально-грамматической семантики может выступать более или менее отчетливо выраженная дистрибутивность либо деятеля, либо объекта или адресата.

Перфективный имперфект может появляться в дистрибутивной цепи субъектов действия с имперфектными предикатами, не обозначая при этом как будто бы многократного действия, а действие однократное. Кратно-перфективное значение в этом случае диктуется отвлеченной типичностью всей ситуации:

17	ОБЪ НХЪ ЗѦА СТОЯШЕ · ОБЪ ЖЕ КОЛѦНОМА ЛНЦЕ ПОКРЫВААШЕ · А ДРОУГЪН ННЦЪ <u>ЗАДЪХНѦШЕ</u> <u>СА</u> · Н ННЪ НАКО МРЪТВЪ ОЦѦПАШЕ · А ДРОУГЪН ОУЖАСОМЪ ДРЪЖНМЪ БѦ · Н ОБЛѦДѦВЪ

¹⁵ У форм имперфекта *помазааше*, *провѣштааше* здесь можно подозревать перфектное значение.

	лѣжаа́ше · а́ дроу́гъи́ въ ж́трѣ́ннхъ прнѣ́жнштнхъ н́штаза́ше 233 об., 12–17.

Наконец, обобщенный субъект мыслится как собирательно-многосоставный и перфективный имперфект в таком случае передает неопределенно-кратное завершенное действие, а его кратность задается дистрибутивной многосоставностью субъекта¹⁶:

18	нѣзеро же бѣ о́ немъже н́ градъ сътворенъ бъистъ · въ́ немъже сн <u>нстрадаа́хъ</u> стѣнн 46 об., 3–5.

В SJS I, 821 статья нстрадатн ‘претерпе(ва)ть (мученичество)’ с пометой «pf.?» иллюстрируется единственным приведенным выше примером с греческой параллелью: ταῦτα διήθλουv οἱ ἅγιοι.

Такой же характер дистрибутивности деятеля имеет предикативная многократность в следующем контексте.

Поскольку все они и так не оставили бесстыдства, своею волей сам собой пожертвовал.

19	ѣлма же н́ снце не <u>останѣа́хъ</u> са стыдостн · волѣнъ самъ са прѣда н́дннъ 207, 18–19.

3.3. Перфективный имперфект в древнерусских списках южнославянских переводов. Праславянская реконструкция

«Генетическая соотнесенность большинства древнерусских рукописей с южнославянской книжностью обуславливает их

¹⁶ Соотносительность значений собирательности vs. исчисляемости и аспектуальной семантики признается в исследованиях по глагольному виду (см. [Mehlig 2013]).

огромное значение для палеославистики» [Крысько 2003: 339]. Безусловно, для того чтобы составить полное представление об употреблении перфективных имперфектов в старославянском языке, необходимо учесть свидетельства церковнославянских памятников древнерусского извода. Анализ этих данных еще более убеждает в том, что перфективный имперфект был довольно обычным явлением в старославянском языке, а мера частотности его форм определялась дискурсивно-прагматической природой текста.

В древнеболгарском Симеоновом изборнике, сохранившемся в древнерусском списке 1073 г., нами обнаружено 9 имперфектов с кратно-перфективным значением — немалая величина (при общем числе имперфектов около 480 словоформ). Все они не противоречат узуальному раннедревнерусскому типу, а часть носит отчетливо русифицированный характер:

п р н в а з а ш е Изб 1073, 151г2¹⁷; **п о д ъ л о ж а ш е** 151г4;
н с п р о с т ь р а ш е с а 151г5–6; **б о у д а ш е** 151г9–10;
в ъ с н я ш е 151г11; **б о у д а ш е** 151г19; **п р н д ъ н а х о у**
 257616; **п р н д ъ а ш е** 257618; **п р н д ъ н а х о у** 257620.

Все формы сосредоточены лишь в двух нарративных пассажах, в которых говорится о многократных завершённых действиях в прошлом, представленных последовательной их цепью, когда действия сменяют друг друга установленным порядком, имеющим таинственную, сакральную природу¹⁸. Подобная прикреплённость

¹⁷ Согласно SJS (III: 264) **п р н в а з а т н** — двувидовой глагол, но в приведенном ниже контексте предпочтительнее видеть перфективное употребление.

¹⁸ См. в связи с этим замечание В. А. Плунгяна: «Наиболее справедливой представляется поэтому гипотеза, согласно которой дискурсивное использование грамматических механизмов в естественных языках в основном осуществляется с целью разграничить разные типы пассажей» [Плунгян 2008: 20].

к особого рода прагматико-дискурсивным формам доказывает сугубую функциональную направленность имперфектных словоформ совершенного вида. В первом пассаже представлены стяженные формы, а во втором — нестяженные, что не является редкостью в компиляциях. См. описание регулярной последовательности действий в ритуале гадания:

1– 6	ДА КГДА ОУБО ХОТАШЕ·СВАТНТЕЛЬ ВЪПРАШАТИ БГА О КОЕИ ЛЮБО РЪУИ· <u>ПРНВАЗАШЕ</u> К НА РАМЪНИЦИ ПОСРЕДОУ ПРСНИ И <u>ПОДЪЛОЖАШЕ</u> РОУЦЪ ПОДЪ НЕ·И <u>ИСПРОСТЪРАШЕ</u> СѦ НА ДЛАННѢ·АКЪ ДЪСКА·И ЗРА НА КФѢДЪ ВЪПРАШАШЕ БГА·О ВЪПРОСѢ·И АШТЕ <u>БОУДАШЕ</u> БОУ ГОДЪ ВЪПРОСЪ ТОУ АБНѢ <u>ВЪСНѢШЕ</u> АДАМАСЪ·И СВѢТОМЪ БЛНСКАШЕ СѦ ·АШТЕ ЛН НЕ БѢАШЕ ГОДЪНО·ПРѢБЪВАШЕ ВЪ СВОЕМЪ УННОУ·КАМЪКЪ·АШТЕ ЛН ХОТАШЕ БЪ НА МЕУЪ ПРѢДАТИ ЛЮДИ·<u>БОУДАШЕ</u> КРЪВАВЪ· АШТЕ ЛН СЪМРТЬ НАИТИ ХОТАШЕ УРЪИЪ Изб 1073, 151в28–151г21.

На примере этого пассажа вновь можно видеть какой огромной концентрации достигали перфективные имперфекты в определенном типе текстах в старославянской традиции: 6 к 13 — 46%.

Это чтение известно и по заимствованию из него в экзегетическом сборнике Изб XIII₁, так что определенное влияние южнославянских источников на употребление кратко-перфективных имперфектов существовало. См.:

ДА КГДА ОУБО ХОТАШЕ СГЛА ВЪПРАШАТИ БГА О КОЕ ЛЮБО РЪУИ· <u>ПРН·^БЗАШЕ</u> К НА РАМЪНИЦИ ПОСРЕДОУ ПАРСИИ· И <u>ПОДЪЛОЖАШЕ</u> РОУКОУ ПОД НЕ· И <u>ИСПРОСТЪРАШЕСѦ</u> НА ДЛАНЮ АКЪИ ДЪСКА· И ЗРА НА

ЕФУДЪ. ВЪПРАШАШЕ БГА Ѡ ВЪПРОСѢ. И АЩЕ БОУДАШЕ БГОУ ГОДѢ
 ВЪПРОСЪ. ТОУ АБАК ВЪСНАШЕ АДАМАНИТЪ. СЪИ СВѢТЪМА
 БЛИСКАШЕСА. АЩЕ ЛИ НЕ БАШЕ ГОДНО. ПРЕЖИВАШЕ ВЪ СВОЕМЪ УИНОУ
 КАМЪИХЪ. АЩЕ ЛИ ХОТАШЕ БЪ НА МЕУА ПРЕДАТИ ЛЮДИ. БОУДАШЕ
 КРЪВАВЪ. АЩЕ ЛИ СМАРТА НАИТИ ХОТАШЕ. УДРНЪ БОУДАШЕ Изб
 XIII₁, 150–150 об.

В Изб XIII₁ добавлена, по сравнению с Изб 1073, еще одна форма перфективного имперфекта *будяше*.

Необычно то, что в следующем фрагменте имеется стечение трёх перфективных имперфектов одного глагола **пРНТН** с основой настоящего времени, а рядом представлена форма с инфинитивной основой **пРНХОЖДАШЕ**:

7– 9	ДА КГДА ОУБО <u>ПРНДЪИХОУ</u> НИОПЛЕМЕНЬНИЦН ПОУРПАТЬ НЕ <u>ПРНДЪАШЕ</u> ВОДА. КГДА ЛН НИЖДЪН <u>ПРНДЪИХОУ</u> ПРНХОЖДАШЕ Н ВОДА. ДА ТЪМЪ Н НЪИНЪ НАПРАСНО Н СХОДН ВОДА. ДА СА ЯВН ТАНА БЖННА Изб 1073, 257615–24.

См. также примеры перфективных имперфектов в древнерусском списке 13 Слов Григория Богослова XI в., где встречаются глаголические буквы или их рефлексy (см. диграф шy: ешyе ГБ XI, 322г; имжшyе 236г; отъкѣшyа 65в и др.):

вждѣахѣ ГБ XI, 26а; расмошрѣаше 255а; съглаголаше 311а.

В Синайском патерике, который был переписан со старославянского кодекса в конце XI в. (или, возможно, в начале XII в.), нами обнаружено еще большее количество имперфектов совершенного вида — 22 (при общем количестве около 840 имперфективных словоформ). Это весьма значительная величина даже на фоне

древнерусских памятников с высокой относительной частотностью перфективных имперфектов. Среди них много так называемых стяженных, а кроме того, русифицированных форм, а также форм от основ презенса — 13 (последние выделены подчеркиванием):

ВЪЗЪМАШЕ СинП к. XI, 4 об., 2; ВЪЗЪМАШЕ 175 об., 1–2; ВЪНЪМАШЕ 149, 18; ВЪСКЛЕПАШЕ 71, 18; ВЪСКЛЕПАХОУ 89 об., 19–20; НСТАНАШЕ 176 об., 1; ОБРАЩАХЪ 112, 11; ОБРАЩАШЕ 10 об., 7–8; ОБРАЩАШЕ 117 об., 16; ОБРАЩАШЕ 124, 3; ОБРАЩАШЕ 167, 19–20; ПОВЕЛААХОУ 37 об., 7; ПОКРЫНАШЕ 116 об., 12–13; ПОЛОЖАШЕ 116 об., 14; ПРНДААХОУ 37 об., 6–7; ПРНДАШЕ 154, 4; ПРНДАШЕТЕ 165, 7; ПРНСТОУПАШЕ 4 об., 3; ПРЪБОУДАХЪ 71, 17; ПРЪБОУДАХЪ 90, 1; РЕУАШЕ 92, 8; СЪКОНЬУАШЕ 28 об., 10–11.

Большое число перфективных имперфектов в Синайском патерике естественно вытекает из дискурсивно-прагматической природы текста, повествующего о жизни монашествующих с ее неизменным, раз и навсегда заведенным порядком, с регулярной последовательностью цепи завершенных действий. Приведенный ниже контекст, например, может быть переведен следующим образом:

И когда я преодолел все ступени, пребывал (пребуду) здесь всякий раз, пока не всклепало било, кланяясь и совершая молитву; и когда даст знак било, я отправлялся на службу. См.:

1–2	Н КГДА СЪЛЪЗОХЪ СТЕПЕНЬ ВЪСЪХЪ • ТОУ <u>ПРЪБОУДАХЪ</u> ДОНДЕЖЕ ВЪСКЛЕПА БНЛО • КЛАНАНА САН МОЛНТБОУ ТВОРА • Н КГДА <u>ВЪСКЛЕПАШЕ</u> БНЛО • ТЪГДА ХОЖАХЪ НА СЛОУЖЬБОУ СинП к. XI, 71, 16–19.

Приведем ниже еще ряд контекстов с подобными формами. Во всех случаях здесь со всей очевидностью выступает кратноперфективное значение, как в следующем примере:

...где, бывало, найдет логовище льва, там и спал.

3	Н М'НОГашь ДЪ ОХОДА • Н ПРѢБЪВАА ВЪ БРАТННХЪ • СТГО НЕР'ДАНА • НДЕЖЕ <u>ОБРАЩАШЕ</u> ЛОЖЕ ЛЬВОВО ТОУ СЪПАШЕ 10 об., 6–8.
4–5	Н КГДА <u>ВЪЗЪМАШЕ</u> ПОМЪШЛЕННЕ ДА БЪИ ОТЪШЬЛЪ • <u>ПРНСТОУПЛАШЕ</u> ЖЕ КЪ [...]МОУ • ПРРКЪ НОАНЪ ГЛА • ТЪР'ПН Н ОБЛЪГЪЮ ТА ОТЪ БРАНИ 4 об., 2–5.
6	Н КГДА ВЪСХОЖАШЕ СЛНЦЕ • Н <u>СЪКОНЪУДАШЕ</u> КАНОНЪ • Н СЪДАШЕ УЪТЪ СТОНЕ ЕВАН'ГЕЛНЕ • ДОНДЕЖЕ СЪБЪША СЪБЪРАЛН НА ПЪННЕ 28 об., 10–13.
7–8	Н НА ВЪСАКОУ СОУБОТЪ ХОЖДААХЪ КЪ НЕМОУ • ДА БЪИ ВЪКОУШАЛЪ ПИЩА • НМААХОУ БО ВЪСН СЕ ЖЕ • ЯКО ВЪ НЪЖЕ УАСЪ АЩЕ <u>ПРНДААХОУ</u> КЪ ГНМЪ НЪЦНН • <u>ПОВЕДАХОУ</u> Н МЛТЪЖ СЪТВОРНТН • ОНЪМЪ ЖЕ МЛТВОУ ТВОРАЩЕМЪ • СНИ ТРАПЕЗОУ ПОСТАВЛААХОУ • Н АБНЕ ПИЩА ВЪКОУШААХОУ 37 об., 6–10.
9–10	ПОВЕДАШЕ НАМЪ ТАКО ЖЕ АМ'МА ДАМНІАНИН Н СЕ ГЛЮЦН • ЯКО НА В'СА ПАТЪКЪ ПРѢЖЕ ДАЖЕ НЕ <u>ВЪСКЛЕПАХОУ</u> • ХОЖАХЪ КЪ СТГОУМОУ КОЗ'МЪ Н ДАМНІАНОУ • ТОУ ЖЕ <u>ПРѢБОУДАХЪ</u> В'СЮ НОЦЬ 89 об., 18 – 90, 1.

11	аще когда <u>реуаше</u> кмоу братъ • ꙗко хошю т н рещи мзысль своуж • глаше кмоу съ кротъкомь гласомь • прндн въ крывуклонъ • н хожаше на дроугоуж страноу стлѣпа 92, 8–11.

12–13	егда же пѣсъкъ <u>покрыаше</u> оуже ѿ вѣтра • дръжаше роукоуж же нстрасаше • н пакы <u>положаше</u> на землн • н тако по кмоу хожа[...] 116 об., 12–15.

14	ннубсоже нмаше тъунуж кдннъ стнхарь н ѳелонъ • н мало к'ннгъ • съпаше же на столѣ древанѣ • въ кенже <u>обрашаше</u> црѣкъвн 117 об., 14–17.

15	бѣ же нѣк'то говѣннъ бѣльць въ вьсннѣкон • н прнмаше кго вѣроуж кднкоже <u>прндаше</u> въ вьсь 154, 2–4.

16	нмѣаше же въ костан'тннн градѣ држга санъ велнкъ дръжаща • оуноу женоу нмжца • да егда <u>прндашете</u> въ домъ свон прнмаше кго • н ѣдаше съ ннм[...] н съ женоуж кго 165, 5–9 ¹⁹ .

Все контексты принадлежат определенным типам повествования: неординарные формы выступают в цепях однородных словоформ, как было в свое время установлено Ю. С. Масловым

¹⁹ В издании прндашете, а в примечании дается греч. параллель ἐκεῖ ‘туда’. В данном случае можно предположить архаичную форму 3 л. дв. числа либо русифицированную форму 3 л. ед. числа прндашетъ с опiskeй по инерции (ср. описки в строке 3 нѣ възьметь и строке 14 ннтн).

[1954: 81], который выделял 3 типа цепей с разным характером держательных внутренних отношений: 1) кратно-парный, 2) кратно-цепной, 3) кратно-предельный. По-видимому, это закон глагольной грамматической системы — глагольного морфосинтаксиса, который проявляется у разных типов форм. Согласно О. Ф. Жолобову [Жолобов 2012; 2014], так называемые нулевые формы презенса также выступают в полипредикативных цепях, где, как правило, только и могло реализоваться значение неактуального, нефактивного или возможного действия. Трудно согласиться с Ю. С. Масловым в другом — в том, что именно внутренними темпоральными отношениями в цепях диктовалось появление перфективных имперфектов. Кратно-перфективное значение как категориально-грамматический феномен существует само по себе и реализуется в полипредикативных цепях, но вовсе не продуцируется ими.

Приведенные факты доказывают, что перфективные имперфекты как категориально-грамматическое явление наблюдаются в старославянском языке, однако, как и в древнерусских памятниках, они ассоциированы с особым типом повествования.

Большое количество имперфектов с кратно-перфективным значением (**в ъ с т а н ъ а ш е**, **н з н д ъ а ш е** и под.) представлено в другом архаичном источнике такого же типа, что и Синайский патерик, — Скитском патерике, древний перевод которого предположительно может принадлежать Мефодию (см. [Крысько 2014: 123]). Этот факт доказывает, что употребление перфективного имперфекта не имело региональных ограничений.

Кратно-перфективные имперфекты с дистрибутивным семантическим оттенком встречаются в древнем, кирилло-мефодиевском, переводе Апостола. Показательно, что в поздних редакциях эти формы не сохраняются. Среди замен, наряду с имперфектом от маркированных основ несовершенного вида, обнаружива-

ется аорист. См. в древнерусском списке сер. XII в. — Христинопольском Апостоле (в SJS II: 597 приведена лишь не имеющая соответствий в других списках имперфектная форма перфективного глагола **ОТЪГЛАГОЛАТИ**):

**ОУМЪЛУАВЪ ЖЕ ВСЬ НАРОДЪ . ПОСЛОУШАХОУ
ВАРНАВЫ И ПАВЛА . КЕЖЕ ПОВѢДАШЕТА . КЕЛИКО
СЪТВОРИЛЪ НМА БЪЗНАМЕНЬНА . И ЧЮДЕСА ВЪ
НАЗЫЦѢХЪ** АпХрист сер. XII в., 5, 14–17; **СЛЫШАВЪ
ЖЕ “ ФІЛІУЪ ЎГЛАШЕ НМЪ** 31, 13–14; **О НЕМЪЖЕ
СТАВЪШЕ КЛѢВЕТНИЦИ . НИ КЕДНОЮ ВНИЗИ
ПРИТЪКНАХОУ** 33, 3–5; **КГДА ЖЕ ДНЬ БЪІ . НЕ
ПОЗНАНАХЪ ЗЕМЛНА** 38 об., 8–9.

Ю. С. Маслов придавал большое значение следующему факту: «...можно было бы думать, что имперфект совершенных глаголов возникает в поздний общеславянский период, когда начинает складываться современная система вида. Но рассмотренный фактический материал в одном пункте несколько противоречит такому предположению и заставляет внести в него некоторую поправку. Дело в том, что, как мы видели, согласованные показания древнерусского, древнечешского, старохорватского и современного болгарского языков противостоят отсутствию кратноперфективного значения и вообще подлинных случаев имперфекта совершенных глаголов в старославянском переводе евангелия и слабому развитию этой категории в других старославянских текстах. Учитывая это положение вещей, мы, вероятно, должны будем допустить некоторую задержку, некоторый разрыв во времени между возникновением совершенного вида и возникновением имперфекта совершенных глаголов» [Маслов 1954: 137]. Судя по приведенным фактам, данное противоречие в действительности является мнимым, потому что перфективный имперфект уже присутствует в старославянских источниках, а значит,

восходит к языку-предку. Старославянская традиция не исчерпывается классическими памятниками, будучи отраженной в более поздних списках старославянских переводов, которые еще изучены далеко не в полной мере.

Таким образом, наличие перфективного имперфекта в источниках старославянского происхождения доказывает, что славянский вид в основных своих чертах сложился уже в языке-предке, а существование перфективного имперфекта как категориально-грамматического явления свидетельствует о том, что новое удвоение претеритальных форм и развитие нового славянского имперфекта является отражением видового противопоставления в системе праславянского презенса, с которым имперфект коррелирует. Перфективный имперфект в древнерусском языке является праславянским архаическим наследием. Необычайно широкое использование перфективно-имперфектных словоформ в ранних древнерусских памятниках составляет особую черту языка восточных славян в XI–XII вв., хотя нельзя утверждать, что древнерусские источники не испытали влияния южнославянских письменных памятников.

В действительности вес перфективных имперфектов в древнеславянских источниках может оказаться еще выше, если будет установлено контекстуальное значение словоформ, которые допускают двоякое истолкование. Так, имперфект **оукрѣпѣша** и под. может интерпретироваться и как форма глагола **оукрѣпѣти**, и как форма глагола **оукрѣпѣти**, и как двувидовая форма. В. Б. Крысько [2011: 828] приводит контекст с цепью из четырех подобного рода форм в древнерусском Софийском прологе XII–XIII вв., которые с большой долей вероятности имеют кратно-перфективное значение:

ндоста [Адриан и Еввул] **въ кесарню** • **да**
посѣтѣта **соущаѣ** **въ тьмнцахъ** •

МОУЧАЩЮ БРАТНЮ НАШЮ • Н ШЪДЪША
ПОСЪЩАСТА ѿ • Н ОУТЪШАСТА Н ОУКРЪПЛАСТА ѿ
 • НЪ Н КЛННЫ ОУЧАСТА СЛОВОУ БНЮ • Н МНОГЫ Ѡ
 ННХЪ ОУБО КРЪСТАСТА ПрС XII/XIII, 13669–19

(много раз оба посетили их, и утешили, и укрепили их, ...и многих же из них крестили).

В древнерусских списках старославянских памятников перфективные имперфекты не только сохраняются, но вводятся, по видимому, и новые их формы. Так, если в новгородском Захаринском паримейнике 1271 г. форма имперфекта с кратно-перфективным значением **ВЪННДААХОУ** отражает первоначальный кирилло-мефодиевский перевод, судя по параллелям в списках разных редакций, приведенным в издании Р. Ф. Брандта [Брандт 1894, 3: 173] (Стеф. -**ДАХУ**, Белгр. -**ДЪХЮ**, Лобк. -**ДОХЖ**), то формы имперфекта с тем же значением **ВЪЗМОЖАХОУ** и **СОГОРАШЕ** не имеют поддержки в других списках паримейника. См.:

СПОЛН ЖЕ
 БЪАХОУ ПО
 ЗЕМЛН ВЪ ТЫ
 ДНН Н ПО ТОМЪ
 ЖЕ АКОЖЕ
ВЪННДААХОУ
 СНОВЕ БЖНН • КЪ
 ДЪЩЕРЕМЪ
 ЎЛВУЪСКАМЪ •
 Н РАЖААХОУ
 СЕБЪ СН • Н ТН
 БАХОУ СПОЛН Ѡ
 ВЪКА ЎЛВУН
 НМЕННТН Зах

ТОЖЕ ІСПОЛНЕНН
 БЪАХОУ ПО
 ЗЕМЛН ѿАКОЖЕ
ВХОЖАХОУ СНВЕ
 БНІ КО
 ДЩЕРЕМЪ
 ЎЛВУЪСКЫМЪ •
 І РОЖЮ СОБЪ
 СНЪІ • І НЕ БЪША
 БО ІСПОЛНЕНН
 ЎЛВЦІ
 ІМЕННТНІ Тр
 XIV₂, 27615–27в2

ПЛОДН ЖЕ БЪХЖ
 ПО ЗЕМН ВЪ
 ТЫА ДНН • Н ПО
 ТОМЪ ВКОЖЕ
ВЪХОЖДАХЖ
 СНОВЕ БЖНІ КЪ
 ДЪЩЕРѦМЪ
 ЎЛВУЪСКЫМЪ •
 Н РАЖДАХЖ СА
 БЪСН • ШНН ЖЕ
 БЪХЖ НПОЛН •
Ѡ ВЪКА ЎЛВЦН
 ІМЕННТІ ГРИГ
 XII/XIII, 29v11–14

1271, 67611–67B3²⁰

КЛМН ЖЕ ІА
 СЪМЪРААХЪ
 ТОЛМН ЖЕ БОЛЕ
 БЪВАХОУ Н
БЪЗМОЖАХОУ
 ЗЪЛО·Н
 МЪРЗАХОУ
 КГОУПТАНОМЪ
 С̄НОВЕ·Н̄ЗЛЕВН·Н
 НАСНЛОВААХОУ
 КГОУПТАНЕ НА
 С̄НЫ НЗЛЕТСКЪ·
 НОУЖДЕЮ Зах
 1271, 174a18–
 174612²¹

КЛЪМН ЖЕ ІА
 СМЪРАХУ І
 ТОЛЬМН ШНН
 ПАУЪ
 МНОЖАХУСА·І
ВОЗМАГАХУ
 ЗЪЛО·І
 МЕРЗАХУ
 КГҮПТАНОМЪ
 С̄НОВЕ ІЗЛЕВН І
 НАСНЛОВАХУ
 КГҮПТАНЕ НА
 С̄НЫ ІЗЛВЪІ Тр
 XIV₂, 80B6–13

ЕЛІКО ЖЕ
 МЖУЪХЖ А·
 ТОЛНКО
 БОЛЪШН
 БЪВАХЖ·Н
БЪЗМАХЖ [sic]
 ЗІАЛО·
 МРЪЗІАХЖ
 ЕГҮПТЪНОМЪ
 С̄НОВЕ Н̄ЗЛЕВН·Н
 НАСНЛОВАХЖ
 НА С̄НЫ
 Н̄ЗЛЕВЪІ
 ЕГҮПТЪНЕ
 НЖДЕА Григ
 XII/XIII, 69, 21–25²²

Н ВНДЪ ІАКО
 КУПННА
 ГОРАЩОУ [sic]
 ШГНЬМЪ·
 КУПННА ЖЕ НЕ
СОГОРАШЕ РЕ^Х ЖЕ
 МОНСН·
 МНМОШЕДЪ
 ВНЖЮ
 ВНДЪННЕСЕ

Н ВНДЪ ІАКО
 КУПННА
 ГОРАШЕ
 ШГНЕМЪ·
 КУПННА ЖЕ
 ГОРАШЕ Н НЕ
СГАРАШЕ·РЕ^Х ЖЕ
 МОНСН
 МНМОШЕДЪ
 ВНДЪХЪ

Н ВНДЪ ІАКО
 КЖПННА
 ГОРЪШЕ
 ШГНЕМЪ·
 КЖПННА ЖЕ НЕ
ЗЪГАРАШЕ·РЕ^Х
 ЖЕ МОНСН·
 МНМОШЕДЪ
 ВНЖДЖ
 ВНДЪННЕСЕ

²⁰ Бытие 6:4.²¹ Исход 1:12–13.²² В параллели по Лобковскому списку БЪЗМАГАХЖ.

ВѢЛНКОЕ ѠАКО НЕ СЪГАРАЕТЪ КОУПНА Зах 1271, 235Г13– 236а5 ²³	ВНДѢННѢ СЕ ВѢЛНКО ѠАКО НЕ СГАРАШЕ КУПНА Тр XIV ₂ , 127Г11–19	ВѢЛНКОЕ: ѠАКО НЕ СЪГАРАЕТЪ КЖПНА Григ XII/XIII, 103, 5–9 ²⁴

Как необходимый богослужебный текст, паримейник должен был получить перевод в самом начале славянской письменности. Существование кирилло-мефодиевского перевода паримейника подтверждает анализ древних списков этого текста. Они содержат как большой объем лексики, так и грамматических архаизмов, свойственных старославянским глаголическим рукописям (см. [Михайлов 1912: 347–391; Jagić 1913, S. 422–479]). Среднеболгарский Григоровичев паримейник XII–XIII вв. сохранил следы глаголического подлинника в использовании буквенной цифири. Аналогичное явление нам удалось найти в древнерусском Захаринском паримейнике 1271 г. (см. [Zholobov 2016: 153]). В качестве кирилло-мефодиевского источника материал паримейника включен в «Slovník jazyka staroslověnského» (см. SJS I, LXIV–LXV).

Приведенные факты подтверждают аутентичность и функциональное родство как старославянских, так и древнерусских форм перфективного имперфекта, унаследованных из языка-предка. Имперфекты с кратно-перфективным значением фиксируют внимание в повествовательных текстах на особого рода реальности — хабитуальных завершенных ситуациях как мере и свидетельстве

²³ Исход 3:2–3.

²⁴ В Лобковском паримейнике **не съгараше**. Параллель из Захариинского паримейника в издании Григоровичева паримейника приведена неточно: **не шгараше**.

упорядоченности, неслучайного характера и причинной обусловленности событий.

Возможности употребления перфективного имперфекта, как можно предполагать, были отправной точкой в разнонаправленном развитии перфективных и имперфективных глаголов в разных славянских языках, в результате чего в «западных» славянских языках хабитуальные ситуации по-прежнему могут описываться перфективными глаголами (см. [Fortuin, Kamphuis 2015]). В то же время развитие перфективного имперфекта доказывает смысловую соотнесенность категории вида с категорией исчисляемости vs. собирательности, поскольку, как было установлено выше, плюрально-дистрибутивный тип деятеля или объекта и адресата провоцировал употребление перфективного имперфекта. Это второе по значимости мотивационное основание использования перфективного имперфекта.

3.4. Перфективный имперфект в трех переводах: Выголексинский сборник к. XII в.

Выголексинский сборник датируется концом XII в. (далее — СБВ к. XII). Он включает древнейшие славяно-русские списки двух переводных текстов — Жития Нифонта Констанцкого (далее — ЖНК к. XII) и Жития Феодора Студита (далее — ЖФС к. XII). ЖНК к. XII в СБВ к. XII является переработкой пространной редакции Жития Нифонта в древнеболгарском переводе, сохранившемся в славяно-русском списке 1222 г. (ЖНК 1222). Есть основания предполагать, что краткая редакция, отраженная в СБВ к. XII, возникла в Древней Руси, чем и объясняется проникновение в текст немало числа фонетических и морфологических русизмов. Есть в краткой редакции и лексические замены, в том числе русизм **малъ пъръ тькъ**, заместивший лексему **сажець** пространной редакции (см. [Пичхадзе 1998: 480–481]).

В отличие от этого, ЖФС к. XII — плод труда древнерусских переводчиков и включает ряд лексических русизмов, в том числе такой раритет, как слово **акноно** ‘словно, якобы’, нестандартным образом точно передающее греч. $\delta\eta\theta\epsilon\nu$ (см. [Пичхадзе 2011: 37]). А. А. Пичхадзе установлено, что в промежутке текста на л. 102–117 произошла смена переводчика, однако лексические русизмы представлены в обеих частях перевода [Пичхадзе 2011: 38].

СбВ к. XII записан одним писцом. Вкрапления второго почерка в объеме примерно одного листа имеются лишь на л. 164 об.–166 [Гольщенко 1977: 11].

Таким образом, в СбВ к. XII выступает уникальное сочетание историко-лингвистических данных: в нем представлены самые ранние списки переводов двух житий; ЖНК к. XII является древнерусской краткой переработкой пространной древнеболгарской редакции, сохранившейся в древнерусском списке ЖНК 1222; две части ЖФС к. XII переведены в Древней Руси разными переводчиками; сборник переписан одним писцом, вкрапления второго почерка имеют объем около 1 л. Указанные разнородные характеристики обладают большой мерой информативности при соотношении их с функционированием грамматических категорий и форм. Ниже будет рассмотрено распределение перфективных имперфектов в СбВ к. XII в трех его частях — в ЖНК к. XII и в двух частях ЖФС к. XII. Это позволит установить, насколько три типа перевода различаются в употреблении данного типа форм.

Первая часть СбВ к. XII — ЖНК к. XII (л. 1–33) — имеет гораздо меньший объем по сравнению с примерно равными второй и третьей частями — ЖФС (л. 33 об.–171). Нижняя предполагаемая граница — л. 102 — смены переводчиков в ЖФС точно совпадает с серединой текста и можно предполагать, что это не просто случайное совпадение.

Данные СбВ к. XII чрезвычайно показательны для истории перфективного имперфекта. Имперфекты совершенного вида

здесь, как оказалось, представлены во всех трех частях, но в разном количестве. В ЖНК к. XII, для которого предполагается южнославянское происхождение, находится по крайней мере 6 (или 8, если учесть контекстуальные значения амбивалентных по виду глаголов **ПОМАЗАШЕ СЯ** и **ПОБѢЖАШЕ**) имперфектов совершенного вида, что составляет довольно большую величину, если иметь в виду небольшие размеры текста в целом — в 2 раза меньше, чем каждая из двух частей ЖФС к. XII.

Перфективные имперфекты описывают регулярные, хабитуальные, установленные в качестве необходимых и непреложных действия главного персонажа агиографического повествования. Здесь наблюдаются перфективные имперфекты только 3 л. ед. ч., характеризующие св. Нифонта. См.:

(1) **АЩЕ БО ВЪ ЧЪТО ВЪПАДАШЕ ЛОУКАВО · ТОЛЬ СКОРО ПРИИМАШЕ ПРОСТЫНЮ** ЖНК к. XII 19, 17–19 об., 1;

(2–3) **И СЯ ГЛА НАУЧЬШАШЕ СЯ БИТИ ЯКО СЪНОУ УБѢГНОУТИ РАНОЮ ТОЮ · И СТАНЯШЕ БЪДРЪ НА МЛТВѢ · И ПО СЪКОНЬУАНИИ МЛТВЫ · ГЛАШЕ КЪ СЕБЕ · ВЪНИМАИ НИФОНТЕ · АЩЕ ЧДЫН ИЛИ ПЫА СЛОУЖИШИ ГОУ БОУ ТВОЕМОУ БЕЗ ДРЕМАНИА · ТО ДАМЪ ТИ ПАКЪ ЧЕСТИ И ПИТИ** 2 об., 5;

(4–5) **И КЪ ЦРКВИ КЕГДА [sic] ПОНДАШЕ · ВЪСѢМЪ СЯ ПОКЛАНЯШЕ · А САМЪ СЪМѢЖАШЕ ШУИ · НЕ ХОТЯ ВНАЧЕТИ ПОКЛАНЮЩИХЪ СЯ КМОУ · НЕНАВНДАШЕ БО СЛАВЫ ЧЛВУЬСКИ · И КЕГДА СТАНЯШЕ ВЪ ЦРКВИ БЛЖИТИ · ЗАЗНАШЕ СЕБЕ ГЛА · ПРИШЕЛЪ ЕСИ СЪМО ШКАНЬНЕ ДА СКВЕРНИШИ СЯ ЧЛВЪКЪ · Ш ГОРЕ ТОВѢ СКВЕРНИНИЧЕ** 4 об., 18–5, 11;

(6–8) **ВЪЗНАМАШЕ ЖЕ И МАСЛА У КАНДЛА СТЪНА**

БЦА · Н ПОМАЗАШЕ СЯ ВЪ ВРЕМЯ СЪПАННА · ЧЕЛО
 Н ОУШН Н СРДЦЕ Н ПЛЕУН КРЪСТАШБРАЗНО · Н
 ТЪМЬ ПОБѢЖАШЕ ДНАВОЛА · ПОЧЮ БО СНЛОУ
 МАСЛА ТОГО Ѡ СТЫНА БЦА · Н ПОМОЗАВЪ [sic] СЯ
 ТОЛН ОУСЪННАШЕ 28, 8–16.

В употреблении кратно-перфективных имперфектов ЖНК к. XII определенно зависит от полной редакции, сохранившейся в древнерусском списке ЖНК 1222. См.: НАУДНАШЕСА ЖНК 1222, 15Г; СТАНАШЕ 15Г, 44б, 69Г, 115Г; НАНЕСАШЕ 46б и под.

В ЖФС к. XII найдено 11 имперфектов совершенного вида — больше, чем в ЖНК к. XII, однако гораздо меньше по частотности, поскольку объем ЖФС к. XII в 4 раза превосходит объем ЖНК к. XII. В ЖФС к. XII данные формы очень неравномерно распределены по двум одинаковым по объему частям. Если в первой части находится 8 перфективных имперфектов, то во второй — только 3. См.:

1 (1) Н ВСЮДОУ ПРЕХОДНА · ВСЯ Ѡ ТРОУДОВЪ
ОБЛЪГЪУНАШЕТЬ ЖФС к. XII, 46 об., 1–3;

1 (2–3) Н НИЗЫ КНИГЫ ДНВНѢ ПОСЛОУШАШЕТЬ · Н
 МНОГОУ СЛАСТЬ Ѡ КЫХЪ КОЖЬДО НХЪ ·
ПРНМАШЕТЬ 53, 11–14²⁵;

1 (4) КАКО ЖЕ БО ПЛАТОНЪ ВСНА Н ТВОРНА Н ГЛА
НЕ ПОКОРНАШЕТЬ · ОУМОУДРАКТЬ НЕУЬТО Ш
 ВЕЩН 59 об., 14–17;

²⁵ Стяженный имперфект глагола совершенного вида **прнатн** ‘принять, взять, получить’ **прннмѣаше** > **прннмаше**. При глаголе несовершенного вида **прннматн** ожидалась бы форма **прннмааше** > **прннмаше**.

1 (5) нде же видѣаше и посѣѹаше · ни мала же въздрасити штавнѣ · да не блгородьное подавати и доброплодьное 99, 6–11;

1 (6) и въноутрь и въ срѣци плачѣ · никогда же оубо престанѣшеть бѣхъма · еже възвѣщании сречѣ еже нзъ шчню текоущиа слъзы 48 об., 14–18;

1 (7) ни тѣ же бо патрнархъ ш себе ли бѣвѣшемоу пособи · ли злоу семоу бѣти соудн и цркви кромѣ · ли шцѣмъ не съпострадаше стражоущимъ · нъ моудроне нѣшто ш себе съмотрнѣ 72, 9–16;

1 (8) нже не шстанѣхотъ сѣ бѣществоюще шного · не ѣвѣ оубо нъ въ оуглѣхъ 55, 5–8;

2 (9) и тѣло нмѣѣа степено ранами · и ѣже бнѣ показаше всѣмъ · и приключѣше сѣ на нѣмъ страстнѣнѣ исповѣда ЖФС 154, 16–154 об., 1 (в позднем списке «абіе» вместо бнѣ);

2 (10) шнѣ же поуднѣ сѣ ш снхъ · расмотрѣше шкоудоу снн снце соутѣ · възрѣти въздѣхъ · и видѣ множество бѣщисльнѣхъ чнновъ · въ бѣлахъ рнзахъ 168 об., 13–17;

2 (11) не толнка не шстанѣше · нъ и больми дързѣтъ · вѣроу же правовѣрноуо ѣко же нмѣѣаше къ всѣмъ простнраѣ 118, 5–118 об., 1.

К перфективным глаголам в SJS II, 478, наряду с ОБЛЫГЪУНТИ, отнесен глагол ОБЛЫГЪУАТИ ‘облегчить’, с

которыми соотносится имперфектная форма в ЖФС к. XII: **ОБЛЪГЪУАШЕТЬ** 46 об., 2. В SJS приводится единственный пример с аористой формой глагола **ОБЛЪГЪУАТН**, обозначающей законченное действие в прошлом, из Супрасльской рукописи: **ОБЛЪГЪУА БРАТѢ ТОМОУ РАТЬ.**

К перфективным имперфектам относятся **ПОКОРЯШЕТЬ** 59 об., 16, **РАСМОТРАШЕ** 168 об., 14 с кратким корневым гласным, как в перфективах **ПОКОРНТН**, **РАСМОТРНТН**, в то время как длительные глаголы **ПОКАРЯТН**, **РАСМАТРЯТН** исконно содержали долгий гласный (ср.: **ПОКАРЯШЕ** 57 об., 1).

Употребление перфективных имперфектов в ЖФС к. XII значительно отличается от ЖНК к. XII. Они могут относиться к разным деятелям и далеко не всегда вписываются в классический нарративный тип описания регулярных, хабитуальных ситуаций, как это было в случае с ЖНК к. XII. К стандартному прагматико-дискурсивному типу относится по существу лишь контекст (5) ‘когда видел и всякий раз срубал (срубит, посечет)...’. К нему близки контексты (1), (2–3), где названы многократные завершённые действия. В них вместе с тем присутствует идея охвата действием максимально большого числа «объектов» и значение многократности обуславливается плюрално-дистрибутивным характером объектов действия. Корреляция с плюрално-дистрибутивным типом объекта или адресата действия выступает на передний план в контекстах (4), (7), (9), (10). В контексте (8) значение многократности действия коррелирует с дистрибутивной природой субъекта, чем и обусловлено появление единственной формы 3 л. мн. ч. перфективного имперфекта в СБВ к. XII.

В то же время употребление перфективных имперфектов в ЖФС к. XII отличает частотность отрицательных конструкций. Полагаем, что в случаях с отрицанием в претеритальной системе координат ядерные грамматические значения не меняются, однако

может развиваться дополнительный семантический оттенок интенсивности действия, как это было уже в старославянском переводе Евангелия.

В когнитивном плане отрицательные значения создают напряженную ситуацию экзистенциального выбора, поскольку ‘-’ всегда существует в координатах и по сравнению с ‘+’. В ЖФС к. XII внутренняя ситуация выбора отразилась в использовании однокоренных глаголов с разными приставками, ставших формой позитивного утверждения. Оно связано с формульными выражениями, в которые входят 2 однокоренных глагола с отрицательным значением прекращения или отказа от действия **ѡстатн** и **прѣстатн** в контекстах (6), (8), (11): **нѣ ѡстатн** и **нѣ прѣстатн** ‘постоянно возобновлять, вновь и вновь совершать действие’.

Хотя различия в употреблении перфективных имперфектов, безусловно, отражают неоднородность нарративных типов ЖНК к. XII и ЖФС к. XII, они свидетельствуют в той или иной мере и о расхождениях в речевых интенциях переводчиков. Если у переводчика ЖНК к. XII перфективный имперфект прочно ассоциируется с описанием регулярных, упорядоченных, хабитуальных, ритуализированных действий, то для второго переводчика актуальным также оказывается обозначение корреляции между многократностью действия и плюрално-дистрибутивным характером прямого или косвенного объекта, а также субъекта действия — т.е. для него была важной вся совокупность сложных факторов, определяющих употребление вариативных форм имперфекта. Если обычные имперфекты несовершенного вида коррелируют с континуальной собирательностью, то имперфекты совершенного вида тяготеют к собирательности дискретно-дистрибутивного типа (ср. именную параллель: **камѣнѣ** ‘отдельные камни’, **камѣннѣ** ‘совокупность камней’, **камѣннѣа** ‘отдельные совокупности камней’).

У третьего переводчика перфективный имперфект как прием своеобразной видовой контаминации отодвигается на периферию. Для него важны точные и однозначные способы выражения видových значений. Эта сторона его речевых интенций и привычек более чем отчетливо проявилась в ранних примерах использования восточнославянского суффиксального показателя имперфективности *-ыва-*:

ПОКАЗЫВАЮТЬ ЖФС к. XII 124 об., 6; **ПОМАЗЫВАЮ** 145 об., 12; **ПОМАЗЫВАЮУ** 117, 11 (в ЖФС ошибочно **КАЛЪМЪ ПОЗЫВАЮУ**); **ПРНВАЗЫВАЮЩЕ** 138, 3; **СЪКАЗЫВАЮТЬ** 164, 3.

Не вполне очевидное видовое значение глаголов **ПОКАЗАТИ**, **ПОМАЗАТИ**, **СЪКАЗАТИ** вызывало у второго переводчика своего рода когнитивный диссонанс, что и способствовало их суффиксальному видовому маркированию.

Объединение в Выголексинском сборнике южнославянского и восточнославянского переводов могло подразумевать и южнославянское влияние. Однако кратно-перфективные имперфекты в оригинальных древнерусских источниках и их высокая частотность свидетельствуют о том, что данные формы являются общим праславянским наследием. В то же время южнославянские тексты «легитимизировали» данные формы и снимали запрет на употребление их как народно-разговорных или диалектных.

3.5. Перфективный имперфект в проповедях Кирилла Туровского

В Слове «О расслабленном» Кирилла Туровского — древнерусского церковного деятеля и писателя второй половины XII в. (по самому раннему списку в СбТ XIII₂), как и в гомилии, посвященной этому же евангельскому чтению в старославянской Су-

прасельской рукописи, встречаются формы перфективного имперфекта, в отличие от самого евангельского чтения, однако они связаны с разными глаголами. В то же время весьма показательным, что сама по себе дискурсивно-прагматическая природа этого пассажа способствовала включению в него имперфектов от перфективных основ. Ср. (надстрочные знаки, кроме титла, опущены):

<u>САНИДѢАШЕ</u> ТАМО РЕЧЕ АНГЕЛѢ И <u>ВЪЗМѢШТААШЕ</u> ВОДѢ . И ИЖЕ БИ ВЛАѢЗЛѢ ПО ВЪЗМѢШТЕНИИ ВОДѢ . <u>НАСЛАЖДААШЕ СѢ</u> ИЦѢЛЕННА . СНИДЕ АНГЕЛѢСКЪИИ ВЛАДЪКА ВЪ ЙОРДАНѢСКЪИИ ВОДѢ . И СВѢТИВЪ ВОДНОЮ КЪСТАСТВО ВАСѢ ВЪСЕЛЕНЪИИ ИЦѢЛИЛѢ . СЕГО РАДИ . ТАМО ОУБО . ИЖЕ <u>САНИДѢАШЕ</u> ПО ПРАВѢѢМЪ . ОУЖЕ <u>НЕ ИЦѢЛѢАШЕ</u> Супр, 248 об.	ИГОЖЕ И ВРАЧЕВЕ НЕВРѢГОМА СТВОРИША . ИГОЖЕ <u>ПРЕЗРАХОУ</u> ВЪМѢТАЮЩЕИ ВЪ КУПѢЛѢ . ИГДА БО <u>ВЪЗМОУТАШЕТАСА</u> ВОДА . ВАСИ О ВѢТЪХЪ ПЕКОУЩЕСѢ . СДРАВНИ СЕГО ШРѢНЪХОУ СБТ XIII₂, 16 об.; АНГЛѢ БО ГѢНѢ ПРИХОДА ВЪЗМОУЩАШЕ ВОДОУ . И ПО ВОЗМОУЩЕНИИ ПЕРКОЮ ВЛАѢЗЪИ ЦѢЛѢ ВЪКѢАШЕ . БИ ЖЕ ВѢ ШЕРАЗЪ СЪГГО КРЪЩЕНИИ . ПОНЕЖЕ НЕ ВСЕГДА <u>ИЦѢЛѢАШЕ</u> . ИЖЕ ИГДА Ю АНГЛѢ <u>ВЪЗМОУТАШЕ</u> СБТ XIII₂, 17

Оригинальный характер кратко-перфективных имперфектов в Слове Кирилла Туровского подчеркивается употреблением основы без чередования с дополнительным окончанием -ТА: ВЪЗМОУТАШЕТАСА, ВЪЗМОУТАШЕ. Рядом выше употребляется и ожидаемая форма с чередованием при глаголе ВЪЗМОУТИТИ: ВЪЗМОУЩАШЕ. Очевидно, именно имперфект и стал основным источником имперфективных основ с чередованием, которые, таким образом, сохраняют двойную соотнесенность — с исходным перфективным глаголом и новым — имперфективным (ср.: НАСЛАЖДААШЕ СѢ, ИЦѢЛѢАШЕ).

Полная самостоятельность Кирилла Туровского при употреблении имперфекта проявляется и в другом: у него находим имперфект с полногласием *полокахоу* при разъяснении гебраизма *вифезда*, которое является уникальным в древнеславянской письменности:

того ради при мнозѣхъ приде народѣхъ. къ солломони кододрѣжи. иже нарицається вифезда. сирѣчь ѡвѣда коупѣла. понеже тоу полокахоу жартваннѣхъ овецѣ оутробѣ СБТ XIII₂, 17.

Употребляется перфективный имперфект со вторым полногласием и со значением завершеного дистрибутивно-кратного действия:

нѣ жидоке не оумзлвкнѣху глѣше. кто кста ицѣликѣи та къ соуботоу СБТ XIII₂, 21 об.

3.6. Имперфект с отменой чередования в основах

В употреблении имперфекта при глаголах на -нѣти с отменой чередования также проявляется неравномерность распределения форм в памятниках письменности, которая свидетельствует о живых языковых процессах и речевых интенциях как переводчиков, так и переписчиков. Формы без чередования могут быть равно отнесены к образованиям как от основы инфинитива, так и основы настоящего времени.

Так, правильные формы с чередованиями наблюдаются только в первой части ЖФС к. XII:

кращаше 38 об., 17 (при *краснѣти*); *прохожаше* 53, 2 (с древнерусским рефлексом при *проходнѣти*); *прохожашеть* 63 об., 2; *таче же мнози и ѿ византнѣ нсхожахоуть · н съ тѣцѣннѣмь къ сѣтомуу прнхожахоуть* 74 об., 1–4;

оу хъцрѣше 67, 12 (со старославянским рефлексом при **оу хъцртн**).

Встречается лишь одна форма без чередования: **прнводѣхотъ** 85, 8 (при **прнводнтн**; ожидалось бы с древнерусским рефлексом **прнвожахотъ**).

Прямо противоположная ситуация во второй части ЖФС к. XII. Здесь больше новых форм без чередования лишь при одной с чередованием:

прнводѣхотъ 104 об., 15; **прнходѣхотъ къ нѣмоу** 126 об., 1; **прнходѣхотъ** 167 об., 11; **просѣше** 150, 4; **тъщесловѣше** 104 об., 9

vs.

прохлажаше 136, 7 (при **прохладнтн**).

ЖНК к. XII находится ближе ко второй части, хотя данных тут недостает: **блзѣше сна** 7, 3; **слъзѣше** 24, 4.

Таким образом, переводчик первой части ЖФС к. XII склонен демонстрировать свою грамотность, что проявляется не только в использовании исконных форм, но и в инновациях. Переводчики ЖНК к. XII и второй части ЖФС к. XII отдают предпочтение новым формам.

Житие Феодосия Печерского было создано в конце XI или начале XII в. и дошло в составе Успенского сборника XII–XIII вв. (далее — ЖФП; СБУ XII/XIII). В ЖФП формы без чередования являются обычными, хотя формы с чередованием также присутствуют:

первый писец	второй писец
мѣ слѣдѣше 28б, коупѣше 29б, коупѣхотъ 36а, сподобѣшети и	приходѣше 47в, вѣ звратѣше сл 49в, ѿпоустѣше 49г, наводѣше

37г, прослав|аше 38г,
оутвѣрди|ше и| отъпустиаше
39а, сла|вѣаше 39г,
распустиаше 40б, трудоуаше
сѧ 43б

50б, ѿходѣаше 57а, излазѣаше
57б, приходѣаше 59в,
исходѣахоутѣ 59г, пристаѣаше
60а, вѣзѣѣстахоу|тѣ 60а,
уѣстахоу 61г, хоуѣаше 62а

vs.

первый писец

хоуѣаше 27в, оставѣаше 28б,
любѣаше 29а, хоуѣаше 30б,
помѣшлѣаше 30г, отъхоуѣаше
33а, приходѣаше 33в, исхоуѣахоу
33в, отъхоуѣа|ше 35а,
излаѣаше 36в, помѣ|шлѣаше
37а, приходѣа|ше 37г, ѿхоуѣаше
38г, приходѣа|хоу 40а,
отъхо|ѣахоу 40а, приношаахоу
40а, любѣаше 40а, приходѣаше
40а, отъхоуѣаше 40б,
прихоуѣаше 40б, исхоуѣахоу
41а, и|схоуѣаше 42б,
ѣвѣахоутѣ| ми сѧ 44б,
исхоуѣаше 46г

второй писец

и|схоуѣаше 48а, при|хоуѣаше
48б, приходѣа|хоу 48б,
кѣрѣ|мѣаше 50б, направѣа|ше
50б, ноуѣаше 51б, исхоуѣаше
57а, хоуѣаше 59г

Оба писца используют формы без чередования, однако для первого переписчика это правило не распространилось прежде всего на многочисленные приставочные формы глагола хоуѣти, в

то время как у второго мы видим преодоление и этого барьера. Вариативность свидетельствует о живых процессах в динамике имперфектных форм.

3.7. Стяженный и нестяженный имперфект

В ЖНК к. XII нет нестяженных имперфектов. Нельзя точно сказать, является ли это ориентацией на новые формы или воспроизводством архаичной традиции, представленной еще в старославянской Саввиной книге. В ЖФС к. XII нестяженные имперфекты встречаются, хотя и в небольшом количестве. Вновь довольно определенно различается их употребление в первой и второй частях ЖФС к. XII. Первый переводчик придерживается прежней стратегии и использует несколько разных вариантов нестяженных форм различных лексем:

БѢАШЕ 39 об., 13; **БѢАШЕТЬ** 46 об., 14; **БѢАХОУ** 68 об., 18; **БѢАХОУТЬ** 42 об., 7; 53 об., 13–14; **БѢАХОУТЬ** 42, 10; 53 об., 6; **ДОВАБѢАХОУТЬ** 53 об., 12; **НМѢАШЕ** 98, 11; **РАЗОУМѢАШЕ** 45, 7; **ВЪ ВЪСѢХЪ ВЪ НИХЪ ЖЕ НМѢАШЕТЬ Н ЗАСТОУПНИКА ТВЪРДА ТВОРИАШЕ** **Ш** **СЪТВОРЕНЪХЪ** 47, 10–13 **ТЪРПАХОУ** 69, 2.

Во второй части ЖФС к. XII у второго переводчика почти все нестяженные формы связаны с одним глаголом **НМѢТИ**:

НМѢАШЕ 107, 11; 112, 4; 117 об., 7; 118, 18; 121 об., 12, 15 (2x); 123 об., 1; 125 об., 17; 129 об., 3; 131 об., 14; 137 об., 3; 138, 15; 161, 1, 9 (2x); 161 об., 7; 162 об., 3; 164, 3; **НМѢАШЕ** 163 об., 17; 166, 7.

Причем нестяженные формы в этом случае даже преобладают, что снова подтверждает выше высказанное наблюдение о

стремлении к унификации в его работе. Ср.: **нмѣше** 102 об., 1; 129, 12; 140 об., 3; 143 об., 1; 147 об., 14, 16 (2х). Кроме того, наблюдается лишь 2 формы другого частотного атематического глагола: **бѣахѹ** 153, 4; в сост. плюскв. 136, 16. Помимо атематических глаголов, встречается лишь один глагол иного класса — впрочем также частотный: **хотѣаше** 129 об., 8. Тем не менее стяженные формы полностью преобладают во всем тексте:

бѣста ЖФС к. XII, 36 об., 17 (в окружении аористов, в том числе **бѣста** 37, 4); **бѣше** 72, 16; 103, 14; 142, 16; **бѣхѹ** 136, 17; в сост. плюскв. 134, 6; **бѣахѹ** 144 об., 4; 163, 2; **вндѣшеть сѧ** 45 об., 14; 49 об., 14; 50, 9; **нмѣше** 49, 4, 7, 10 (3х); 50, 13; 51 об., 10; 52 об., 11; 53, 7; 72, 17; 102 об., 1; 129, 12; 140 об., 3; 143 об., 1; 147 об., 14, 16 (2х); **нмѣшеть** 47, 11; 55 об., 8; 82 об., 3; 89, 14; 91, 17; **нмѣшеть** 63 об., 6; **молѣшеть сѧ** 58, 6; **молѣше сѧ** 117, 17; 147, 7; **прѣлагахѹ сѧ** 74, 18–74 об., 1; **прндѣржахѹ сѧ** 99 об., 4–5; **прнзывахѹ бо нхѣ** 118 об., 12–13; **прнкасаше сѧ** 39, 6; **прнкасашеть сѧ** 39, 18–39 об., 1; **простнрашеть сѧ** 44 об., 17; **тѣснѣхѹть сѧ** 43 об., 15; **тѣщаше сѧ** 121, 4; **тѣщѣхѹть сѧ** 52, 9; **тѣрпѣше** 141 об., 7; **ѹташеть сѧ** 59 об., 6; **ѹвлѣшеть сѧ** 50, 14; 85 об., 14; **ѹвлѣшеть сѧ** 86, 10; **ѹвлѣше сѧ** 155, 6 и под.

Следует признать, что в ряде позднерусских источников довольно последовательно могут отражаться орфографические и грамматические системы ранних антиграфов. Так, в новгородском Типографском списке Паренесиса Ефрема Сирина 70–80-х гг. XIII в. (далее — ЕфрСир XIII₂) нередко передаются особенности раннедревнерусского антиграфа — по-видимому, конца XI или начала XII в. (см. [Жолобов 2007]). См. нестяженные формы имперфекта, в том числе с сохранением старославянского рефлекса жд < *dj:

воздѣржаахоуєа ЕфрСир XIII₂, 69г; оклекетаахъ 95б; приходааше 101б; нарицаашеєа 107г; Ѡсѣкаахоу 109в <×2>; не можаахоу 109в; полаахоу 109в; не рѣшаахоуєа 109в; слышааше 114в; глаааше 114в; коудааше 116б; можаахъ 116б; слышаахъ 116б; хожаааше 121б; повѣждаахоуєа 123а и под.

В новгородском Захариинском паримейнике 1271 г., который имеет ту же датировку и диалектную принадлежность, что и Типографский паренесис, также довольно обычными являются нестяженные формы имперфекта, хотя стяженные формы незначительно преобладают, при том что в старославянской Саввиной книге, как известно, встречается лишь одна нестяженная словоформа. Таким образом, данные рукописи предположительно можно считать продукцией одного скриптория. Этот важный факт потребует в дальнейшем тщательной проверки. Нужно заметить, что рукописи, на наш взгляд, имеют, кроме того, одинаковые инициалы. См.:

и ѿлисѣи зда|раааше . и вѣпи|ааше Зах 1271, 13б1–3; и прохожаааше | вода ѡкрѣтѣ ѡлѣ|тара 1бг9–11; шестѣ | крилѣ ѿдиноу . | двѣма же покрѣ|каахоу лица своѣа . и двѣма покрѣ|каахоу ногѣа | своѣа . а двѣма | летѣаахоу . и вѣ|пи|аахоу и гла|аахоу . стѣ стѣ стѣ гѣа | савѡфѣ 61а11–6б2; бѣ иску|шаааше авра|ма 133в9–11; глаѣ троу|вѣ зѣцаааше велми 190в9–11; ѿнаже глава доса||заааше неѣ . и а|нгли бий сохо|жаахоу и вѣсх|жаахоу по ней . | гѣа же оутѣ|ржа|аашеєа на ней 230г18–231аб и под.

Похожие написания, в том числе уже и со стяжением, наблюдаются в источниках второй половины XI в.:

вѣждѣхѹ Изб 1073, 133в, можѣхѹ 170г; стрѣждѣхѹтъ ЕвАрх 1092, 56а, приждѣашѣ 69а; хранѣашѣ ГБ XI, 273а, мѣнѣашѣ 273а, бѣашѣ 52а, жнѣашѣ 74в, вѣдѣашѣ 247г и под.

Точная передача архаических написаний рядом с орфограммами второй половины XIII в. — явление довольно необычное, и это увеличивает историческую ценность рукописей. Данные факты заставляют по-новому взглянуть как на сам труд профессиональных писцов, так и на причины и период развертывания архаизирующих тенденций в древнерусской письменности, которые обычно связывают с так называемым вторым южнославянским влиянием и относят к концу XIV — первой половине XV в.

Так называемые нестяженные формы в Житии Феодосия Печерского должны быть отнесены ко времени создания текста. В новых текстах второй половины XII в. нестяженные формы фактически отсутствуют.

3.8. Имперфект с добавочным окончанием -тъ

А. Вайан [1952: 267] отмечает во вставке XII в. в старославянском глаголическом Зографском евангелии единичную форму 3 л. ед. числа имперфекта с добавочным окончанием *можѣашѣтъ* (Матфей XXII, 46). Он видит в этом «произвольное написание, подражающее новому дублету» в 3 л. настоящего времени *бѣдѣтъ* : *бѣдѣ* и под. Имперфекты такого же вида на *-ашѣтъ* и *-ахѹтъ*, как указывает А. Вайан, характерны для русских церковнославянских текстов, что, безусловно, делает совершенно непонятным превращение произвольных написаний в устойчивый тип форм.

В действительности имперфектные формы на *-тъ* есть и в классических старославянских источниках. Так, в Саввиной книге находим *зѣпрѣѣашѣтъ* (Марк VII, 36), а в Мариинском евангелии *кѣшнѣашѣтъ* (Лука I, 21) См.:

Н ЗАПРѢТН НМЪ ДА ННКОМОУ ЖЕ НЕ ПОВѢДАТЬ · ꙗкоже н <u>запрѣщаше ть</u> онн пауе проповѣдааху · н прѣнзлнха двлн ааху сн гл̄юще · добрѣ всѣ творнтъ ЕвПант XII/XIII, 156б12–19; запрѣщаше ть ЕвПог XII, 130	єлнкоже имъ <u>тъ</u> <u>запрѣщаше</u> · онн же пауе излнха проповѣдаахъ Mc 7, 36 Zogr Ostr, <u>запрѣщаше ть</u> (sic!) Sav (заповѣдаше Mar, запрѣти As) (SJS I, 655)

Н БѢША ЛЮДНѢ ЖНДЖЩЕ ЗАХАРНІА Н УОУЖДААХЪСА ꙗже <u>моуждаше ть</u> въ црѣкѣвнншьдъ же · не можааше гл̄атн къ ннмъ ЕвОстр 1056–1057, 279a14–279б4	УЮЖДААХЪСА ꙗже <u>къшнѣаше ть</u> въ црѣкѣвѣ L 1, 21 Mar (мжждааше Zogr, моуждааше As) (SJS II, 95)

В SJS дано словосочетание къшнѣаше ть, однако в греческом местоимение отсутствует (см. [Страхова 2011: 290]). О. Б. Страхова усматривает здесь вставное местоимение, хотя допустима и другая интерпретация этого чтения. На форму имперфекта с добавочным окончанием указывают древнерусские списки начиная с Остромирова евангелия 1056–1057 гг. См., в частности:

і бѣша люднѣ жндѣще захарнїа · н
 уюждаахѣсн ꙗже моуждааше ть въ црѣвѣ · н
 ішьдъ не можааше гл̄атн къ людьмъ ЕвТип
 XII, 94a22–94б4.

На имперфекты с добавочным окончанием в южнославянском Учительном евангелии Константина Преславского XIII в. указывал А. И. Соболевский [1907: 161]. Эти данные подтверждены в новом исследовании списков данного памятника письменности. Формы с дополнительным окончанием отмечены в двух южнославянских списках (см. [Крысько, Мольков 2017: 51–52]), из чего сделан вывод о правоте И. В. Ягича [1884: 94], который указывал на существование в южнославянских рукописях подобных форм. А. И. Соболевский, кроме того, отметил употребление форм типа *izbivachut* в древнечешских глоссах XII–XIII вв. Эти факты в совокупности свидетельствуют о праславянском генезисе имперфектных форм с дополнительным окончанием.

Сейчас можно не сомневаться в том, что все эти формы являются продолжением праславянского состояния, а «дубликаты» в презенсе не являются «новыми» [Miller 1988; Рыко 2002; Жолобов 2012; Жолобов 2014; Жолобов 2016a]. Славянские формы презенса с утраченным вторичным окончанием вроде 3 л. ед. ч. **nese(t)* и 3 л. мн. ч. **nesq(t)* наследуют индоевропейские формы инъюнктива, выразившегося претеритами без препозиционного аугмента. Модель с вариативностью вторичных на **-t > *-ø* и первичных **-ti > *-ть (*-ть)* в имперфекте тождественна таковой в презенсе и генетически с ней связана, поскольку формы презенса с вторичным окончанием восходят к инъюнктиву, или безаугментному имперфекту, который в раннепраславянский период должен был употребляться рядом с новым славянским имперфектом.

Показательно, что в южнославянских источниках, испытавших восточнославянское влияние, легко усваивались имперфектные формы на *-ть*, хотя у южных славян имперфект сохранялся и в обыденной речи. Из этого можно было бы сделать вывод, что формы на *-ть* имели некоторую узуальную поддержку. Имперфект

с дополнительным окончанием обнаруживается в македонском Радомировом евангелии середины XIII в., вероятно, под влиянием древнерусского полного апракоса: имѣхѣтъ 154b, молѣхѣтъ (sic) 119d, въпрашахѣтъ 120b, зокѣхѣтъ 125c, виѣхѣтъ 180c, хоуѣхѣтъ 189a, наряду с инновациями: оужасѣха ѣа 124a, дикѣѣха ѣа 124a, вѣхѣа 66b. В болгарской Орбельской триоди второй половины XIII в. древнерусское влияние не предполагалось и требует отдельной проверки: къпинахѣтъ 183a (см. [Макаријоска, Црвенковска 2012: 47; Пентковский 2000: 61])²⁶.

Не вполне ясна картина с большим количеством имперфектных форм с добавочным окончанием в сербском Вукановом евангелии ок. 1200 г. Согласно О. Б. Страховой [2011: 276–280], этот кодекс отражает состав чтений с Пятидесятницы по Новое лето, который аналогичен чтениям древнерусских полных апракосов мстиславовского класса. Формы на -тъ представлены у одного из четверых писцов — старца Симеона — в количестве даже бóльшем, чем в древнерусском Мстиславовом евангелии до 1117 г., а кроме того, данные формы наблюдаются и в великопостной части евангельских чтений. Следы древнерусского влияния обнаруживаются также в употреблении редуцированных и носовых. Тем не менее лишь одна форма на -тъ встретила у другого писца, а еще у двоих их нет вовсе. Четвертый писец пытался править данные написания, устраняя -тъ, но из-за их частотности отказался от этого. На наш взгляд, причины столь масштабного отражения форм на -тъ лишь у одного переписчика не вполне ясны. Возможно, он обучался письму по древнерусским рукописям. Рукопись потребует дополнительного изучения.

²⁶ На отражение древнерусского влияния в Орбельской триоди без конкретных примеров указала в устном выступлении на конференции «Палеославистика — 2» (Институт славяноведения РАН, 25–26 сентября 2017 г.) Зденка Рибарова.

А. Тимберлейк в известной статье «Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи» [1997: 76] пришел к выводу, что употребление словоформ с приращением-«аугментом» -тъ первоначально возникло перед энклитикой и в условиях сандхи. Он предположил, что в случаях вроде *молѡаше и*, *любѡахотѡ* и *vs. молѡшетѡ и*, *любѡахотѡтъ* и «неудобная последовательность $[C_1V_1|V_2]$ замещалась более естественной $[C_1V_1C_2|V_2]$, где $C_2 = [t']$ ». Однако в действительности в первом случае уже изначально существовал иной тип последовательности — $[C_1V_1|C_2V_2]$ [*mol'a|š'e|jъ*], поскольку слабая энклитика и не просто восходит к сочетанию *jъ, а таким сочетанием и является в древнерусском, о чем свидетельствуют довольно обычные написания с отражением напряженного редуцированного перед энклитикой *молѡшети и*. Еще более явственно на это указывают написания предложно-аккузативных сочетаний: *wъn jъ > *въ нъ* и под.

Предполагаемые морфонологические условия с «неудобной последовательностью» возникали и при употреблении аориста, однако это не приводило к тем же последствиям: *вѣде н*, *молн н*, *несоша н*, *вѣзѡаша н* и под.

В переводе на русский язык статьи А. Тимберлейка терминологический оборот «аугмент имперфекта» был сохранен, после чего он получил распространение в научной литературе и стал использоваться вместо традиционных терминов «имперфект с первичным окончанием» или «имперфект с приращением». В. М. Живов в статье 2003 г. «ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов», перепечатанной затем в книге [Живов 2006: 200–224], использует термин «имперфект с аугментом», непосредственно опираясь на вышеназванную работу А. Тимберлейка.

В. Б. Крысько в морфологическом описании недавно изданного древнерусского Синаксаря термины «формы с приращением» и «аугментные формы» использует как синонимы [Крысько 2011: 826–828].

В недавней работе, посвященной имперфекту на -тъ и опирающейся на исследования А. Тимберлейка, новое терминологическое название «аугментный имперфект» используется без обсуждения — как данность [Страхова 2011]. Между тем в научной традиции термины «аугмент», «аугментированные формы» до появления статьи А. Тимберлейка употреблялись только по отношению к индоевропейским формам аориста, имперфекта и плюсквамперфекта с особым префиксальным элементом, придававшим им строго претеритальное значение, в то время как аорист и имперфект без префиксального аугмента ассоциировались не столько с претеритальной, сколько с косвенно-модальной функцией или с различными темпоральными значениями (см. [Кузнецов 1961: 111; Елизаренкова 1982: 288–289]). Этот термин критически обсуждался нами в связи с рассмотрением упомянутой статьи В. М. Живова (см. [Жолотов 2010: 9]).

Безусловно, главная причина избыточности терминологических нововведений «имперфект с аугментом» или «аугментный имперфект» состоит в том, что словоформы имперфекта *любляше^тъ*, *творяхоу^тъ* и под. являются исконными и не содержат никакого приращения, о котором можно говорить лишь условно при сопоставлении со стандартными словоформами имперфекта *любляше*, *творяхоу* и под.

Нейтральное, казалось бы, название статьи С. Штоль «On the Desinence {-t^(s)} of the Early East Slavic Imperfect» в этой связи звучит чуть ли не вызывающе [Stoll 2000]. Автор отстаивает исконный флективный характер имперфекта на -тъ в ранних древнерус-

ских источниках, подвергая критике аугментную гипотезу Тимберлейка. Статья С. Штоль стала в свое время единственным критическим откликом на работу А. Тимберлейка. К сожалению, в ключевой пункт работы вкралась техническая ошибка. В таблице 5, где предполагалось продемонстрировать различия между индо-европейскими первичными и вторичными окончаниями в графе 3 л. ед. и мн. числа приведены лишь вторичные окончания на *-t в обоих разделах — и для первичных, и для вторичных окончаний; кроме того, дана неправильная форма 1 л. мн. числа [Stoll 2000: 275]. С. Штоль опирается при этом на известный учебник А. Лескина, в котором в действительности дана корректная реконструкция, чуть выше подкрепляя приводящиеся (с ошибками, к сожалению) праформы ссылкой на относительно новую работу [Bielfeldt 1961]. Странной представляется интерпретация редуцированного в формах на -тѣ в качестве вокалического аугмента, возникшего при обобщении первичных окончаний [Stoll 2000: 266, 283]. Это объяснение можно было бы считать справедливым по отношению к старославянской флексии презенса и ряда форм претеритов. В старославянском языке поновленное флективное -тѣ по реалистичной гипотезе Р. Айтцетмюллера отражает ремоделирование вторичного окончания *-t по образцу первичного окончания (см. [Aitzetmüller 1978: 177]). Согласно другой гипотезе, окончание -тѣ < *-tu может являться продолжением окончания инъюнктива, осложненного частицей *и (см. [Семереньи 1980: 263]).

С. Штоль рассмотрела употребление словоформ имперфекта на -тѣ в древнерусском переводе «Пленения Иерусалима» Иосифа Флавия и пришла к выводу, что дистрибуция вариативных словоформ согласуется с принципами, установленными Тимберлейком на материале Лаврентьевской летописи и Слова о полку Игореве. В итоге авторская концепция сводится к следующему: вторичные окончания сохраняются перед клитиками, благодаря аугментному

редуцированному, расширяющему вторичные окончания в результате генерализации первичных окончаний. Безусловно, это весьма спорный взгляд. Он, как и аугментная гипотеза Тимберлейка, игнорирует существование устойчивых модельных рядов с вариативностью первичных и вторичных окончаний как в системе презенса, так и в системе претеритов, которое было обусловлено их функциональной мотивированностью.

Аугментная гипотеза распространения словоформ на *-тѣ* вызывает сомнения уже по той простой причине, что в целом ряде сходных морфосинтаксических позиций за рамками имперфектных форм 3 л. ед. и мн. числа никаких намеков на аугментные модификации не наблюдается.

В статье [Добродомов, Щербакова 2012: 255–256, 268], поддержавшей доводы С. Штоль об исконности форм на *-тѣ*, флективное *-тѣ* именуется по каким-то причинам «постфиксальным приращением». Для него предлагается фантастическая реконструкция модельного контекста образования словоформ на *-тѣ*: $-t > -\emptyset$, $-t + \bar{i} > -\bar{t}\bar{i}$. Что такое здесь это $*\bar{i}$ и как $-\bar{t}\bar{i}$ превращается в *-ть* остается загадкой. Праславянская форма указательно-анафорического местоимения, как уже указывалось выше, имела другой вид.

Работа [Добродомов, Щербакова 2012] посвящена критике наблюдений В. М. Живова над особыми случаями дистрибуции словоформ на *-тѣ* в ряде древнерусских евангелий. Критические соображения авторов не достигают цели, поскольку наблюдения В. М. Живова опираются на большой массив данных и подтверждаются материалом других источников, описанных недавно (см. [Жолобов 2010; Крысько 2011: 828]). Доводы авторов упомянутой статьи основываются не на историческом материале, а на анализе современных текстов разного рода, основанных на языковой игре.

В. М. Живов [2006] установил на примере нескольких руко-

писных евангелий — Архангельского евангелия 1092 г., Мстиславова евангелия до 1117 г., Юрьевского евангелия 1119–1128 гг., Добрилова евангелия 1164 г. и Галицкого четвероевангелия 1144 г. — развитие узкой функциональной специализации словоформ на -тѣ. В данных источниках словоформы на -тѣ встречаются исключительно или почти исключительно в 3 л. мн. числа перед полуэнклитикой и, так что вывод В. М. Живова о преодолении писцами общенного звучания с помощью данных словоформ имперфекта, представляется обоснованным и естественным (см.: молахоутѣ и, оугнѣтахоутѣ и, къпрашахоути и, бинаахоутѣ и и мн. др.). Вероятно, следует сделать лишь одно уточнение: речь скорее нужно вести не об общенных, а о «неблагозвучных звукосочетаниях», если иметь в виду сомнительность общенного характера лексики из того же ряда в берестяной грамоте № 955 (вторая половина XII в.). В ней содержится готовая формула, включающая «ненормативную» лексику в парном сочетании (гендиадисе) с магической функцией вызывания плодородия ‘*пусть напьется (набухнет) рождающее лоно*’ (см. [Зализняк, Янин 2006: 8, 11]).

По-видимому, в случае с имперфектами 3 л. мн. числа на -ху писцы стремились избегать звукосочетаний с нежелательными ассоциациями в сочетаниях типа *хваляху и* начиная с момента нарастающей русификации книжного языка в кодексах конца XI в. Позднее словоформы 3 л. мн. числа с флективным -тѣ перед энклитическим и становятся атрибутом профессиональной выучки переписчиков литургических и паралитургических текстов.

В. Б. Крысько отмечает следование отмеченному принципу в разных списках древнерусского Синаксаря, так что введение орфографического правила с использованием словоформ *вѣдахоутѣ оустѣкноутѣ* 34б9–10 (с пропуском местоимения н), *глахоутѣ ѿмоу* 35в1, *сѣрѣгахоути* и 40в4–5, *хоутѣхоутѣ* и *оустѣкноути* 70в6–7,

80a20–21, бѣхѹтъ н 78a20, вѣхѹтъ н 148г20–21 следует отнести к раннему древнерусскому протографу (примеры даются по списку Софийского пролога XII–XIII вв.) [Крысько 2011: 828]. Он отмечает также распространение данного правила в более поздней традиции на сочетания с полноударными формами местоимений с начальным глайдом типа ѣмоу.

Ко времени жизни св. Феодосия Печерского († 1074) должно относиться появление новых списков книг учительного характера, поскольку духовная жизнь была не мыслима без усвоения святоотеческого наследия, которое стало неотъемлемой частью уставных чтений. Показательно, что греческий Студийско-Алексиевский устав дошел до нашего времени только в славяно-русском переводе, выполненном, вероятно, в Древней Руси еще до кончины Феодосия Печерского [Пентковский 2001: 226–227]. В соответствии с уставом, в частности, по древней церковной традиции включалось в литургическую практику чтение поучений Ефрема Сирина († 373 г.). Так, в Студийско-Алексиевском уставе содержатся следующие указания об уставных чтениях Четыредесятницы:

ВѢ ПОНЕ^д . Я . НЕ^д . ПО^г . ПРѢЖЕ|| вѣрѣшаго днѣ
оутѣшениа . вѣста|ютѣ поздѣ^н . начинающю семомоу| чл^т
ноши . и вѣкаѣтъ пѣниѣ три ка^т .| просто . ЧЛТѢТА ЖЕ СЛ
СТѢИИ ЕФРЕМЪ .| до вѣторника цвѣтѣна^т УСт к. XII, 8 об.–9;
Вѣ прочѣна же днѣ . на заоу^тнахѣ . и на| чл^тхѣ . ЧЛТѢТА^т .
накоже речено кста .| СТѢИИ ЕФРЕМЪ 10.

Древнерусские списки Паренесиса Ефрема Сирина чрезвычайно показательны как свидетельства исторической динамики языковых форм: рукописи представляют собой объемные тексты разной диалектной принадлежности, имеющие хотя и близкую, но расходящуюся датировку, на что, в свою очередь, накладывались

топографические и хронологические различия антиграфов (см. [Жолобов 2007; 2008; 2009а; 2009б; 2010; 2011а; 2011б; 2011–2012]). В древнерусских списках Паренесиса формы имперфекта на -тъ наблюдаются редко рядом с гораздо более частотными формами без добавочного -тъ, что объясняется зависимостью от раннего южнославянского перевода. Отрывки из Паренесиса, как известно, сохранились в глаголических Рыльских листках XI в. (см. SJS I, LXVIII) Некоторые пассажи перенасыщены формами имперфекта:

оудоке Ѡсѣкахуса| любзи же не Ѡсѣка|ишеса поллаху
 оудо|ке оуззи же любзвензи|на не рѣшахуса . по|таплахуса
 телеса| сѣхъ любзи же ихъ| не потаплашеса сѣ|вазовоаху
 пакзи те[ле]са прѣдѣнзихъ любзи| же ихъ не свѣзана| взи^с
 весма ЕфрСир 1269–1289, 232б²⁷; и ѡко злодѣи бѣ|ни
 вѣвахоу· и не гнѣва|хоуса ни рѣпѣтахоу ЕфрСир XIII₂, 7г²⁸;
 и при|хожаху кса не^снзи|на птица и ѡдаху| Ѡ плода виничнаго
 ЕфрСир сер. XIV, 1в²⁹; они вѣ|здержохуса . аз же ско|тъскзи
 ѡдахъ и питахъ|са . они поаху с пока|ианиема . аз же
 молча|хъ . они вѣ црквѣ ѡда|ху колѣномъ на покло|нение .

²⁷ Паренесис Ефрема Сирина, РНБ, Погод. 71а. 1269–1289 гг. 328 л. О датировке см.: [Срезневский 1867: 37–39; Сводный каталог 2002: 644; Мошкова, Турилов 2003: 48–51; Жолобов 2005: 31–32]. А. И. Соболевский [1980: 79] датировал рукопись 1492 г., неправильно интерпретировав запись писца.

²⁸ В [Сводный каталог 1984: 360] рукопись отнесена к концу XIII — началу XIV в. Мы, однако, датируем ее 70–80-ми гг. XIII в. на основе тождественности инициалов в рукописи Захариинского паримейника, которая имеет точную датировку — 1271 г.

²⁹ О датировке см. [Предварительный список 1966: 225]. «Почерком одного из писцов Сийского Евангелия написана значительная часть (л. 116–218 об., 230 об.–248 об., и, возможно, 1–4) Паренесиса Ефрема Сирина (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 7); большой близостью отличается и тератологическая орнаментика рукописей» [Турилов 2011: 33–34].

аз же дрѣма|хъ снома ѿ спахъ : ѿни| молахуса . аз же гла|млахъса . ѿни смѣра|хуса аз же величахъса .| ѿни ѿзмождаваху аз же| красахъса ЕфрСир 1377, 118г³⁰ и под.

Наши наблюдения над употреблением имперфекта в таком паралитургическом сборнике, как Паренесис Ефрема Сирина, также подтвердили то, что словоформы 3 л. мн. числа на -тъ перед энклитическим местоимением и восходят к раннедревнерусскому периоду и являются атрибутом книжной традиции. См.:

1.

Погодинский список 1269–1289 гг.	Типографский список 70–80-е гг. XIII в.	Троицкий список около сер. XIV в.	Академический список 1377 г.
и кѡ негда же прихѡжаху старѣишинѡ сбора и хъ. и молахути и створити мѡтвѣ себе ради да створитѣ съ нимѡ гѡ мѡтѣ 54в ³¹	чтение отсутствует, список неполный	ѿ кнегда прихѡжаху старѣишинѡ . молаху створити мѡтвѣ себе ради . ѿко да створитѣ с ними милостѣ гѡ 38б	ѿ кнегда же прихѡжаху старѣишинѡ сбора ѿхъ . молаху ѡтворити мѡтвѡ себе ради ѿко да створи тѣ с ними мѡтѣ гѡ 39г

³⁰ Паренесис Ефрема Сирина, БАН 31.7.2. 1377 г. 258 л. О рукописи см.: [Вздорнов 1980:116].

³¹ В молахути и -ти исправлено из -тъ, отражая либо развитие напряженного редуцированного перед энклитикой и < *ѣ в раннем антиграфе рукописи., либо орфографическую контаминацию в самой рукописи.

2.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
ΩΝΖ ΕΟ ΕΛΤΖΙΝ ΩΕΛΛΑΧΑШЕСΑ ΕΟ ΟΥСУ И ΠΟΡΦΙΡУ . И ΚΕ СЕΛΛΑШЕСΑ ΝΑ ΕΣΑΚΖ ΔΝΑ СВ'ΕΤΛΟ . ΩΕΛΛΑ^ϕΧУ ΤΑ И СНОВЕ В'ΕΚΑ СЕГО Δ НЕ ΑΝΓΛИ БИИ 80б	Ω̄ΝΖ ΕΛ̄ΤΖῙΙ Ω̄ ΕΛΛΑΧΑШЕСΑ ΕΖ ΠΟ ΡΦΙΡΟΥ . Ῑ ΚΕΣΕΛΛΑШЕСΑ ΝΑ ΕΣΔ Δ̄ΝΑ СВ'ΕΤΛΟ . И ΕΛ̄ΖΑ ΧΟΥΤΑ Ῑ СН̄ВЕ В'ΕΚΑ СЕГО . Δ̄ΝΓΛИ ЖЕ БӢИ ГНОУЩА ΧΟΥСА [ТАК] ῙГО 12а– б	Ο̄ΝΖ ΕΛ̄ΤΖИ Ω̄ΕΛΛΑΧΑШЕСΑ ΕΟ ΕСЮ ΠΕΡΦΙΡУ . И ΚΕΣΕΛΛΑШЕ^ϕ ΝΑ ΕΣΑ ДИИ СВ'ΕΤΛΟ . Ῑ ΧΒΑ ΛΛХУΤΑ И СН̄ВЕ СΒ'ΕΤΑ СЕ ГО . Δ НЕ ΑΝΓΛИ БИИ 53а	ΩΝΖ ΕΛ ΤΖῙΙ ΩΕΛΛΑΧΑШЕСΑ . ΕΟ ΕСЮ ΠΕΡФ- ИРУ . Ῑ ΚΕΣΕΛΛ СА НА ΕΣΑΚΖ Δ̄ΝΑ . СВ'Ε ΤΛΟ . Ῑ ΧΒΑΛΛ̄ХУΤΑ Ῑ СН̄ ВЕ В'ΕΚΑ СЕГО 57а

3.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
ΝΟ И ΠСИ ΠΡΙΧΟΔΑШЕ ΩΒΛИ ΖΑХУ ГНОИ ῙГО . ΛΑ ΖΟΡ ЖЕ НЕ ЖЕΛΑШЕ Ω̄ ΕΡΑ ШЕНΖ . ΔΟΒРЗИХΖ Ω̄ ΤΡΑΠΕΖИ	ΝΖ ΠСИ ΠΡΙΧΟДАШЕ Ω̄ΒΛИ ΖΑΧΟΥ ГНОӢ ῙГО . ΛΑΖΑ ΡΔ ЖЕ НЕ ЖЕΛΑШЕ Ω̄ ΕΡΑШЕ ΝΖ ΔΡ^{αγ}ΖИХΖ Ω̄ ΤΡΑΠΕΖИ	ΝΟ И ΠСИ ΠΡΙΧΟДАШЕ Ω̄ΒΛИΖΑ ХУΤΑ ГНОӢ ῙГО . ΛΑΖΑΡΔ ЖЕ НЕ ЖЕΛΑШЕ Ω̄ ΕΡΑШЕНΖ ΔΟ ΒРЗИ^λ Ω̄ ΤΡΑΠΕΖИ	Ӣ Π̄СИ ΠΡΙΧΟДА ШЕ ΩΒΛИΖΑХУ ГНОӢ ῙГО . ΛΑΖΑΡΔ ЖЕ НЕ ЖЕΛΑШЕ Ω̄ ΕΡΑШЕНΖ ΔΟΒРЗИХΖ Ω̄ ΤΡΑ ΠΕΖИ

БѢТОГО НО ЖЕЛАШЕ КРУП- ИЦА . Ѡ НИХЖЕ И ПСИ ЯДЯХУ 80б–в	БѢТАГО ЖЕЛАИ КРЮПИЦА . Ѡ НИХЪЖЕ И ПСИ ИДЯХОУ 12б	БѢТАГО . НО ЖЕЛАШЕ Ѡ КРУПИЦА Ѡ НИ ХЪЖЕ ПСИ ИДЯХУ 53б	БѢТАГО . НО ЖЕЛА ШЕ Ѡ КРУПИЦА . Ѡ НИХЪ ЖЕ ПСИ ИДЯХУ 57а

4.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
РУГАЮЩЕСА КМУ ЦѢСА НА РИЦАХУТЪ И ПЛЮНУ ША ЖЕ БЕЗАКОНАНИ И НА ЛИЦЕ ПРЧѢТАГО ВЛАДЪИ НАШЕГО КГО ЖЕ Ѡ ѠЧИЮ БОИТАСА КУПНО ЖЕ ВСА СИЛЪИ НБѢИИ НЕ ТЕРПА ЩЕ ВИДѢТИ СЛАВЪИ КГО 124б ³²	РОУГАЮЩЕСА КМОУ . И ЦѢСА НАРИЧЮ ЩЕ . И ПЛЮНОУША БЕЗА КОНАНИИ ТИ НА ЛИЦЕ ПРЧѢСТАГО ВЛАКЪИ . ИГО ЖЕ Ѡ ОЧИЮ БОИТАСА . КУПНО ЖЕ ВСА СИЛЪИ НЕ БЕСИИ . НЕ ТАРПА ЩА СЛАВЪИ КГО 37б	РУГАЮЩЕСА ЕМУ И ЦѢСА НАРИЧЮЩЕ . ПЛЮНУША ТИ БЕЗАКОНА НИИ НА ЛИЦЕ ПРЧѢТГО ВЛАДЪИКЪИ . ЕГОЖЕ Ѡ ОЧАЮ БОИТАСА . КУПНО ЖЕ ВСА СИЛЪИ НБѢИИ НЕ ТЕРПАЩЕ СЛАВЪИ ЕГО 76в	РУГАЮЩЕСА КМУ ЦѢСА НАРИЦАЮЩЕ . ПЛЮНУША БЕ ЗАКОНАНИИ ТИ НА ЛИЦЕ ВЛАКЪИ ЕГОЖЕ ѠЧАЮ БОИТАСА КУПНО ЖЕ ВСА СИЛЪИ НБѢИИ НЕ ТЕРПАЩЕ СЛА ВЪИ КГО 85а

³² В греч. претерит ἐκάλουν (см. [Bojkovsky, Aitzetmüller 1986: 234]).

5.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
ΩНИ ЖЕ СО ДРѢВОКОЛѢМѢ НАКО КАМЕНЕ БЕЗЪ ДУШНА БДѢХУ И ПОВЕРГЪШЕ И ЗА ВЪ Ю ВЛАЧАХУ ВОНЪ ВД ВСИ 134б	И ОНИ ЖЕ ПОСОХЪИ · НАКО КАМЕ НЕ БЕЗДОУШАНА БНѢХОУ · И ПО ВЕРГЪШЕ И ЗА ВЪЮ · ВЛѢЧАХ°У ТѢ И ВОНЪ ИЗ ВДСИ 39а	ОНИ ЖЕ ДРЕКОЛДѢМѢ НАКО КАМЕНЪ БЕЗДУШНА БНѢХУ · И ПОВЕРГЪШЕ И ЗА ШИЮ ВЛЕЧАХУ Й ВОНЪ ИЗО ВСИ 81б	ΩНИ ЖЕ ДРЕКОЛИ ЕМѢ НАКО КАМЕНЪ БЕЗДУ ШНЪИ БДѢХУ Й ПОВЕРД ЗЪШЕ · Й ЗА ОУШИЮ ВЛЕ ЧАХУ ВОНЪ ИЗЪ ВСИ 90Г

6.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
И ПАКЪИ ОУЖЕМѢ ПОВЕРГЪШЕ И ЗА ШИЮ ВЛАЧА ХУ НГО ПО ΩВЪИЧАЮ 134Г	И ПАКЪИ ПОВДРЗЪШЕ И ОУЖѢМѢ ПО ВЪЮ · ВЛА ЧАХОУ ПО ΩВЪИЧАЮ 39б	Й ПАКЪИ ОУЖЕМѢ ПОВЕРГЪ ШЕ Й · ЗА ВЪЮ ВЛАЧАХУ Й ПО ΩВЪИЧАЮ 81в	Ї ПАКЪИ ОУЖЕ МѢ ΩПРОВЕРЗЪШЕ · Ї ЗА ВЪЮ ВЛАЧАХУТѢ Й ПО Ω ВЪИЧАЮ 91а–б

7–8.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
СИ ЛЮБЛАХУ И	СИЦЕКАНА	СИЦЕКАНА БО	СИЦЕ КАНА БО

В О ДН̄И НОѢВЪИ ЯДАХУ И ПОСАГАХУ . ДОНДЕЖЕ ПРИИДЕ ПОТОПЪ 162Г	ЛЮБААХУ И ВЪ ДН̄И НОѢВЪИ ФДАХУ И ПИИ ХУ И ЖЕНАХОУСА И ПОСАГА ХОУ И КУПЛЮ ТВОРАХОУ . ДО НДЕЖЕ ПРИДЕ ПОТОПЪ И ПОГОУ БИ ВСА 57Г	ЛЮБАА ХУ ВСА ДН̄И ѠНЪИ НОѢВЪИ . ЯДАХУТЪ И ПИНАХУТЪ . И ЖЕНАХУСА И ПОСАГА^ГХУ . И КУПЛЮ ТВОРАХУ . ДОНДѢ ЖЕ ПРИДЕ ПОТОПЪ И ПОГУБИ ВСА 96а	ЛЮБААХУ ВЪ ДН̄И НОѢВЪИ ЯДАХУ И ПИНАХУ И ЖЕНАХУСА И ПОСАГАХУ И КУПЛЮ ТВОРАХУ . ДОНДЕ ПРИДЕ ПОТОПЪ И ПОГУБИ ВСА 108а

9.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
ПО СВОРѢ ЖЕ РЕКШИ ПО ѠПУ ЩЕНДИ . ПРИЗВАВШЕН ѠЦИ БРА^Т ОУПРАШАХУТЪ И ГЛѢЩЕ ѢЖЕ ТИ СКАЗАЛЪ ѢСТА ВЪ ПОВѢЖА НАМЪ ДА И МЪИ	ПО СВОРѢ ЖЕ РЕ КЪШЕ ПО ѠПОУЩЕНИИ МЛ̄ТВѢ НѢМА ПРИЗВАВЪШЕ ѠЦИ БРА ТА ВЪПРАШАХОУ И ГЛЮЩЕ . Ѣ ЖЕ ТИ ПОКАЗАЛЪ ѢСТА ВЪ ПО ВѢЖДА	ПО СВОРѢ ЖЕ РЕКЪ ШЕ ПО ѠПУЩЕНДИ МО ЛИТВАНѢМА . ПРИЗВА ВЪ ЖЕ И ѠЦИ И БРА^ТѢ ВЪ ПРАШАХУТЪ И ГЛѢЩЕ . ѢЖЕ ТИ ПОКАЗАЛЪ ѢСТА ВЪ ПОВѢЖА НАМЪ	ПО СВОРѢ ЖЕ РЕКШЕ ПО ѠПУЩЕНДИ МЛ̄ТВЕНѢ МА . ПРИЗВАВШЕ БРАТА ѠЦИ ВЪПРАШАХУ ГЛѢЩЕ . ѢЖЕ ТИ ПОКА^ЗАЛЪ ѢСТА ВЪ ПОВѢЖА НАМЪ И МЪИ

ползучемъ 241а	намъ да ѿ мзи полъ зочюемъ 115г	да ѿ мзи ползучемъ 146г	по лзучюемъ 158в

10–11.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
рѣка ѡгна на прѣд нимъ течаше тѣсѡща тѣсѡщами . прѣдѣстоѡху емю . и тамзи тмами слу жаху емю судѣство по сѡдѣса и книгзи разз гну тѣса 324г	чтение отсут- ствует, список неполный	рѣка пламе нана пред нимъ те чаше . тѣсѡща тѣ сѡща пре- ѣстоѡхутѣ емю . ѿ тамзи тма ми слу жахутѣ емю . судий сѣде . ѿ кни ги ѿ растегнушасѡ 207а–б	рѣка пла мана пред нимъ те чаше . тѣсѡща тѣ сѡщами предѣстоѡху емю . ѿ тамзи тма мами слу жаху емю . судѣи сѣде . ѿ книги растегнушасѡ 204в

12.

ЕфрСир 1269–1289	ЕфрСир XIII ₂	ЕфрСир сер. XIV	ЕфрСир 1377
вѣ же нѣкто имѡ имзи	вѣ же нѣкто имѡ имъ	вѣ же нѣкто ѿ ма ѿмзи	вѣ же нѣкто ѿма ѿмзи

ЧЕ РНЕЧА СКОЮ . ИЖЕ ХОЖА ШЕ КЪ БЛАЖЕНОМУ НА КО ВИНЮ ПОЛЕЗНОЮ СО ТЩАНА КМА МНОГО МА ВИДОВАШЕ ЖЕ БЛА ЖЕНУЮ СИЮ ДВЕРЦА МИ ИЖЕ И БЖИ КЪ НЕ ИСТОКЪ ХОТАШЕ КИ ВЕ СЪДОВАТИ 143а	ЧАРНА ЧА СКОЮ И ХОЖАШЕ КЪ БЛАЖЕ НОМУ НА КО ВИНЮ ПОЛД ЗНОЮ СЪ ТЩАНИ ЕМЪ МНО ГЪМА . ВИДАШЕ БЛАЖИ НИ СЮ . ДВЕРЦАМИ ИМИЖЕ ХО ТАШЕ БЕСЪДОВАТИ 44в–г	ЧЕРНЕЧА СКОЮ . И ХОЖАШЕ КЪ БЛАЖ НОМУ . НА КО ВИНЮ ПОЛЕЗНОЮ СО ТЩАНИ ЕМЪ МНОГОМА . ВИДАШЕТА ЖЕ И БЛАЖИ НЮ СЮ ДВЕРЦАМИ . і БЖИ КЪ НЕ ИСТОКЪ И ХОТАШЕ К НЕИ БЕСЪДОВАТИ 85в	ЧЕ РНЕЧА СКОЮ . И ХОЖАШЕ КЪ БЛАЖ НОМУ НАКО ВИНО Ю ПОЛЕЗНОЮ СО ТЩАНА КМА МНОГИМА . ВИДОВА ШЕ ЖЕ БЛАЖИ НЮ СЮ ДВЕ РЦАМИ . ИЖЕ БЖИ КЪ НЕИ СТОКЪ ХОТАШЕ КИ БЕСЪ ДОВАТИ 95г

Общие черты в употреблении двух серий имперфекта в разных списках свидетельствуют об их присутствии в ранних первоисточниках. Вариативность представлена и в Слове 48 из Паренессиса, дошедшем в гораздо более раннем списке по СБУ XII/XIII. См.: *внѣхъ|тъ ѿго* 295в (*ѿго* здесь заменило более раннее *и*); *внѣхъ|тъ ѿ* 295г vs. *прихожааху по вѣса дни* 295б; *внѣхъ|тъ ѿ* 295в. Противопоставление словоформ здесь точно отражается и в признаке стяженности или нестяженности. В Типографском списке, где встречаются нестяженные формы, с добавочным -*тъ* также употребляются только стяженные формы.

В Академическом списке представлены еще 2 словоформы на -*хуть*, однако они находятся во вставном Слове Афанасия Великого и входят в опосредованные евангельские цитаты:

накоже| рѣша ѡци наши ꙗ пору|гашася ему преже . та|коже
 и мѣ пору|гаймѣ|сѣ ему . тогда нача|ша плевати на лице|
 ланитѣ гѣню . и заоу|шахута ѡ . предѣ лицема съшедшихъсѣ
 ЕфрСир 1377, 257а; пакѣ| глѣша . слѣшахомѣ| тростѣю по
 главѣ ѡци| наши такоже и мѣ| створимѣ ему . и взе|мше
 тростѣ бѣахутѣ ѡ по главѣ его 257б.

Употребление словоформ отличается в рукописях индивидуальностью. Тем не менее в Погодинском, Типографском и Академическом списках Паренесиса Ефрема Сирина оно характеризуется и общностью, несмотря на расхождения в конкретных словоформах и даже лексемах, региональной и хронологической принадлежности рукописей (в Типографском списке — с небольшими отклонениями от традиции). Факультативные словоформы на -тъ здесь обнаруживаются только в 3 л. мн. числа перед энклитикой и. Однако в Троицком списке, имеющем, судя по отдельным архаическим написаниям, раннедревнерусский антиграф, эта тенденция не выдерживается: словоформы на -тъ употребляются в разных позициях, а кроме того, здесь возможно их употребление в ед. числе. Троицкий список отражает не упорядоченное по указанному выше принципу употребление имперфектных словоформ на -тъ, которое, возможно, фиксирует более древнее состояние в распределении данных форм, не соотнесенное с их функционированием перед энклитиками. В этом нельзя быть уверенным, поскольку некоторые переписчики прибегали к редактированию текста.

Нужно заметить, что и глава артели писцов, создавших Погодинский список, отступает от принципов, выдержанных в самом богослужебном тексте. В выходной записи он использует словоформу 3 л. ед. на -тъ, в употреблении которой опирается на совсем иные основания:

ε|ΓΟЖЕ ОУДА ОУЧИТИ СТЪИМЪ| КНИГАМЪ . НАКАЗЪИКАШ[Ε]
 ΑΠΛΑΣΚЪИМИ ЗАПОВЪДАМ[И]| НА ВСЯ ЧАСЪИ . САМЪ ЖЕ СЪИ[-]
 СТРОЮШЕТА СНА КНИГЪИ [СЪ]| МНОГОМЪ ТЩАНЫМЪ П, 328в («ко-
 торого отдал учиться священным книгам, поучал апостоль-
 скими заповедями постоянно; сам же /в это время/ **заботился**
 /о написании/ этих книг со многим старанием»).

Словоформа **строюшета** в записи писца имеет значение по-
 стоянного возобновляющегося действия в прошлом, соотноси-
 тельного с другим обозначением прошедшего времени в контек-
 сте. По отношению к нему это — своего рода соотносительное
 настоящее в прошедшем. В связи с этим мотивированный характер
 приобретает и замена словоформы имперфекта **нарицахута** (при
 греч. ἐνάλλου) действительным причастием настоящего времени
наричюше / **нарицаюше** в приведенном выше примере 4, хотя она и
 спровоцирована, вероятно, особенностями контекста — соседней
 причастной словоформой. В Академическом списке **нарицаюше** —
 очевидная контаминация словоформ **нарицахута** и **наричюше**, что
 подчеркивается чрезвычайной редкостью написаний **ца** вместо **ца**
 в данной рукописи. Такой же тип употребления представлен в при-
 мере 12 — **видашета**.

О. Б. Страхова [2011] рассмотрела функционирование «ауг-
 ментного имперфекта» на материале разножанрового корпуса ис-
 точников и привела для некоторых из них точные статистические
 данные. В Архангельском евангелии 1092 г. во всех 14 случаях,
 когда возникает последовательность **-χοу + и**, представлен импер-
 фект 3 л. мн. числа на **-та**. Перед полноударными формами дан-
 ного местоимения из 19 случаев только 1 раз представлен импер-
 фект с флективным **-та**. В 3 л ед. числа перед энклитикой флектив-
 ное **-ти** встретилось 1 раз в 7 контекстах.

В Мстиславовом евангелии до 1117 г. словоформы 3 л. мн. числа с флективным -тъ перед энклитическим и представлены в 26 случаях из 34 потенциально возможных; перед полноударными формами местоимения в 2 случаях из 42, а в 3 л. ед. числа в 1 случае из 21. Таким образом, во мн. ч. правило литургической нормы нарушается осязаемое число раз — 8 случаев.

Сходное положение, хотя и с отдельными отступлениями, наблюдается в Оршанском евангелии XIII в., Евсевиевом евангелии 1283 г., Троицком евангелии XIV в., несколько менее последовательно — в Чудовском Новом Завете XIV в.

Заметим, однако, что существуют раннедревнерусские рукописи, в которых орфографическое правило литургической письменности только намечено. Такое положение вещей фиксируется в Погодинском евангелии, которое, вероятнее всего было создано в конце XI или начале XII в., хотя традиционная датировка совсем иная — XII–XIII вв. См.:

молаахуоть н ЕвПог XII₁, 42 об., молахуоть н 97 об.

vs.

оугнѣтаху н 102 об., хулаху н 190 об., хулаху н 191.

В рукописи довольно много южнославянских орфограмм, так что и редкие формы -тъ с добавочным могут восходить к южнославянскому антиграфу.

В Выголексинском сборнике конца XII в. имперфект с флективным -тъ встречается только в одном из двух житий — в Житии Феодора Студита: на первых 65 л. обнаружена 81 словоформа рядом с 183 обычными, регулярными словоформами, а на следующих 72 л. лишь 2 словоформы на -тъ при 128 регулярных. Как уже отмечалось выше, это расхождение обусловлено работой двоих

переводчиков, первый из которых не прибегал к правилам редуцированного употребления добавочного окончания в литературе литургического или околотургического круга (или не знал о нем?).

О. Б. Страхова, однако, предположила, что переписчик по каким-то причинам в середине текста поменял антиграф на более древний и, таким образом, оказалось, что словоформы на -тъ или их отсутствие связаны с двумя разными по возрасту антиграфическими источниками.

В Житии Феодора Студита по Выголексинскому сборнику, что довольно необычно, преобладают словоформы 3 л. ед. числа на -тъ: 63 словоформы из 83. Другой показательной чертой является отсутствие сколько-нибудь строгой зависимости данных имперфектных словоформ от последующих энклитик. Отметим, что перевод первой части ЖФС стоит в этом отношении особняком на фоне всей письменной традиции. В то же время высокая концентрация тъ-имперфектов является ярким свидетельством древнерусского происхождения перевода. При копировании южнославянских переводов такой концентрации форм на -тъ не наблюдается. Она в этом случае сопоставима только с оригинальными древнерусскими текстами, превосходя их по частотности форм на -тъ ед. числа.

Первостепенное значение для реконструкции функционально-семантической природы имперфектных словоформ на -тъ имеют оригинальные раннедревнерусские тексты книжного регистра — в частности, Житие Феодосия Печерского, созданное вскоре после кончины Феодосия в 1074 г. и дошедшее в раннедревнерусском списке к. XII в. Частотность словоформ имперфекта в нем, по-видимому, вообще не имеет точных аналогов. В то же время в житии довольно существенное место занимают восточнославянизмы.

По подсчетам О. Б. Страховой [2011: 256] из 74 форм имперфекта на -тъ в Успенском сборнике XII–XIII вв. 52 формы находятся в Житии Феодосия Печерского (далее — ЖФП XII). Это 70,2% всех форм, что подчеркивает особый характер древнерусского имперфекта. ЖФП занимает лишь около 13% всего СБУ XII/XIII.

ЖФП было создано в конце XI в. и демонстрирует исконный тип употребления имперфектных форм, а не позднейший результат расширенного распространения форм на -тъ, вопреки О. Б. Страховой. В списках евангелий представлен не исходный тип форм на -тъ, а редуцированный, максимально ограниченный принцип их употребления (это контексты типа нарицахоутъ и), при том что и в евангелиях, главном литургическом тексте, он не соблюдается полностью. Имперфект выступает в ЖФП в функции нарративного прошедшего, свойственной аористу, имея, однако, иной смысловой акцент. Словоформы на -тъ или — с отражением напряженного редуцированного — на -ти представлены в тексте во всех возможных позициях как в 3 л. мн., так и в 3 л. ед. числа. Количественное распределение словоформ на -тъ или -ти по позициям имеет следующий вид:

Позиции	3 л. ед. ч.	3 л. мн. ч.
1. Перед энклитикой и	12	8
2. Перед энклитикой ю	1	0
3. Перед энклитикой же	0	0
4. Перед энклитикой бо	0	1
5. Перед энклитической группой ми сѧ	0	1

6. Перед энклитикой-постфиксом сѧ/сѧ	0	4
7. Перед ДП ед. ч. местоимения с глайдом в аналауте ѣмоу	0	5
8. В остальных случаях	5	15

В ед. числе все 12 словоформ кончаются на -ти перед и < *јь, а во мн. числе — лишь 4.

Таким образом, показания одного из наиболее ранних древнерусских литературных текстов свидетельствуют о том, что положение перед энклитическим местоимением и < *јь и ДП с анлаутным глайдом ѣмоу способствовало сохранению праславянских архаических словоформ имперфекта на *-ti и *-nti. Роль других энклитик в этом процессе совершенно не существенна (здесь не учитывались контексты с вакернагелевскими препозиционными позициями энклитик в начале фраз, поскольку они не связаны с формами на -ть морфологически). В то же время данная позиция не всегда приводила к появлению формы на -ть. Данную позицию нельзя считать источником распространения форм на -ть, поскольку столь же частым было употребление форм на -ть в морфологической позиции без энклитик. Большое количество словоформ 3 л. ед. по сравнению с мн. ч. обусловлено прежде всего высокой частотностью словоформ 3 л. ед., а также довольно обычной для них семантикой воздействия на конкретное лицо, в результате чего и сами имперфектные словоформы насыщались значением конкретизированного текущего действия в прошлом, которое передавалось словоформами на -тъ. См.:

и отъ ярости же и | гнѣва мѣти ѣго имѣши и за | класи и
покрыже и на земли · | и своима ногама пяхашети | и СБУ

XII/XIII (ЖФП), 28г; и повелѣно бѣ оубо блженуоумоу
 деодосию · прѣдѣстоати и слоужити · и сего ради
 поощашети и мѣти юго да облечетася въ одежу чистоу
 30в; вѣжнѣю по|моцию свѣрже одежу съ себе · и своима
 ногама попи|рашеть ю въ калѣ · попира||на съ тѣми и зана
 помѣсла 34б–в; оубѣдѣвъ же на блженнѣи како въ тѣже
 градѣ и|доуть · прослави бл · и идя|шеть въ слѣдѣ ихъ
 изда|леча не вкланася имъ 30в; оца наша| деодосии ... не
 ѿтрѣвааше ни| оубога ни богата · нъ вса| принимаше съ
 всякѣма| оусѣрднѣма бѣ бо и самъ| въ искушени тома
 вѣ|лъ · какоже и вѣше речеса · | югда бо приде отъ града
 сво|го хотѣ вѣти мнихъ како|же обѣходящю томоу въса|
 мана|стѣри · не рача|хоуть бо того приати богу тако
 сътворашю на искуше|ниѣ юмоу · се бо си въспоминаѣ блгнѣи
 · какова скѣрба вѣваѣтъ члвкоу тѣгда хотящюумоу
 острѣ|щиса · и сего ради вса съ радостию приходяща
 при|имаше · нъ не тоу авнѣ по|стригаше юго · нъ повелѣ|ваше
 юмоу въ свои одежи| ходити · дондеже извѣ|кнѣше вса
 оустрой мана|стѣрѣскѣи · таче по си|хъ облечашети и въ
 ма|ниша|скоую одежу · и тако пакѣ въ всѣхъ слоужбѣхъ
 иску|шашети и ти тѣгда остри|гѣи и оболочашети и въ
 ма|нтію · дондеже пакѣ воу|дѣше чѣрнца искусанъ ·
 житнѣма| чистѣма си · | ти тѣгда сподобѣшети| и приати
 стѣоую скимоу СБУ XII/XIII, 37в–г; къ симъ же и ядѣ ихъ
 бѣ рѣ|жанъ хлѣбъ тѣкмо ти ко|да въ соуботоу ти ко
 недѣ|лю сочива вѣкоуша|хоуть · | многашдѣ же и въ та днѣи||
 не обрѣтѣшюса сочивоу · | зелиѣ свѣривше юдино и то
 ядѣ|хоу юще же и| роукама своима дѣла|хоуть дѣло · обо

ли копьѣ|таца плетуще и клобу|кы и ина рочынаѧ дѣ|ла
 строѧше . и тако носѧше въ градѣ продаѧхоу и тѣмѣ жито
 коупѧхоу . и се раздѣ|ляхъ|та да кждо въ ношѣ| свою
 частѣ измѣнѧше|та на състроѣеніе хлѣ|бомѣ . таче по томѣ
 на|чатъкѣ пѣннѣ заоу|транюумоу творѧ|хоу . и тако пакы
 дѣ|лаахоу рочыноѣ своѣ| дѣло другонци же въ о|градѣ
 копахоутѣ зели|ннаго ради растенія . | дондеже боудѧше
 годѣ| вѣ|стванюумоу сла|вословію . и тако вѣси| въкоупѣ
 съшедъшесѧ| въ цр̄|кѣ пѣннѣ часо|мѣ творѧахоутѣ . таче|
 ст̄оую слоужбѣоу свѣрѣ|шивъше . и тако въкоусивъше мало
 хлѣ|ба . и пакы дѣ|лѣ сѧ своѣмѣ|| кждо имѧшетѣ . и тако
 по| вѣсѧ днѣ| трѣоудѧщесѧ пребѣ|вахоутѣ въ любвѣи вѣ|ини 35г–
 36б; ѿ ѿшадъше исъ| храмѣ ѿ на вѣсоцѣ мѣ|стѣ ставъше
 съмотрѧхъ| глаго того . снѧше бо и свѣ|тъ великѣ надѣ
 манасти|рамѣ блаженѧго . и се видѣ|ша множаство
 чѣрѣ|норизца исходаща . отъ| ветъхъна цр̄|кѣ . и вѣхъ|та|
 градѣоуше на нареченѣ|| мѣсто . носѧхоу же прѣ|ди иконоу
 ст̄ѣна вѣ|а . | вѣси иже ти въ слѣдѣ ѿ|доуше поѧхоу . и вѣси|
 въ роукахъ свѣ|щѣ горѣ|ше имѧхоутѣ . прѣдѣ| ними же идѧше
 прп̄|банѣи оцѣ ихъ и наста|вникѣ део|доси тѣ|че дошадъше
 мѣста того . тоу же пѣннѣ ѿ мѣ|ткою| сътворѣше
 възвращѧ|хоу сѧ въспѧтъ 56в–56г; Тоже тако же и ѿ| болѧрѣ|
 мнози приходѧше . | повѣ|дахоутѣ юмоу гнѣ|въ княжѣ на того
 соущѣ . || и молѧхоутѣ и не соу|противити сѧ юмоу . | се бо
 гла|ахоу на заточѣ|ннѣ хоуетѣ тѣ| послѣ|ти 58в–58г; се| же
 соутѣ слова бла|женѧго . ѧже исхо|даахоутѣ ѿ
 медото|чанѣихъ оустѣ тѣ|хъ . | многашдѣ| же вели|кѣи
 деодоси къ то|моу хожаше . и тако| въспоминѧше томоу|

страхъ бжии 59г; и ѿтолѣ аще| коли приставаше тѣ|на играти
 • ти слышаше блаженнаго пришедша • то повелѣвалше
 тѣмъ прѣстати • ѿ таковыя игри •:| Многаша же пакзи
 •| кгда възвѣстахоута приходѣ томоу блаженнаго • тоже
 тако тѣ| ишадѣ того сзрѣташе| радуясѣ 60а; не| бо
 можахоута ни къ| чема прѣслоушати е|го • вѣдоуще и
 правдына и стѣ •:| Не бо к|го чыстахоу чыстѣ|нныихъ ради
 пзрѣтѣ 61г; яже кыпяхоута стѣ|ма дхъма ѿ оустѣ к|го •:|
 Козалинѣ бо томоу вѣ|ахоута яко многоцѣ|ннана и
 свѣтлѣна| одежа 62а8 и др.

Хорошо заметно, что имперфектные формы на -ть входят в своего рода предикативные бинарные рамки, закрывая их. Формы на -ть сигнализируют о границах отдельных цельных эпизодов, а также о внутренней связи предикатов в них. Данные формы являются своеобразным аналогом настоящего исторического, изображая действие в прошлом как текущее и приближая его тем самым слушателю или читателю. См. выделенные предикативные пары или более распространенные предикативные ряды:

и отъ ярости же и| гнѣва мѣти к|го имѣши и за| влѣши и
 повраже и на земли •| и своимѣ ногама пзхашети| и СБУ
 XII/XIII (ЖФП), 28г; и повелѣно вѣ| оубо блженноуоумоу
 деодосию • прѣдѣстоити и слоужити • и сего ради
 поощашети| и мѣти к|го да облечетѣсѣ| къ| одежу чистоу
 30в; бжиию по|моцию сзвраще| одежу съ се|бе • и своимѣ
 ногама попи|рашета ю къ| калѣ • попира||на съ тѣми и злѣна
 помѣсѣши 34б–в; оубѣдѣвъ же на блженнѣ|нни яко къ| тѣже
 градѣ и|доутѣ • прослави бл • и идѣ|шета къ| слѣдѣ ихъ
 изда|леча не ѣвлясѣ| имѣ 30в и под.

При обилии нестяженных форм обращает на себя внимание то, что имеются лишь 4 нестяженные формы на -ть, две из которых представлены атематическими глаголами, дольше всего сохранявшими нестяженный вид:

творѣахуоть 36a28; нмѣишеть 41г25; нсходмахуоть 59г5–6; бѣахуоть 62a10–11.

В Троицком сборнике XII–XIII вв. (далее — СбТр XII/XIII), переписанном с источников южнославянского происхождения обнаруживается минимальное количество форм с добавочным окончанием. Тем не менее, как и в оригинальных древнерусских текстах (таких, как Житие Феодосия Печерского), подобные словоформы встречаются в цепи однородных предикативных словоформ при оформлении предикативной рамки. См.:

н блнзѣ рѣкѣи тоѣа блше тѣма мрѣуѣна· н тоу лежаше
множѣство моужѣ н женѣ· н кло|котаху ѣко вѣ котѣлѣ· н
ѣко морѣскѣна вѣлнѣи н ображѣются на дѣ грѣшѣннѣи· да
е|гда вѣлнѣи [-----] вѣсхожаху н погроужахѣ| грѣшѣннѣи
тѣишѣю лѣкѣтѣ· н не можахѣ|тѣ рѣшн· помнѣоун нѣи
правѣдѣннѣи соуднн СбТр XII/XIII, 34; тѣмѣже ѣ кѣ х̄соу
страхѣма ѣ трепѣтѣма · | моѣвоу творѣху · да не послѣтѣ
н̄хѣ вѣ бездѣноу · тѣмѣже| ѣ бл̄гословѣаху|тѣ ѣ гл̄ше · что
намѣ ѣ тебѣ їсе с̄не б̄а жнѣа|го · прншѣлѣ їсн преже време
моучнѣтѣ насѣ 190 об.

Как свидетельствует первый пример, это употребление добавочного окончания перед энклитикой н для переписчика не являлось обязательным. Встречаются и другие формы без -тѣ перед энклитиками и полноударной формой того же местоимения, начинающейся с [j-]:

н сѣвнѣахѹ ю о главоу | прѣдѣнаго СбТр XII/XIII, 42; н пониже
повѣста нмѣ|ахѹ н 124 об.; н | слоужахѹ юмоу 128 об.

О. Б. Страхова толкует два типа употребления словоформ на -тъ генетически и диахронически. Письменную традицию, представленную главным образом евангелиями, она связывает с возникновением имперфекта на -ахѹтъ и во второй половине XI в., а употребление имперфекта 3 л. ед. и мн. числа на -тъ вне рамок этой конструкции — с более поздним распространением подобных словоформ на разнообразные контексты в течение XII в. Между тем такие источники, как Архангельское евангелие 1092 г. и Мстиславово евангелие до 1117 г. фактически имеют такую же датировку, как протограф Жития Феодосия Печерского, представляя совершенно различные типы употребления имперфекта с флективным -тъ. Приписка в Мстиславовом евангелии ѹже башета казала ка||назѣ 213а25–231б1 отличается от нормы представленной в самом евангельском тексте и отражает реальные узуальные приметы восточнославянского имперфекта, в то время как евангельский текст содержит искусственную норму — узкоспециализированное употребление словоформ на -ахѹтъ и. Увеличение количества тѣ-словоформ имперфекта и разнообразия контекстов их употребления в текстах XII в. не свидетельствует о динамике самих форм, а отражает нарастающую русификацию книжного языка. Это явление в количественном отношении точно соответствует другим явлениям, связанным с русификацией книжного языкового регистра. Так, если на рубеже XII–XIII в. количественно абсолютно преобладает и утверждается как норма восточнославянский рефлекс *dj > ж вместо старославянского *dj > жд, то это вовсе не означает реального исторического изменения, поскольку восточнославянский рефлекс *dj > ж сложился еще в праславянский период. Праславянским наследием является и имперфект на -тъ.

«Вообще говоря, значимым является употребление *-ть* перед энклитиками, начинающимися с согласного (*ся, бо, же*): если речь идет о флексии, унаследованной из праславянского, она должна сохраняться и перед клитиками; если же речь идет об аугменте, появляющемся в условиях сандхи, употребление его перед данными клитиками является вторичным и необязательным. В ГЕ (в Галицком евангелии 1144 г. — О. Ж.) *-ть* перед энклитиками, начинающимися с согласного, отсутствует (за исключением одного случая), однако этот факт ни о чем не говорит, поскольку... употребление *-ть* перед *ся, бо, же* было вовсе не нужно» [Живов 2006: 202–203].

В этих замечаниях В. М. Живова, однако, отсутствует одна важная деталь: глагольную систему пронизывает вариативность, обусловленная параллельным усвоением первичных и вторичных окончаний, которая сопровождается разнонаправленной семантизацией формальных различий. В таких ранних оригинальных текстах, как Сказание о Борисе и Глебе, Житие Феодосия Печерского, Повесть временных лет и др. словоформы имперфекта с флективным *-тъ* наблюдаются в различных морфосинтаксических позициях, что свидетельствует о них, как о праславянском наследии.

Согласно А. А. Пичхадзе, в двух частях ЖФС к. XII прослеживается использование разной переводческой техники — иными словами, деление текста объясняется работой двух переводчиков [Пичхадзе 2011: 38–39]. Приходится признать, что в одно и то же время существовали разные традиции употребления имперфектных форм с добавочным окончанием — одна ориентирована на «свободный стиль» и максимально широкое использование форм на *-ТЬ*, а другая, напротив, — на книжную речь в ее литургической разновидности с ее сдержанностью в использовании данных форм.

Известно, что «Житие Феодосия Печерского», созданное не позднее начала XII в. также распадается на 2 части, при том что

разделение вызвано другими причинами — сменой писца в середине столбца 46г: в отличие от первого писца, у второго писца не встречается имперфект 3 л. ед. ч. на **-ТЬ**, а также отсутствуют формы с отражением перехода **-ТН Н < -ТЬ Н** в 3 л. мн. ч. Таким образом, употребление соответствующих форм объясняется орфографическими навыками писцов, меньшей или большей свободой в использовании вариативных форм.

В Евангелии с его древней старославянской традицией господствует принцип максимальной ограниченности древнерусских форм с добавочным окончанием, сведенный к узкому типу контекстов с потенциально обценным звучанием. Эта, ориентированная на Евангелие норма употребления, есть результат максимального сужения сферы использования имперфектов на **-ТЬ**. В заново создаваемых текстах или переводах, как можно было удостовериться, наблюдается совсем другая картина. Так, в записи к «Мстиславу евангелию» до 1117 г. писец использует привычную для него форму на **-ТЬ** даже в составе плюсквамперфекта 3 л. ед. числа:

ѠЖЕ БАШЕТЬ КАЗАЛЪ МЪСТИСЛАВЪ КЪНАЗЪ
ЕвМст 1117, 213а25–213б1.

Здесь следует обратить внимание и на еще одну особенность данной формы: это так называемый стяженный имперфект, в то время как в самом евангельском повествовании полностью господствуют нестяженные формы, как в старославянском первоисточнике: **нсклаахж** ЕвМст 1117, 7б13–14; **моллаахотъ** 41г12; **блюдлаахотъ** 124б11; **хжгладше** 161б24–25; **хотладше** 206б2 и под. Сохраняются в отдельных случаях даже формы с тремя гласными графемами подряд: **не съмѣнаахотъ** ЕвМст 1117, 97г22–23. Ситуация с употреблением имперфектов от глагола **БЫТИ** в евангельском тексте следующая:

2–3 л. ед. ч. бѣаше (10 случаев)³³, бѣаше (8), бѣаше (1), бѣаше (4); 3 л. дв. ч. бѣасте (1), бѣаста (3); 3 л. мн. ч. бѣахѣ (2), бѣаху (19), бѣахѣ (2), бѣаху (21), бѣахѣ (2), бѣаху (9), бѣахѣ (3).

Стяженных форм лишь 4 — все по древнерусскому типу: 3 л. ед. ч. баше (1); 3 л. дв. ч. баста (1); башу (2).

Вместе с тем нестяженные формы несут отчетливую печать русификации в сравнении с исходными старославянскими формами: **молѣаху** < **молѣахѣ**; **блудѣаху** < **блудѣахѣ**; **хѣлѣаше** < **хѣлѣаше**; **хотѣаше** < **хотѣаше** и т.д. Архаичные орфограммы с тремя гласными графемами, которые даже в старославянских источниках являются большой редкостью, наблюдаются и в более поздних древнерусских списках Евангелия XII–XIII вв.:

бѣѣаше ЕвПант XII/XIII, 65в3; **нмѣѣаше** 112а11–12; **нмѣѣаше** 115в3–4; **бнѣаху** тн н (< **бнѣахѣ** н) 144в4; **знѣаше** 216а14; **знѣаше** ЕвТип XII, 469; **вѣпнѣаше** те 40а16–17; **бнѣахѣ** тн н 56г13 и др.³⁴

Тем не менее и в евангелия проникают под влиянием речевого автоматизма отдельные формы на **-ть**, не связанные со стандартной позицией форм 3 л. мн. ч. имперфекта перед энклитическим местоимением **н**:

Нѣаху же съ нмѣ народн мнози ЕвТип XII, 118а9–10; **н не ѣмѣаху** нмѣ вѣрѣ 135б11–12; **ѣко напѣаху** ѣмѣ ЕвМуз XII/XIII, 49г17–

³³ Количественные данные приводятся по прямому формоуказателю к тексту на портале manuscripts.ru. Омонимия форм 2 и 3 л. ед. ч. в количественных данных не устанавливается и не разводится.

³⁴ Такие формы встречаются лишь еще в глаголических четвероевангелиях — Мариинском и Зографском (см. [Вайан 1952: 268]).

18; н слоужахуоть ꙗмоу 113625; твон бѣахуоть н мѣнѣ ꙗ далъ ꙗси 148в21–23³⁵; даѣахуоть ꙗмоу 154г14–15; прѣщахуоть ꙗмоу ЕвПант XII/XIII, 129а8–9; оуученици же прѣщахуоть приносѣщимъ 130б7–8; н прѣщахуоть ему 132б15; рѣпѣтахуоть же нуден на нь 12а25–26; н оужасахуотса н послѣдь ндоуше боахуотса 131б19–20.

Помимо расширенного употребления перед разными формами анафорической местоименной энклитики **н**, здесь встречаются и не связанные с местоимениями примеры, в том числе такие, которые свидетельствуют об исконном характере форм на **-ть**.

У раннедревнерусских писателей обнаруживается разнообразие в употреблении имперфектов на **-ть**, но в целом сохраняется некий единый своего рода стандарт, который обычно является более свободным, чем литургическая норма. См. в проповедях Кирилла Туровского (скончался около 1182 г.) по самому раннему списку — Толстовскому сборнику второй половины XIII в.:

ѡгоже сѣомъ бѣнемъ нарцахуоть кнѣзьници СбТол XIII₂, 8 об.; сѣбрахуотса въ нѣрѣмъ 16 об.; не вѣровахуоть ꙗмоу • нъ протнвоу блѣтн хулатъ 16 об.; ѡже н нѣса повѣдахуоть звѣздою 31 об.; нмѣашеть же съ собою ѣь 35 об.

Литургический, «редуцированный» тип употребления имперфектов с дополнительным окончанием почти исключительно перед новой энклитикой н ‘его’ для избежания неблагозвучных сочетаний автору проповедей также хорошо знаком: сѣрѣтахуотн н СбТол XIII₂, 9 об. (с обозначением фонетического изменения **-ть** н > **-тн** н) и др.

³⁵ Имперфект здесь находится не перед энклитическим местоимением, а перед проклитикой — союзом **н**.

Полная самостоятельность Кирилла Туровского при употреблении имперфекта проявляется и в другом: у него находим имперфект с полногласием полокахоу ‘полоскали’ при разъяснении гебраизма вѣзда, которое является уникальным в древнеславянской письменности:

того радн при мнозѣ прнде народѣ • кѣ соломонн вододѣръжн • нже
нарцаѣтѣса вѣзда • срѣбѣ ѡвѣа коупѣль • понеже тоу
полокахоу жьртвѣнзѣ овецѣ оутробѣ СбТол XIII₂, 17.

Формы перфективных имперфектов в его проповедях приводились выше. Таким образом, имперфекты на -ть, как и перфективные имперфекты, являются праславянским наследием, однако у восточных славян в раннедревнерусский период эти формы получили наиболее последовательное развитие и масштабное распространение.

Резкий контраст в употреблении имперфектных форм на -ть обнаруживается в двух различающихся редакцией списках древнеславянского Апостола — Христинопольском середины XII в. и Троицком конца XIV в. Христинопольский Апостол (далее — АпХрист сер. XII), включая элементы преславской редакции, в целом продолжает древнюю, кирилло-мефодиевскую редакцию перевода, а Толстовский Апостол (далее — АпТол к. XIV) довольно определенно — преславскую. Тем не менее рукописи содержат и ряд индивидуальных черт (см. [Новак 2014: 11–12 и др.]). Оба текста испытали влияние толкового Апостола. АпХрист сер. XII и сам по себе является толковым типом, однако толкования в нем записаны на полях, в то время как основной текст содержит последовательный Апостол. АпТол к. XIV является последовательным Апостолом, однако порядок чтений в нем имеет уникальную структуру. Если в АпХрист сер. XII формы на -ть представлены в различных позициях, то в АпТол к. XIV даже в позиции с 3 л. мн. числа перед

энклитикой встретилась лишь одна форма. Писцу оказалось неизвестно правило литургических текстов употреблять перед энклитикой и добавочное окончание -ть для избежания неблагозвучия. АпХрист сер. XII характеризует отчетливая диалектная принадлежность — это волынская рукопись, что, в частности, отражается в характерном для южных древнерусских источников изменение -ть и > -ти и. См.:

молѡхѡтъ и АпХрист сер. XII, 2, 18; послушахѡуть же ѿю 12 об., 2; молѡхѡути и 19, 3; облобѡзахѡути и 22, 12–13; влѡухѡуть ѿго 24 об., 4; бѡхѡуть же болѡе ѡетѡрь десѡтъ 28, 13–14; молѡхѡути и 31 об., 19;

а также:

вѡровахѡу и хрьцахѡуѡ АпХрист сер. XII, 16 об., 8; проѡ странаѡѡ по ти ѡцѡ 17, 18–19; оставѡхѡу ѿго 18 об., 23 – 19, 1; проѡжахѡу же и 22, 15–16; послушахѡу же ѿго до сѡго словѡесе 26 об., 11–12; молѡхѡу ѡ 38, 5 и др.

В АпТол к. XIV находим ѡѡвахѡуть и 78а, однако в других случаях даже в позиции перед энклитикой и окончание -ть не появляется: хотѡхѡу и ѡубити 69б; молѡхѡу и 77а; проѡжахѡу и 78а и др. Вместе с тем в рукописи встречаются архаичные нестяженные формы, что указывает на довольно ранний антиграф: бѡхѡу 62г; знаѡхѡу же и 64а; кротѡѡше 69а (ср. в южнославянском Слѡпченском Апостоле XII в. краткую форму кротѡше — SJS II, 69). Возможно, переписчик, не отличающийся грамотностью (несмотря на каллиграфический почерк) имел дело с южнославянским антиграфом или антиграфом, воспроизводящим южнославянскую орфографию.

IV. К ИСТОРИИ АОРИСТА

4.1. Простой аорист и сигматический аорист от основ на согласный

Известно, что простой аорист, как и сигматический от консонантных основ, употреблялся в Древней Руси лишь в текстах, являющихся списками южнославянских источников. Архаичные формы сигматического и простого аориста встречаются в древнерусском списке 13 Слов Григория Богослова XI в., переписанного, вероятно, с глаголического первоисточника. См. формы 1 л. ед. ч., 3 л. дв. ч., 2 л. мн. ч. глаголов *изнемоши*, *истрагнѣти*, *накести*, *научати*, *рещи*:

и колѣнѣ мои изнеможете постомъ ГБ XI, 22б; се же и створѣ · и аще малѣмъ вѣше научася 144а; и не показаша · максѣуишими крауеканими накѣся 301в; и дѣла егоже не одѣждиша исше · и рѣсте · мѣжимъ са · накѣся на вѣ градѣ · дебатю ѣзѣжъ показаша ... и жита каша побиша · и зѣлобѣ кашеѣ не истрагѣ 302а (если последняя форма не причастная).

Отдельные формы сигматического аориста от основ на носовой гласный обнаруживаются — и это, по-видимому, самые поздние примеры — в Житии Нифонта Констанцкого в списке 1222 г. (ЖНК 1222):

1 л. ед. ч.: и еше даръ ѿ него принясь ЖНК 1222, 345;

3 л. мн. ч.: и понмѣше и бѣси бнѣше и свѣса и въ безднѣнѣ и прѣдѣша и тѣмнѣмъ княземъ 320.

Если такие старославянские глаголические рукописи, как Синайская псалтырь, Мариинское евангелие и сборник Клоца, содержащие моравизмы или юго-западные славянизмы не содержат ни

одного примера сигматических аористов с тематическим гласным типа *кѣдохъ* (см. [Vondrák 1912: 505]³⁶, то древнерусским оригинальным источникам, напротив, «сильные» аористы были не известны. Исключение, как известно, составляли словоформы 2–3 л. ед. числа типа *идѣ*, которые с праславянской эпохи для основ на согласный стали единственно возможными.

Если простой аорист отсутствует уже в Остромировом евангелии 1056–1057 гг. [Вайан 1952: 205], а в других источниках древнерусского письма представлен единичными примерами [Пичхадзе 2011: 60], то в одном только Захариинском паримейнике 1271 г. (далее — Зах 1271) их 16. Здесь обнаруживаются, кроме того, словоформы простого аориста, которые противопоставлены словоформам тематического сигматического аориста или искаженным словоформам простого аориста в среднеболгарском Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. См.:

и <u>нѣ ѡврѣтоу</u> <u>кодѣ</u> да <u>вѣша</u> пили Зах 1271, 10г3–5	<u>нѣ ѡврѣтошѣ</u> Григ XII/XIII, 7, 5
<u>вѣзѣдкигоу</u> же сѧ <u>ѡ</u> <u>ѣлима</u> · и <u>приидоу</u> <u>вѣ</u> <u>вѣса</u> <u>сѣна</u> <u>мѣ</u> <u>снѣ</u> <u>и</u> <u>злѣ</u> Зах 1271, 11б11–15	<u>вѣзѣдкигнѣ</u> же сѧ <u>ѡ</u> <u>ѣлима</u>·· и <u>придѣ</u> <u>вѣ</u> <u>снѣмѣ</u> <u>снѣкѣ</u> <u>и</u> <u>злѣкѣ</u> Григ XII/XIII, 7, 20–21
<u>сѣ</u> <u>и</u> <u>нѣ</u> <u>рѣди</u> <u>хѣ</u> и <u>вѣ</u> <u>знесохѣ</u> · ти же сѧ <u>ѡврѣгоу</u> <u>мѣ</u> <u>нѣ</u> Зах 1271, 27г9–13	ти же <u>ѡврѣгошѣ</u> сѧ <u>мене</u> Григ XII/XIII, 14, 3–4³⁷; в разночте- ниях: сѧ <u>ѡврѣгоша</u> (Лоб 1294– 1320), <u>ѡврѣгошасѧ</u>

³⁶ В глаголическом Синайском требнике найдено лишь 5 форм аориста типа *кѣдохъ*, а в Ассеманиевом евангелии — 26.

³⁷ Новая форма с окончанием имперфекта.

В издании Р. Ф. Брандта утраты листов в Григоровичевом паримейнике восполнены по Лобковскому паримейнику 1294–1320 гг., в котором простой аорист вовсе отсутствует:

ддрзайте скоти полдстиій . нако прозѡ воу пола поустѡ ндннѡ Зах 1271, 22г1– 14	прозѡвошѡ Лоб 1294–1320, 15 об., 10

и ѿ всехъ гадѡ сосуши хъ по земли . дѡ ка дѡка . взни доу къ ноѡки къ кобѡегѡ . моу жѡскѡ полѡ и же нѡскѡ Зах 1271, 81а8–15	и ѿ всехъ гадѡ сосуши хъ по земли внидош ^а к ноѡки к кобѡегѡ . мужѡскѡ полѡ да женѡскѡ Тр XIV ₂ , 34в14–19 ³⁸	и ѿ всехъ гадѡ сѡшѡхѡ по земли. дѡѡ дѡѡ внидошѡ к ноѡки к кобѡегѡ. мѡжѡскѡ полѡ и женѡскѡ Лоб 1294–1320, 54, 10– 12

В Захариинском паримейнике 1271 г. данные формы наследуют первоначальный кирилло-мефодиевский перевод и свидетельствуют о сугубой архаичности его антиграфических источников.

В системе аористных образований сохранение протографических форм проявилось также в употреблении сигматического аориста от основ на согласный³⁹. Так, атематический глагол **насти** и приставочные образования от него в аористе наблюдаются только в словоформах древнего сигматического типа:

³⁸ Древнерусский Троицкий список паримейника второй половины XIV в. Рукопись РГБ, Тр. 4. 142 л.

³⁹ Однако уже с обобщением чередований в суффиксе -с- // -х- // -ш-.

и сѣниде ѡ|гна Ѡ гѣа сѣ нѣсе ·| и поѣст[-] ѡлѣ|каоу|томатѣ
 Зах 1271, 17а16–19; и вѣздама вѣ|мѣ за лѣта ѡже| поѣша
 проузи и| хроустовѣ 23а14–17; и сѣнѣсте · и Ѡвѣрзо|стасѣ
 ѡчи ѡвѣма 46б17–19; Ѡ дрѣ|ва ѡгоже заповѣ|дахъ ти ·
 того ѣди|ного не ѡсти · Ѡ| того сѣнѣста 47б15–19; и вѣнесе|
 ми и ѡхъ 141г7–8; и сѣнѣхъ и 183а1; понеже сѣнѣ|ша Ѡ пш-
 еничуѣ| Ѡ плода землі ·| и к томоу не| вѣше сѣнѣ|и|зѣвѣмѣ
 · ма|нѣ 196а1–7.

В Григоровичевом паримейнике в этих случаях может наблюдаться редакторское поновление — сигматический аорист с тематическим гласным:

си ми дастѣ Ѡ дрѣва и сѣнѣхъ Зах 1271, 46г13–15; и рѣѣ жена змиа ма прѣлѣсти · и сѣнѣ хъ 46г17–47а1	снѣхъ Тр XIV ₂ , 15а4; снѣхъ15а7	снѣдохъ Григ XII/XIII, 22, 1; снѣдохъ 22, 3

В Григоровичевом паримейнике и в более поздних источниках в случаях с нетематическими глаголами, в отличие от Захаринского паримейника 1271 г., также обнаруживается редакторское поновление — новосогматический аорист:

вѣсѣ днѣ развѣрѣшасѣ вси истоуници вѣзда нѣ · и хлѣби нѣсѣ скѣнѣ Ѡвѣрѣшасѣ · и вѣѣ дѣжгѣ на земли	вѣсѣ днѣ развѣрзошасѣ ^а водѣ и хлѣби нѣнѣ · и вѣѣ дожда великѣ на земли · м̄ · днѣ · м̄ · ноши Тр XIV ₂ ,	вѣсѣ днѣ развѣрѣ зошѣ сѣ вси истоуници вѣздѣнѣ · ∴ и хлѣби не вѣснѣ Ѡвѣрзошѣ сѣ ∴ И

·ṁ· д̄нии · ̄ ӣ ṁ̄ нощій Зах 1271, 84a7–14	36ḅ1–6	БѢ҃ ДѢЖДѢ НА ЗЕМІ :· ̄ :ṁ̄:· д̄н̄еӣ :· ӣ :·ṁ̄: нощеӣ Григ XII/XIII, 35, 5–8

Как известно, сигматический аорист глагола рѣци вслед за кирилло-мефодиевскими текстами получил распространение во всех школах славянской книжности. В Захариинском паримейнике сигматические аористы этого глагола количественно преобладают над аористами тематического сигматического типа (см. ниже).

Г. А. Мольков недавно установил новые факты хорошего знакомства древнерусских писцов с простым аористом в ранний период: в Погодинском евангелии XI в. представлено 22 формы простого аориста, а в Толстовской псалтыри XI в. — 124 формы (!). Это полностью опровергает устоявшуюся точку зрения о чрезвычайной редкости форм простого аориста в славяно-древнерусской письменности [Мольков 2017]. Однако в оригинальных раннедревнерусских текстах таких форм нет. Это доказывает диалектную прикрепленность данных форм, с одной стороны, а с другой стороны — живой характер других форм претеритов, которые широко представлены в древнерусской письменности.

4.2. Аорист рѣша

Другая картина наблюдается в случаях с употреблением сигматического аориста глагола рѣун/рѣцн. Так, западно-старославянский, тип форм преобладает в позднедревнерусском Захариинском паримейнике 1271 г., однако нужно иметь в виду, что здесь и сам перевод имеет кирилло-мефодиевское происхождение. Соотношение здесь такое:

1 л. ед. ч. рѣхъ — 11, рѣкохъ — 2;

3 л. дв. ч. рѣсте, рѣста — 2, рѣкоста — 0;
 2 л. мн. ч. рѣсте — 1, рѣкосте — 2;
 3 л. мн. число рѣша — 11, рѣкоша — 6; нарѣша — 0, нарекоша — 1 [Zholobov 2016: 164].

Данный глагол в последних работах включается в число ключевых единиц ренарратива как разновидности категории эвиденциальности (см. [Копотев 2014]). В проповедях Кирилла Туровского обнаруживаются почти исключительно формы сигматического аориста рѣша ‘сказали, говорили’, которые были характерны для кирилло-мефодиевских источников [Вайан 1952: 266], помимо форм:

Сн бо реуе соломонъ помъислнша н прѣльстншася ослѣпн^{б0} я злоба нхъ • рѣкоша бо оуловнмъ правьдника • руганнѣмъ н ранами стажемъ его • н смѣртню безлѣпотьюю шсоуднмъ его СбТол XIII₂, 9; Уто же н еше хощете ѿ мене слышатн • понеже рѣкохъ вамъ н не вѣроуете • еда н взи оученици его съ мною хощете быти 29 об.; к немуже възгласивше стѣни наши рѣкоша ѿцн 40 об.⁴⁰

В Словах-проповедях Кирилла Туровского лексико-грамматическая единица рѣша получила значение не просто введения прямой речи, а своего рода экспрессивно-документального подтверждения или отсылки к чужой речи. См.:

ни въздаша хвалы бѣн • въздвнгноувъшоому ослабленаго ѿ одра немощн • ни рѣша како ти съ брате жнлы оукрѣпнша СбТол XIII₂, 20 об.; мужн бо рѣша галнѣнстни что стонте зраще на нѣо 33.

Особая функция данной словоформы подчеркивается ее вставным в прямую речь употреблением на месте энклитики:

⁴⁰ Нельзя исключать появления этих форм под пером переписчика.

нстрѣбнмъ бо рѣша память его СбТол XIII₂, 10; Нъ испытанмъ рѣша добръ • възовѣмъ н ѿще второе прозрѣвшаго 28 об.⁴¹

Оба способа употребления словоформ могут сочетаться в одном контексте:

сзннде бо рѣша на землю ннкомуже не чювшю • н се рабнн нска образъ възсходнтъ • шнн же рѣша не бодемъ покорн • аще не оуслышнмъ слова бнѣа СбТол XIII₂, 36.

Заметим, что подобное употребление не выделяется историческими словарями. Сходные случаи, однако, отмечаются с другой формой данного глагола, например, в Слове о полку Игореве:

Помняшетъ бо, речь, прѣвыхъ времянь усобицѣ (цит. по [Зализняк 2008: 461]); «Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» (цит. по [Зализняк 2008б: 462]); А Святославъ мутен сон видѣ въ Кіевѣ на горахъ. «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чръною паполомою на кровати тисовѣ...» (цит. по [Зализняк 2008б: 467]).

Сходный пример приводится А. А. Зализняком [2008а: 45] из Жития Феодосия Печерского:

блаженн бо ѿсте рече ѿгда оукорятъ въ ЖФП, 43а.

⁴¹ В формальном отношении данные контексты близки русским: *Год, говорят, грибной будет*. Однако они имеют значение не документального свидетельства, а предположения с опорой на неопределенные источники. См. также в древнерусской летописи в конструкции с косвенной речью и предположительной семантикой бѣ бо нхъ пришло, твораху, ꙗвѣ нли боле, *Новг. 1 лет. 6736 г.*, где творити 'указывать, говорить что про кого-либо' [Срезн. III: 936].

А. М. Камчатнов [2004] отмечает широкое использование аориста *реуе* в качестве знака цитации в Толковой Палее. Имеются в виду контексты следующего типа:

вєлнкнї монсєн науннаєть глѣ въз науало створи бѣ *реуе* нѣо н
землю 1б (с цитированием книги Бытия I, 1); патрнѣрхъ нсакъ
благослова нѣкова дажь ти *реуе* господь ѿ росы небєснѣна н ѿ
влагн земнѣна 3г (Бытие XXVII, 28).

Сигматический аорист в Слове о полку Игореве отсутствует, а новосигматический употребляется в функции сказуемого, вводящего прямую речь. См.:

рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же» (цит. по [Зализняк 2008б: 466]); И *ркоша* бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила» (цит. по [Зализняк 2008б: 467]); Нъ *рекосте*: «мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами подѣлимь!» (цит. по [Зализняк 2008б: 468]).

В Слове о полку Игореве лишь однажды прямая речь вводится глаголом *мльвить*.

В монографии, посвященной древнерусским энклитикам, А. А. Зализняком [2008а: 44–45] упоминаются без указания ранга только энклитические формы *реку*, *рече*, *рѣци*. По поводу *реку* А. А. Зализняк замечает: «... на синтаксическом уровне *реку* уже было отнюдь не вклиненным главным предложением и даже не вводным словом, а просто показателем передачи прежней речи автора, носившим почти грамматический характер» [Зализняк 2008а: 45].

А. А. Гиппиус отмечает, что с учетом поздних вставок “повествование о древнейшей истории Русской земли, легшее в основу Начальной летописи, вообще не знало новых форм аориста (типа *рекоша*), употребляя исключительно старые (типа *рѣша*)” [Гиппиус 2009: 249].

Таким образом, у Кирилла Туровского сигматический аорист *ръша* — это грамматикализованное, морфосинтаксическое средство, в качестве одной из единиц категории эвиденциальности обслуживающее указание на чужую речь. В чем здесь допустимо видеть переход языковой единицы с рубежа лексического на ступень грамматикализации или близкий к ней уровень? Отмечается употребительность сигматического аориста данного глагола в древнерусской письменности — прежде всего раннего периода — как переводной, так и оригинальной (см. [Пичхадзе 2011: 324–325]).

В связи с этим формы типа *ръша* основного глагола речи, могут отражать не только влияние кирилло-мефодиевской традиции, но и сохранение функционально обособленной праславянской формы.

Данный факт может быть сопоставим с сохранением еще более глубокого, индоевропейского, архаизма — медиального перфекта *вѣдѣ* ‘я знаю’, являющегося ключевой лексико-грамматической единицей категории эвиденциальности в функции указания на непосредственный субъектный источник информации (см. [Žolobov 2016: 4–6])⁴². “...Evidentiality... actually involves the speaker’s attitude toward the truth of the statement” [Friedman 1986: 186]. Прямая речь, сопряженная с употреблением *ръша*, несет большую дискурсивно-прагматическую нагрузку, придавая пассажам проповеди характер документального свидетельства. Итак, *ръша* <

⁴² Словоформу *вѣдѣ* ‘(я видел и) я знаю’ принято считать остатком индоевропейского перфекта с медиальным окончанием (отсюда русский союз и частица *ведь*; см. [Фасмер I: 284–285]). Предпочтение системно ожидаемой словоформы в кирилло-мефодиевских переводах могло носить идеологический характер отталкивания от архаизма, связанного с языческой практикой обозначений ведовства (см. в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» *вѣдоуаство*, *вѣдаство* ‘колдовство, чародейство’ СДРЯ II: 289–290; *вѣдоуница* ‘ведунья, колдунья’, *вѣдоуница* ‘ведун, знахарь’ СДРЯ V: 603; Срезн. I: 480).

**rěše* — это изолированный индоевропейско-праславянский архаизм с единственной функцией маркера чужой речи, тяготеющий к клитическому употреблению и контрастирующий с живыми аористами типа *рѣкоша*. Наряду с приведенными выше данными А. А. Гиппиуса, язык кирилловой проповеди в этом отношении может отсылать еще к праславянской традиции ренаррации.

4.3. Аорист на -тъ

Аорист 2–3 л. ед. числа с окончанием -тъ стал наследственной чертой кирилло-мефодиевской школы письменности (см. [Zholobov 2016: 164–168]), поэтому мы находим его даже в позднедревнерусских списках западных старославянских источников:

и прѣнѣтъ нлнѣ мнлоть свою и сѣвнѣтъ и оударн вѣ водоу Зах 1271, 12Г1–5; и все кѣлко бѣ на соушн оумрѣтъ 84Г19–85а2; ѡцѣ моѣ заклѣтъ ма 162б19–162в1; житѣ нѡснфѣ ·рї· 164в14–15; гѣ дасть гѣ ѡтѣтъ 180Г19–181а1; и покрѣтъ ю ѡблѣкѣ шестѣ дѣнн 246а8–10 и мн. др.

Такие формы могут соответствовать аористам без окончания -тъ в других списках, в том числе в среднеболгарском Григоровичевом паримейнике:

и вѣроу <u>ѣтъ</u> и аву рамѣ <u>гѣ</u> н Зах 1271, 120в7–9	і вѣроу <u>ѣтъ</u> аврамѣ <u>гѣ</u> н Тр XIV ₂ , 52Г1–2	и вѣрѣ <u>ѣ</u> Аврамѣ Бгѡвн Григ XII/XIII, 48, 4
и <u>покрѣтъ</u> ю ѡблѣкѣ шестѣ дѣнн Зах 1271, 246а8–10	и <u>покрѣ</u> кѣго облѣкѣ ·с· дѣнн Тр XIV ₂ , 141б16–17	

се ламѣхъ оуби два брата ѿнов хова • н <u>поятъ</u> собѣ женѣ ѿю Зах 1271, 260 об.10–11	а ламѣхъ оуби два бра̄ ѿнохова • н <u>пою</u> себѣ женѣ ѿю Тр XIV ₂ , 140г14–17

Г. А. Ильинский [1900] видел в таких глаголах архаические формы сильного аориста с медиальным окончанием или образования с флексией инъюнктива, что, по его мнению, объясняет отсутствие в этих случаях суффикса сигматического аориста перед -тъ.

В новых работах высказывается предположение о развитии «приращения» -тъ у глагольных основ без автономного ударения, которым приращение придавало акцентную самостоятельность [Пичхадзе 2011: 316]. Как известно, этот фактор не проявил себя сколько-нибудь последовательно в восточнославянских диалектах праславянского. Между тем в ранний период подобная акцентная перестройка вовсе отсутствовала.

По поводу исконной акцентной характеристики данных форм А. А. Зализняк отмечает: «В аористе в праславянском положение было таково. Окончания 2–3 ед. -е, -тъ были минусовыми, все прочее — (-ь, -омъ, -те, -е, -вѣ, -та) плюсовыми; соединительное -о- в новом сигматическом аористе, вероятно, было минусовым. При этом у а-, і- и корневых глаголов, подвергавшихся перемаркировке в инфинитиве..., такая же перемаркировка происходила и в аористе, кроме 2–3 ед.» [Зализняк 1985: 144]. Круг глаголов с автоматическим — не автономным — ударением основы был довольно широк, однако это никак не способствовало развитию приращения: см., в частности, исконную отрицательную акцентную маркировку основ типа *лови-*, совпадающих с формами 2–3 л. ед. ч. аориста, и словоформ типа *съблюде* [Зализняк 1985: 148, 159]⁴³.

⁴³ Как было показано Й. Райнхартом, морфологические изменения не сдерживаются более серьезными препятствиями — принадлежностью к разным акцентологическим парадигмам. Так, в хорватских рукописях отмечают

Вариативность словоформ презенса, аориста и имперфекта на $-т\grave{а}$ ($-т\grave{ъ}$) $< *-ti$ и $-\emptyset < *-t$, судя по всему, имеет общий генезис и восходит к индоевропейско-праславянской модели с варьированием первичных и вторичных окончаний в паре индикатив vs. инъюнктив, а также в формах конъюнктива (см. [Жолобов 2016а: 20–23]). Модель аористов на $-т\grave{а}$ была генерализована и закрепилась в группе глаголов с омонимичными формами страдательных причастий типа $\text{л}\grave{т}\grave{ъ}$, $\text{с}\grave{х}\text{к}\text{ит}\grave{ъ}$, $\text{п}\grave{к}\text{т}\grave{ъ}$. Их близость была отмечена Ван-Вейком [1957: 314]. На взаимосвязь активных форм аориста на $-т\grave{а}$ и пассивных форм с суффиксом $-т-$ в своем структуралистском описании старославянской глагольной системы указал Х. Кох [Koch 1990: 239]. Ассоциированность данных форм засвидетельствована менами при трансформации страдательных конструкций в активные. Яркий пример подобной трансформации приведен В. Б. Крысько со следующим комментарием: «О том, что аорист $\text{пр}\grave{н}\text{а}\text{т}\grave{ъ}$ был для древнерусских книжников совершенно обычной формой, свидетельствует преобразование конструкции с омонимичным страдательным причастием: 3-й писец Соф заменил оборот, сохраненный другими писцами (С) в виде $\text{пр}\grave{н}\text{а}\text{т}\grave{ъ}$ $\text{к}\grave{н}\hat{\text{и}}$, на $\text{пр}\grave{н}\text{а}\text{т}\grave{ъ}$ и $\text{с}\grave{т}\grave{ъ}\text{н}\text{и}$ 135а20» [Крысько 2011: 826]⁴⁴.

Окончание $-т\grave{а}$ сохраняется в ряде случаев и в основах на неполногласие в группах *tert*, хотя обычно они реинтерпретируются под влиянием близкозвучных основ настоящего времени, сближаясь с формами на $-е$:

и пожре $\text{ж}\grave{р}\text{ъ}\text{т}\grave{ъ}|\text{к}\text{оу}$ Зах 1271, 156а14–15; $\text{пр}\text{о}\text{с}\text{т}\grave{ъ}\text{р}\grave{а}$ $\text{н}\grave{а}\text{к}\text{о}|\text{к}\grave{а}$ ·

примеры образования сильного аориста для глаголов, которые акцентологически было принято связывать исключительно с сигматическим типом: 1 л. дв. ч. *tekově*, 1 л. ед. ч. *otvrъz'*, 1 л. ед. ч. *ne ožeg se* и др. [Reinhart 1988: 300 и др.].

⁴⁴ Соф = ПрС XII/XIII.

нозѣ сво[и]|| на ложи оумь|ре 161г18–162а2.

На такое сближение указывает, кроме того, спорадическая замена старославянского окончания -тъ на древнерусское -тѣ:

про старе же мойсий роукоу на море Зах 1271, 10б11–13	Прострѣтъ Григ XII/XIII, 6 об., 14

и оумрѣтъ всака плѣтъ Зах 84г6–8; и все ѣлико вѣ на соуши оумрѣ тъ 84г19–85а2	и оумре всака плотѣ на землѣ Тр 3бв8–9, контекст со второй формой аориста отсутствует	оумрѣтъ Григ 35, 25; оумрѣтъ 35, 30

Тем не менее словоформы оумрѣтъ преобладают и насчитывают 9 случаев (включая один пример на -тѣ).

Таким образом, употребление аористных словоформ на -тъ в Захариинском паримейнике в целом соответствует западному старославянскому типу.

Наиболее частотные среди рассмотренных глаголов словоформы от основ на носовой гласный были восприняты древнерусской литературной нормой. В оригинальной древнерусской паримее Борису и Глебу, составленной на основе летописного рассказа, в Захариинском паримейнике 1271 г. окончание -тъ наблюдается только у таких глаголов и никогда не смешивается с окончанием -тѣ, хотя свободно допускается употребление словоформ без данного окончания:

стра^ѣ приѣ| грѣхѣ ради на|шихѣ Зах 1271, 262, 14–15; и на|ча|
молитисѣ съ слѣ|зами 263, 3–4; и приѣ| вѣнцѣ| вѣ|шадѣ| вѣ
нѣ|снѣнѣ| • ѡ|бители 263 об., 9–10

й вѣжавѣ шю кѣмоу вѣ оугрѣи · науатѣ помѣшлати извѣю братю свою Зах 1271, 258 об., 6–9	й вѣжащю кѣму во оугрѣи <u>науа</u> по мѣшлати извѣю вѣю братю свою Тр XIV ₂ , 140б1–5

<u>ѡнѣтѣ</u> бо ѡ насѣ вѣ во лоди- мира Зах 1271, 259, 12–13	<u>ѡнѣтѣ</u> бо ѡ на ^ѣ колоди мера Тр XIV ₂ , 138в8–10

се ламѣхѣ оуби два брата кѣнохова · и <u>поиѣтѣ</u> собѣ женѣ кѣю Зах 1271, 260 об., 10– 11	а ла мехѣ оуби два бра ^ѣ кѣнохова · и <u>поиѣ</u> се вѣ женѣ кѣю Тр XIV ₂ , 140г14–17

Другие глагольные типы в этой части паримейника не имеют словоформ на -тѣ:

<u>оуби</u> бо бориса на лтѣ Зах 1271, 257, 8–9	<u>оуби</u> бо бориса на лтѣ Тр XIV ₂ , 137г5–6

й <u>извѣ</u> нѣ · и вѣзврати вѣа кѣна сѣдомѣскѣнѣ Зах 1271, 257 об., 9–11	<u>извѣ</u> нѣ ѡполони вѣа ста да сѣдомѣска Тр XIV ₂ , 139б11–13

<u>извѣ</u> братю Зах 1271, 260 об., 15; послѣди же жена са мого оубломкомѣ жернова <u>оуби</u> с города 260 об., 16–18	<u>извѣ</u> братю Тр XIV ₂ , 140г22; послѣди же самого го на сѣ города оубломѣ комѣ жернова <u>оуби</u> подѣ городомѣ 141а1–4

Слѣшавѣ нарѣславѣ нѣ ко оцѣ кѣмоу <u>оумрѣ</u> Зах 1271, 257, 2– 3	Слѣшавѣ нарѣсла вѣ на ^ѣ ко оцѣ кѣго <u>оумрѣ</u> Тр XIV ₂ , 137в19–21

От атематических глаголов, как правило, образуются ненулевые словоформы с древнерусским окончанием -тъ:

и| вѣста вечерѣ · и| вѣ оутро днѣ четвертѣи Зах 1271, 34а7–10; и вѣзмѣши ѿ плода его и| сѣнѣста · и даста и| моужю своѣмѹ сѣ собою 46б13–17; и принесе ѣмоу и| нѣста 140г17–18; яко тоужди ли вѣмѣниховѣса ѣмоу · продаста ко нѣ · и| сѣнѣста сѣнѣдию| сребро наю 146б19 – 146в5; ѡгнѣ сѣпаде сѣ нѣсе на землю · и| пожѣже ѡвѣца · и| пастоухѣ · понѣста тако же 180а4–10; гѣ даста гѣ || ѡтѣтъ 180г19–181а1; и вѣста тако 203б4–5 и др.

Развитие форм на -ста рядом с редкими нулевыми формами в этих случаях повторяет параллелизм ненулевых и нулевых форм в презенсе типа ѣста и ѣ, нѣста и нѣ, даста и да. См. нулевые словоформы в глаголических евангелиях: ѣто ѣ тебѣ Ио. 21:22 (Зографское и Ассеманиево евангелие); отѣ плѣти нѣ польза Ио. 6:63 (Мариинское евангелие) [Вайан 1952: 249]. Вместе с тем -с- в составе приращения формально может быть соотнесено с суффиксом сигматического аориста: *bhū-s-t/ti, *ēd-s-t/ti и под.

Приставочный глагол зѣбѣти встречается только с нулевым окончанием:

ѡставилѣ| ма нѣста гѣ · и| вѣ | зѣбѣ ма Зах 18в10–12; рѣкоу гѣ ви зѣстоупѣникѣ мой ѣси тѣ · | поуто ма зѣбѣ 69б14–17.

Однако он так спрягался уже в старославянских глаголических памятниках, по-видимому, из-за утраты семантической связи с глаголом вѣти (см. [Вайан 1952: 258]).

Особой характеристикой проповедей Кирилла Туровского является стопроцентная реализация аористов с окончанием -тъ.

Его проповеди в этом отношении наследуют исключительно старославянскую кирилло-мефодиевскую традицию. См.:

БЛОУДНИЦА ГРѢХОВЪ ѠПОУСТЪ ПРНИАТЪ СБТол XIII₂, 5 об.; ВДОВИЦА • Ѡ МЪРТВЫХЪ СВОЕГО СНА СЪ ДШЕЮ ЖИВА ПРНИАТЪ 5 об.; ИЖЕ Ѡ БЕЗАКОНЬНИКЪ ЗА БЛГАИ ПРНИАТЪ 6 об.; И ПРИЗВА СЪТЪНИКА ВЪПРОСИ И АЩЕ ОУЖЕ ОУМРЕТЬ ПРОПАТЪИИ ІСЪ И ОУВѢДАВЪ ДАСТЬ ТѢЛО НОШНОУ 10 об.⁴⁵; И КОУПНВЪ ПЛАЩАНИЦЮ СЪНАТЪ ТѢЛО ІСВО СЪ КРТА 10 об.; НИИ ЖЕНОУ ПОАТЪ 24 об.; АКЪ ПЪРВЪНЦА ПРНИАТЪ ІЕГО 30 об.; ѠБЛАКЪ СВѢТЪЛЪ ПОДЪАТЪ И Ѡ ОУНЮ НХЪ 35 об.; НАУАТЪ ЗЛОЕ СЪМА СЪАТН 39; И НАУАТЪ ѠКАНЪИИ СИЦЕ ДОГМАТИСАТН 40.

Необычным может показаться тот факт, что в этом случае отсутствует вариативность, присущая как переписанным с кирилло-мефодиевских переводов источникам — например, Захариинскому паримейнику 1271 г., так и оригинальным древнерусским текстам — например, Житию Феодосия Печерского по списку XII в. в Успенском сборнике. Слова-проповеди Кирилла Туровского оказываются в этом отношении родственными переводным текстам с архаичными единицами, близкими гимнографическим текстам, которые были переведены учениками Кирилла и Мефодия [Пичхадзе 2011: 68, 323].

Встретилась лишь одна форма без добавочного окончания с другой основой. Других данных об основах такого типа в проповедях нет. См.:

⁴⁵ Форма оумреть (ст.-сл. оумрѣтъ), вероятно, содержит восточнославянское флективное -тъ, однако в рукописи конечный ъ в верхней части смыкается с перемычкой т и может быть прочитан как ѣ. Такое же написание имеет форма дасть, которая довольно регулярно употреблялась в древнерусских источниках. Возможно, неясное написание писцом выбрано осмысленно, поскольку рядом имеются хорошо различимые чтения на -тъ и -тѣ.

нѣо помраунса н свон свѣтъ скръз СБТол XIII₂, 15.

Каким бы ни было происхождение форм, модель на -тъ была генерализована, как указывалось выше, и закрепились в группе глаголов с омонимичными формами страдательных причастий типа ѡтъ, свѣнтъ, пѣтъ.

4.4. 2-е л. ед. числа простых претеритов

В проповедях Кирилла Туровского отмечается такая архаичная черта, как правильное употребление 2 л. ед. ч. аориста, которое по частотности превосходит какой-либо другой источник. См., в частности:

Внжю ребра ѡ ннхъже нстоун водоу н крзвь • водоу да ѡунстншн осквѣрннвзшюуса землю • н крзвь же да ѡстншн ѹлѣуьское нестьство • Внжю роуць твои нмаже прѣже створн всю тварь • н ран насадн • н ѹлѣка созда • нмаже бл҃гословн патрнархы • нмаже помаза црѣ • нмаже ѡстн аплы СБТол XIII₂, 5; Н рече кз нему ѡ ісѣ яко вндѣвз ма вѣрова • бл҃жнн не вндѣвзшен вз ма вѣровавзшен 5 об.; нзына вл҃ко растързаюса оутробою • твои вндашн тѣло • прн҃гвождено кз дрѣвоу ... едннз ѡ несѣянзны пронде оутробы • цѣлы печати моего съблюдз дѣвства ... н пакы дѣвою схранн 7–7 об. и под.

А. А. Зализняк отмечает подобное употребление аориста в ряде ранних древнерусских источников (таких, как Повесть временных лет и перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия), а также в Слове о полку Игореве, в отличие от более поздней традиции замены аориста 2 л. ед. числа перфектом (см. [Зализняк

2008б: 107–114])⁴⁶.

У Кирилла Туровского рядом с аористом 2 л. встречается также имперфект. Чрезвычайно показательны контексты, в которых рядом с простыми претеритами во 2 л. ед. употребляется перфект во 2 л. ед. числа:

НѢО помраунса н свон свѣтъ скръи • тѣ же тогда радуясѧ на своєю рукоу бѧ носаше • землю лн тѧ бѣгоцвѣтоущю нарекоу • нз тою ѱтънѣн сѧ показа • тѣгда бо н та страхомъ тѣсашесѧ • тѣ же съ веселнѣмъ бѣнѣ тѣло съ ннкоднмомъ • вѣ плащаннцю съ конѧмн ѡбѣнѣвъ положилъ еси • дѣлмъ лн тѧ нменоую • нз н тѣхъ вѣрнѣнѣ н крѣпзубѣнѣ обрѣтесѧ • егда бо • ѡнн страха ради жндовьска разбѣгошасѧ • тѣгда тѣ безъ боюзни н бесоумнѣннѧ послоужилъ еси хвн СбТол XIII₂, 15; нз сзхранн тѧ ѡ тѣхъ ісѣ нгоже тѣ хранаше тѣло • не оубоѡвзсѧ гнѣва жндовьска • не прецѣннѧ жреуьска • нн напрасно оубѣнѣающнхъ коннъ не оустрашнса • не пожалнса по мнозѣмъ бѣтѣствѣ • чаю трнднѣвнаго възкрѣннѧ • нз пауе всѣхъ стѣхъ подвнзлзсѧ еси бѣбѣлжнзн нѡснфѣ • н пауе всѣхъ нмашн дерзновеннѣ кѣ хѣ 15 об.

В приведенном пассаже простые претериты обозначают исторические и физические действия, в то время как перфекты — подвергшийся текущей оценке, общезначимый, в том числе метафизический их смысл.

В известной берестяной грамоте № 605 (кон. XI – 1 треть XII), как уже указывалось, также встречаются формы 2 л. ед. числа аориста розгнѣвасѧ (с восточнославянской приставкой) и имперфекта мзлвлаше (в древнерусской огласовке) рядом с разными формами перфекта, что подчеркивает расхождения в их семантике.

⁴⁶ Он отмечает также 10 форм аориста 2 л ед. числа в Мариинском евангелии. Данные Слов Кирилла Туровского остались ему неизвестны.

Аористная трактовка формы *соули* '(ты) посулил' дана для ново-найденной грамоты № 1031 (см. [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 129–131]):

...а промзышен то ли бологодѣть твоѡ мнѣ цѣто мн соули ГрБ
1031 (60–90 XII в.).

В приведенных примерах из проповедей Кирилла Туровского при определенном сходстве в совмещении форм простых претеритов 2 л. ед. ч. и перфекта представлена более сложная картина, поскольку простые претериты и перфект относятся к одному и тому же лицу, к которому обращается автор. Подобные контексты являются в определенном смысле ключевыми для прояснения исходной семантики перфекта. Их анализу должно быть посвящено отдельное исследование.

V. К ИСТОРИИ НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО

5.1. Вводные замечания

Изучение настоящего исторического имеет давнюю традицию. Однако первое полномасштабное его исследование в разных славянских языках как синхроническое, так и диахроническое было представлено в кандидатской диссертации А. В. Бондарко «Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках», защищенной в 1958 г. и изданной в 2005 г. [Бондарко 2005/1958]. Впервые настоящее историческое было описано в связи с категорией вида в славянских языках. Тем не менее эта тема полностью сохраняет потенциал развития — прежде всего в плане описания эволюции настоящего исторического.

По определению А. В. Бондарко, «настоящее историческое — это переносно употребляемое, релятивное настоящее время одного или нескольких действий, которое служит для повествования о прошедших событиях. В ряде случаев, актуализируя прошлое, настоящее историческое придает повествованию бóльшую живость и изобразительность» [Бондарко 2005/1958: 431].

В. В. Виноградов связывал употребление *praesens historicum* с субъективным смещением временной перспективы постоянного настоящего в план прошлого, что, на наш взгляд, соответствует реальному механизму функционирования так называемого фиктивного настоящего. «Форма настоящего времени, являющаяся в то же время формой привычного, постоянного действия, осуществляющегося вне временных условий, с помощью субъективного перемещения временной перспективы может быть применена и к плану прошлого (*praesens historicum*). Тогда она служит для изображения прошедших фактов как бы совершающимися в момент речи перед глазами слушателя или читателя» [Виноградов 1938: 445].

В историческом разделе диссертации А. В. Бондарко рассмотрено настоящее историческое несовершенного и совершенного видов в 15 старорусских текстах, в том числе в двух старорусских списках раннедревнерусских текстов — переводном (Александрия XI/XII вв.) и оригинальном (Хождение игумена Даниила XII в.). Показательно, что количество случаев настоящего исторического в них оказалось одинаковым: 6/1 и 6/2 (первая цифра — количество глаголов несовершенного вида, вторая — совершенного). Учитывались в ряде случаев разные редакции или разные списки текстов. Количественные данные доказывают полное господство форм несовершенного вида. Автор связывает современное состояние в русском языке с процессом унификации форм несовершенного вида в этом временном плане. Больше всего форм настоящего исторического в поздних старорусских текстах. Так, в Житии протопопа Аввакума обнаружено 208 форм несовершенного вида при пяти формах совершенного вида. На столь же высоком уровне они засвидетельствованы в Повести о Еруслане Лазаревиче: 178 примеров несовершенного вида и довольно много — 18 — совершенного вида. Немало примеров настоящего исторического найдено в Житии Михаила Клопского, в одном из списков Задонщины, во второй редакции Сказания о Мамаевом побоище. Показательно, что между редакциями или списками могут быть существенные расхождения в количестве форм: в первой редакции Жития Михаила Клопского 33/5, во второй — 16/3; в Кирилло-Белозерском списке Задонщины 28/5, в первом списке Исторического музея — 6/1, во втором — 43/1. Безусловно, в дальнейшем эти расхождения потребуют объяснения.

В историческом разделе рассматриваются также случаи употребления настоящего исторического в старославянском языке. Известно, что в старославянских евангелиях представлено лишь четыре случая употребления настоящего исторического при переводе

греческих форм *praesens historicum*. В остальных случаях настоящее историческое греческих источников заменяется претеритальными формами, главным образом аористом. В то же время в Супрасльской рукописи засвидетельствовано немало примеров настоящего исторического — 28, но лишь в одном случае славянский переводчик самостоятельно использовал настоящее историческое на месте греческого претерита. Во втором томе пятитомника Р. Вечерки «*Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*» [1993: 173–174] в связи с этим отмечается, что уклонение от употребления *praesens historicum* в соответствии с греческим могло быть связано с тем, что у славян настоящее историческое имело стилистический оттенок народно-разговорной языковой среды, в то время как древнецерковнославянский язык с самого начала создавался как литературно-нормированный язык.

Очень близкий вывод содержался в диссертации А. В. Бондарко, в котором он присоединялся к точке зрения А. А. Потебни: «При исключительно или преимущественно религиозном содержании текстов повествовательного характера в ранний период славянской письменности настоящее историческое как живой, образный оборот народной речи не могло непосредственно быть воспринято литературным языком: оно вносило бы слишком «простонародный», по выражению А. А. Потебни, оттенок»⁴⁷ [Бондарко 2005/1958: 433]. И далее: «Редкие исключения лишь подтверждают правильность этого объяснения. «Слово о полку Игореве» изобилует настоящим историческим (а ведь это XII век). Ясно, что исключительно частое использование средства образной актуализации прошлого в этом произведении неразрывно связано с его

⁴⁷ А. А. Потебня видел источник развития настоящего исторического в народно-разговорном языке и объяснял его замены в старославянском претеритами тем, что «оно дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон» [Потебня 1941: 158].

народно-поэтическим строем, с его редкой для того времени близостью к народному творчеству, к народной речи» [там же].

В комментариях к изданию диссертации в составе монографии в 2005 г. А. В. Бондарко отмечает, что он изменил свой взгляд на употребление настоящего исторического только в одном пункте. Если в диссертации он критиковал точку зрения Э. Кошмидера, который различал «собственную» и «несобственную» видовую несовершенность в настоящем историческом, то в комментариях присоединяется к ней [Бондарко 2005: 604]. При несобственной несовершенности настоящего исторического подразумевается обозначение действия в прошедшем времени совершенного вида. Ср. у Чехова: *Неожиданно из-за отдаленного кустарника выползает большая, широколицая луна* (в прошедшем времени было бы *выползла, а не выползала*). Это частное значение несовершенного вида в комментариях к диссертации А. В. Бондарко предлагает называть «имплицитно-лимитативным». В диссертации же говорится следующее: «Как те формы, которым в прошедшем времени соответствует несовершенный вид, так и те, которым соответствует совершенный, в равной степени выражают значение несовершенного вида, обозначая действие в его течении, действие как процесс. Следовательно, несовершенство оказывается «собственной» в обоих случаях. Дело лишь в том, что часть рассматриваемых форм несовершенного вида представляет собой результат нейтрализации видового противопоставления в настоящем историческом» [Бондарко 2005/1958: 452].

В новых работах по истории настоящего исторического разграничивается в связи с этим событийное и процессное настоящее историческое несовершенного вида — вслед за выделением этих значений в современном русском языке. Нам представляется, что вывод диссертации ближе к реальному статусу указанных форм. Значение процессности неуничтожимо у глаголов несовершенного

вида. Оно сохраняется даже если глагол обозначает однократное мгновенное действие в прошлом. Употребление форм несовершенного вида останавливает внимание на процессе протекания действий: не только обозначается смена одного действия другим, но достигается особая наглядность их изображения. Так, в высказывании *Наконец где-то хлопают* дверью (А. Чехов. Он понял!) действие *где-то хлопнули* дверью обозначается формой несовершенного вида и дается в развитии, действие не просто упоминается, констатируется, но показывается, изображается [Бондарко 2005/1958: 453]. «Получается сложное сочетание противоречащих друг другу значений: однократное действие выражается как процесс» [Бондарко 2005/1958: 452]. Полагаем, что речь в этом случае нужно вести именно о некоем сплаве, переплетении видовых значений.

Для этого есть историческая параллель — перфективный имперфект, где сочетание грамматической семантики имперфекта и видовой семантики основы приводило к развитию значения перфективной многократности, в том числе хабитуального или дистрибутивного типа.

Настоящее историческое в последнее время постоянно оказывается в поле зрения лингвистов-историков, но речь идет обычно об источниках сравнительно позднего происхождения. В. В. Колесов в работе 1976 г. указал на частотность форм настоящего исторического в Чудовском Новом Завете [Колесов 1976]. Т. В. Пентковская проанализировала употребление настоящего исторического в Чудовской редакции Нового Завета XIV в. (далее — ЧРНЗ) [Пентковская 2009: 112–135]. Это такой позднедревнерусский источник, где формы *praesens historicum* греческого текста систематически передаются в славяно-русском переводе. Вместе с тем Т. В. Пентковская отметила: «При очевидной зависимости настоя-

щего исторического ЧРНЗ от формы греческого оригинала в большинстве случаев, существует группа примеров, характеризующихся незакономерным появлением этой формы на месте иной греческой глагольной формы, как правило, имперфекта. ... не исключено, наконец, наряду с другими причинами, сознательное отступление от формы греческого текста и самостоятельное использование настоящего исторического как стилистического приема со стороны составителя ЧРНЗ» [Пентковская 2009: 135]. Отдельные формы настоящего исторического объединяют ЧРНЗ с Толковым евангелием Феофилакта Болгарского, а также с Толковым апостолом, которые стали одними из источников ЧРНЗ.

Этот вывод был недавно подтвержден в кандидатской диссертации Е. В. Федоровой [2017]. Так, в переводе «Толкового евангелия Феофилакта Болгарского оказалось лишь две формы настоящего исторического в самом тексте евангелия от Марка, тогда как в Толкованиях из 347 форм греческого настоящего исторического калькировано 87,3% — это, конечно, очень существенная величина. Автор разграничивает событийное и процессное настоящее историческое. Первое решительно преобладает: соотношение 263 к 35. Важны также следующие количественные данные: 8 форм настоящего исторического обнаруживаются на месте греческих претеритов.

А. А. Пичхадзе относит восточнославянский перевод «Толкового евангелия Феофилакта Болгарского» к раннедревнерусскому периоду — рубежу XI–XII вв. [Пичхадзе 2011: 354].

5.2. Praesens historicum в древнерусских источниках

В оригинальных гибридных по языку древнерусских текстах настоящее историческое рассматривалось, в частности, Е. А. Горбуновой [1997–1998]. В «Повести временных лет» по Лаврентьев-

скому и Ипатьевскому спискам, а также в «Хожении игумена Даниила» выявлено лишь несколько форм настоящего исторического несовершенного вида, главным образом одиночных, с так называемым процессным значением.

М. В. Новикова в кандидатской диссертации приводит примеры цепочек *praesens historicum* в «Слове о полку Игореве» и отмечает, что это фактически единственный оригинальный текст раннего периода, в котором настоящее историческое активно используется автором как художественно-изобразительное средство ментального совмещения действия и сообщения о нем [Новикова 2016: 101–103]. В «Слове о полку Игореве» насчитывается 68 форм настоящего исторического.

Однако этот вывод не точен: длинные цепочки форм настоящего исторического, наряду с одиночными формами, как показал анализ, представлены в проповедях современника эпохи «Слова о полку Игореве» Кирилла Туровского.

В учительной литературе существует представление, что евангельские истины открываются не столько чтением Евангелия, сколько его истолкованием. Проповедь занимает особое место в христианской культуре — по существу это ее квинтэссенция и архетип. Опытный проповедник обязательно человек книжный, обязательно грамотей. Вместе с тем книжный язык проповедника должен обладать и простонародными чертами, чтобы проповедь была услышана и понята. Приметы такого соединения мы находим у выдающегося проповедника Кирилла Туровского, скончавшегося около 1182 г.

Проповедь — это толковательное произведение, в котором важным инструментом речевого воздействия являются образные, эмоционально и экспрессивно насыщенные единицы. К ним принадлежит настоящее историческое.

Рассматривая Кириллову проповедь на Фомину Неделю, В. П. Виноградов отмечает в своем труде 1915 г.: «Исходнымъ и центральнымъ пунктомъ своей постройки Кирилль кладеть текстъ изъ апостола, заимствованный у Григорія [Богослова — *О.Ж.*]: днесь “ветхая конецъ пріяша и се быша вся нова”, с дополненіемъ, соотвѣтственно главной идеѣ постройки: “видимая и невидимая”. У Григорія былъ раскрыть только первый терминъ “видимая”, Кирилль хочеть дополнить и раскрытіемъ другого — “и невидимая”» [Виноградов 1915: 108–109].

«Видимая» картина обновленного качества Григория Богослова у Кирилла Туровского разрастается вширь усилением предикации «видимого», но и дополняется вглубь предикацией «невидимого» (см. лишь минимальный пример поразительной трансформации прототипического текста у Кирилла Туровского [Виноградов 1915: 109]).

Григорий Богослов	Кирилл Туровский
нынѣ солнце высочайшо, и златовиднѣйшо	Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ восходить и радуяся землю огрѣваетъ: взыде бо праведное солнце отъ гроба Христось и вся вѣрующая къ нему спасаетъ.

И. И. Макеева [2017] отмечает, что Кирилл Туровский в своих проповедях не мог не ориентироваться на византийскую литературу, в которой гомилии сложились как жанр. В то же время древнерусский писатель является достаточно самостоятельным, так что язык его проповедей отличается от византийских первоисточников целым рядом особых черт.

Наблюдения Б. Гаспарова над настоящим историческим в «Слове о полку Игореве» столь же справедливы и по отношению к

ПОКАЗАЮТЬ фомѣ • не бо бѣ фома съ оученикы въ първыи приходѣ
вндѣлѣ ꙗ СбТол XIII₂, 3 об.

Здесь представлена и форма настоящего исторического несовершенного вида показаютъ.

Вот еще один пример одиночной формы настоящего исторического несовершенного вида на фоне различных форм прошедшего времени:

и посади въ ѿцѣ сѣа на престолѣ • и своєю вѣнча его десницею •
въспѣвающимъ снѣ серафимомъ • положи на главѣ его
вѣнецъ ѿ каменна драгаго • славою и ѹтѣю вѣнчалъ еси • славою
и вельѣпотоу възложи на нь • по семь сзвѣршають
помазаннємъ бѣа соущства 36 об. и под.

Ярче всего эта проповедническая стратегия Кирилла Туровского проявляется в длинных цепочках форм настоящего исторического несовершенного вида, которое принято называть процессным. Настоящему историческому предшествует цепь аористов, а в конце цепи появляются формы имперфекта (претеритальные формы выделены жирным шрифтом, формы настоящего исторического, кроме того, подчеркнуты):

Оле мудрость бѣа и незреченное ѹлвколюбие • каа дѣа не
веселитъса о мѣтн его • неже ны **възлюбн** • и далеуе соуща блнзъ
къ собѣ **приведе** • всего ѹлвка сдрава створи въ • расслабена **въстави**
• хромъна **оубыстри** • прокаженъна **оунсти** • слокъна **исправн** •
глоухъна и немъна добръ слышаща и **гѣнви створи** • соухороукъна
оукрѣпн • бѣси ѿ ѹлвкъ прогна въ • и слѣпъна **просвѣти** • Нъ жидове
са на блѣтла **гнѣвають** • и нюдѣн **рѣпѣщють** на ѹдотворца •
нзѣтане **сзвѣтъ творять** на сѣса своего • снѣе наковн погубити
мыслать прншѣдшаго сѣстѣ всего мнра • садоукѣн прозрѣвшаго

на соуднице ВЛЕКОУТЬ • родьяне сзборнице СВЪЗКОУПЛАЮТЬ • НЕ ВЪРОУЮТЬ бо Ѹлвкоу • яко тз есть бзвзын прѣже слѣпз • Книжницн нзумѣвзшесѧ ПЪТАЮТЬ родителю прозрѣвзшаго • аще то есть глѣще ваю снз • левгнтн АНВАТЬСА вндаще зращею зѣннцю оу роднвзшагосѧ безз оубю • старьцн ОУКАРАЮТЬ вз соуботоу ѡвѣрззшаго ѡун слѣпцю • народн хвалаще бѧ прѣславьномуу АНВНТЬСА Ѹюдесн • н вьсь ннѣрлмз РАДОУЕТЬСА • іса хѧ велнчающе • нз фарнсьн лѣстаще народз ХОУЛАТЬ Ѹюдотворца • жьрцн НЗГОНАТЬ ѡ сзборнца помнлованаго блѣ • архннѣрѣн ПРѢТАТЬ прозрѣвзшемоу • да похуланть просвѣтнвзшаго н • глѣще снн Ѹеловѣкз нѣ ѡ бѧ понеже суботз не храннтъ • Самн межю собою злохзгтрнємь ПРАТЬСА • а НЕ РАДОУЮТЬСА ѡ прѣславнзхз бннхз Ѹюдесехз • нже не вз нномь ѧззцѣ СЗДѢВАХОУСА • нн нноплеменьннкомь вз мьутѣ творнма БАХОУ СбТол XIII₂, 26–27 и под.

Если действия Христа описываются в пассаже формами абсолютного прошедшего — аориста, то действия его многочисленных противников (у Кирилла тут дано полное их «исчисление»), как и последователей, автор совмещает с моментом речи, переносит и помещает прямо перед взором слушателя или читателя. Автор воспроизводит с максимальной полнотой в формах настоящего времени евангельский сюжет из далекого прошлого. По функциональному, дискурсивно-прагматическому и психологическому эффекту в чтении выступает полнокровное настоящее историческое экспрессивного характера — живой эмоциональный рассказ о действиях в прошлом как происходящих в момент самого повествования.

Такую концентрацию и тесноту ряда форм настоящего исторического трудно еще где-то встретить: в одном фрагменте находится цепь из 17 форм *praesens historicum*. В результате сгущения

форм настоящего исторического создается очень яркая и динамичная картина, хотя в ней по существу отсутствует сюжет последовательной смены событий. Он лишь едва намечен. См. аналогичные формы в Слове на Вознесение. Здесь формами аориста окружена цепь из 7 форм *praesens historicum*:

Ѡ възнесеннѣ хѣвъ побесѣдоуѣмъ • н ѡже бѣша на горѣ ѡлѣоньскѣн
 • тамо бо ангѣлѣи слы • н архангѣльскѣи воннѣства • ѡвн облакѣи
 вѣтрѣннѣи прнносатъ • на възвѣтнѣ ѡ землѣ хѣа бѣа нашего •
 друзѣи же прѣстолѣ хѣровнѣмьскѣи готоватъ • бѣ ѡцѣ ждетъ
 ѡгоже прѣже нмѣиа въз ѡдрѣхѣ съ собою • дѣхѣ же стѣи вѣлнтъ
 вѣмъ ангѣлѣи ѡго • възвѣте врата нѣнаѣ • да възндетъ цѣрь
 славы • нѣса вѣселѣтѣса своѣи оукрашающе свѣтнѣа • да блѣватѣса
 ѡ своего творца • съ плѣтнѣю сквозѣ тѣхѣ врата на ѡблацѣхѣ
 възноснѣа • землѣ радоуѣтѣса вѣдѣи на себе бѣа ѡвѣвно
 ходѣиа • н всѣа тварѣ красоуѣтѣса ѡ ѡлѣоньскѣи горѣ
 просвѣщанѣа • ѡко на тон н ангѣлѣи съ стѣи аплѣи • по повѣлѣннѣю
 бѣа ѡца свѣзкоупнѣса • ѡждающе стѣи прншѣствнѣа • тѣмъ
 снн празднѣнкѣ паѣе ннѣхѣ уѣствѣн бѣи намъ 34 и под.

Толстовский борник не издан и исследован недостаточно полно. В лаборатории палеославистики Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета планируется подготовка машиночитаемого интернет-издания рукописи по фотокопии рукописи и включение в Казанскую электронную коллекцию, в которой сейчас представлено уже 9 кодексов XII–XIV вв. на портале Исторического славяно-древнерусского корпуса «Манускрипт». См. Казанская коллекция.

К. И. Невоструев в своем впечатляющем «Исследовании о Евангелии, писанном для новгородского князя Мстислава Влади-

мировича в начале XII века» указывает на заимствования из толкований Феофилакта Болгарского у Кирилла Туровского. Так, он приводит следующий отрывок из кириллова «Слова о расслабленном от сказания евангельскаго»⁴⁹, где Кирилл говорит от лица Господа [Невоструев 1997: 91]⁵⁰:

ВЪЗНСКАВЪ ОБРѢТОХЪ ШЪДЪШАГО ВЪ ПѢТН НЕБЛАГЪ КѢМНРОСЛѢЖЕНІА • ОБАЪАХЪ РАНЪ ОУАЪВНАГО БѢСОВСЬСКЪМН РАЗБОНННКЪ • ВЪЗЛНАХЪ НА АЪВЪ ЕГО МОЕА КРЪВЕ ВННО Н МАСЛО • Н ВЪЗЪМЪ НА ТѢЛА МОЕГО СКОТЪ • ВЪНЕСОХЪ ВЪ ГОСТНННЦЮ • САТѢЮ ЦРКВЪ • ДАХЪ ДВА СРЕБРННКА ГОСТННННКѢ • НОВЪН Н ВѢТЪУЪН ЗАКОНЪ САТНТЕЛЕМЪ • ДА ПРНЛЕЖАТЪ ОУУЕНЕМЪ ЛЮДЕМЪ • ОБѢЩАХЪ Н МЪЗДѢ ПО ВЪЗЪРАЩЕНІН МОЕМЪ СПАСЪШНМЪ ГРѢШННКЪ.

Хорошо видно, что о заимствовании здесь можно говорить весьма условно. Оно касается не всего пассажа, а только трёх толкований, хотя и несомненно важных, с раскрытием скрытого смысла притчевых обозначений «гостиница», «гостинник» и «два сребреника».

У К. И. Невоструева отмечается, что в «Слове о слепци от сказания евангельскаго» также имеются заимствования из толкований Феофилакта Болгарского. Отрывок из этой проповеди со сгущением форм настоящего исторического был приведен выше. Нужно заметить, что в толковании Феофилакта Болгарского о слепорожденном (Иоанн IX, 1–38) отсутствует сгущение форм настоящего исторического, какое наблюдается у Кирилла Туровского, хотя само настоящее историческое встречается, в том числе образуя короткие цепи.

⁴⁹ См. Лука X, 29–37.

⁵⁰ Этот труд был написан К.И.Невоструевым в 50-х годах XIX в., а впервые полностью опубликован только в 1997 г.

Мы провели сравнение толкования Феофилакта Болгарского на данное евангельское чтение по одному из сохранившихся списков первой, древней редакции перевода с чтениями и толкованиями Евангелия от Иоанна — это рукопись РГБ, Тр. 110, XVI в. (далее — ЕвТолк сп. XVI). Как известно, рукописи Троицкого собрания оцифрованы и выложены в открытом доступе на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Оказалось, что перекличек с конкретными глагольными обозначениями в проповеди Кирилла Туровского и толковании Феофилакта Болгарского по существу нет. Встретилась лишь одна форма того же корня, что и у Кирилла Туровского: у Кирилла «жърцн нзгонати ѿ съборща помнлованаго бѣмъ», а в Толковом евангелии, по-видимому, поновлённое чтение (даем в несколько упрощенной орфографии) «изгонает же и вонъ ис ц(е)ркви яко исповѣдника истинѣ» ЕвТолк сп. XVI, 287. В пражском Словаре старославянского языка отмечается нзганиати с долгим корневым гласным при варианте с кратким — однако лишь в одном примере:

І бѣсы многы изганѣахъ Мс 6,13 Zogr (нзгонѣахъ Mar Ostr) (SJS I: 734).

Распространена и частотна иная форма — форма 4-го лескиновского класса нзгонити, которую и находим у Кирилла (см. SJS I, 736).

Кроме того, встречается другое соотношение, подчеркивающее самостоятельность Кирилла Туровского в употреблении настоящего исторического: у него в проповеди находим: «Самн межю собою злохытрыемь пратьса • а не радуютьса ѿ прѣславныхъ бнѣхъ чюдесехъ», а в Толковом евангелии Феофилакта Болгарского именно подлежащее со сказуемым в аористе «и распра бѣ в нихъ. си же распра первѣе в народѣ прозабе» ЕвТолк сп. XVI, 284 об. Ср. также другие несоответствия форм и лексем: у Кирилла Туровского «старьцн оукарають въ субботу ѿвѣрзшаго ѿн слѣпцю», в

Толковом евангелии «[фарисеи] всако вблыгающе г(оспод)а, яко в соуботу дѣлаваша» ЕвТолк сп. XVI, 284 об.

Помимо лексического, морфологического и синтаксического расхождения, есть противоречия и в самих толкованиях: у Кирилла Туровского «Книжници нзумѣвъшеса пытають родителю прозрѣвъшаго • аще то ѣсть гл҃ше ваю сн҃ъ», в Толковом евангелии «и со мною яростию творять въпросъ, паче же со мною злобою, не бо рекоша се ли есть с(ы)нъ ваю, иже ког(д)а слѣпъ но егоже выгл(агол)ета» ЕвТолк сп. XVI, 285. У Кирилла Туровского нет отрицания при глаголе речи, которое находим в Толковом евангелии.

У Кирилла Туровского обнаруживается архаичное употребление местоимения *сѧ* как вакернагелевской энклитики: *жидове сѧ на бл҃гѣмъ гнѣвають*.

В проповедях отсутствует настоящее историческое совершенного вида, в отличие от Толкового евангелия, к тому же — в прямой речи (если здесь не ошибочная правка аориста **сътвори**): и рекше^М видите что сътворить і(су)с в соуботу ЕвТолк сп. XVI, 284 об.

Из-за совмещения в одном временном плане разрозненных событий в проповеди Кирилла Туровского у глагольных обозначений утрачивается или ослабляется так называемое событийное значение. Кирилл Туровский вполне самостоятелен в употреблении форм настоящего исторического, хотя решительность, с какой он их употребляет, могла быть поддержана чтениями толкований Феофилакта Болгарского, которые, в свою очередь, являются пересказом толкований Иоанна Златоуста. Калькирование *praesens historicum* в толкованиях Феофилакта Болгарского узаконивало данные формы в книжном тексте, чего раньше не было. Однако концентрация форм настоящего исторического в обоих приведенных фрагментах из проповедей такая же, как в Слове о полку Игореве, а не в книжных источниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнеславянская претеритальная система значительно отличается от балтийской, что ставит едва ли разрешимую проблему перед гипотезой о балто-славянском единстве. Сигматический аорист, отсутствующий в балтийских языках, в праславянском языке является индоевропейским архаизмом, унаследованным древнеславянскими языками после его распада. Кроме того, в праславянской системе претеритов представлен еще один простой претерит, который является индоевропейским архаизмом структурно-модельного типа — это имперфект, который также перешел в отдельные древнеславянские языки после распада языка-предка.

В индоевропейском имперфект появился в результате своеобразного претеритального удвоения, после образования аугментированных форм с вторичными окончаниями от основ настоящего времени. В результате этого процесса темпоральная дуративная или итеративная семантика презенса была перенесена в план прошедшего и превратилась во внутреннее — аспектуальное — время имперфектных образований, в отличие от внешней темпоральной семантики имперфекта, отсылающей к плану прошедшего.

Претериты без префикса-аугмента употреблялись в различных темпоральных и модальных значениях. В праславянском это привело к смешению неактуального презенса с инъюнктивом, которое выразилось в развитии модели с вариативностью первичных и вторичных окончаний.

Амбивалентная темпоральная семантика безаугментного имперфекта и его затемненная морфологическая форма привела у славян к новому претеритальному удвоению в результате развития морфологически отмеченной — суффиксальной — формы. Славянский имперфект как форма прошедшего времени стал параллелью аористу, являясь его морфологической модификацией. На это

указывают формы имперфекта на *-s-ta, *-s-te, включающие показатель -s- сигматического аориста, а также переход в систему аориста имперфектов *wede, *xwalī и под.

Суффиксальному осложнению подвергались, как и в индоевропейском, основы настоящего времени, которые, однако, получали модифицированный вид *nesē-, *pekē (> *peča-) и под. Долгий гласный может восходить к продлению тематического гласного, которое подчеркивало длительное значение основы. Долгота гласного могла развиться и в результате осложнения тематической основы тематическим суффиксом: *wede + es/os и под. Новый имперфект, в отличие от сигматического аориста, получил тематическое спряжение — как и древний имперфект. Обобщение гласного *а в суффиксе *-ах- обусловлено влиянием сходных основ инфинитива и модифицированных основ настоящего времени: *sēdē- и *bēgē- > *běža-, *wedē- и *mogē- > *moža- и под.

В раннепраславянский период новый имперфект употреблялся параллельно с древним, что привело к развитию вариативности вторичных и первичных окончаний. «Добавочное» окончание *-ti/*-tu является наследием той эпохи, когда имперфект-инъюктив стал смешиваться с презенсом после появления претеритального удвоения. Определенную роль в этом сыграло общее смешение первичных и вторичных окончаний, которое отчетливо проявилось, как показывает анализ, в вариативности форм двойственного числа в простом индикативе: в 1 л. дв. ч. -въ и -ва, в 3 л. дв. ч. -тѣ и -та.

Развитие нового имперфекта, таким образом, воспроизводило тернарную модель отношений в индоевропейском индикативе, где имперфект оказывался связан как с прошедшим временем, так и с настоящим — и в содержательном плане, и в морфологическом.

Очевидно, что наследование тернарной модели у славян было связано с актуальностью семантической отмеченности имперфектных форм. Тернарная модель получила еще более отчетливый характер в ходе образования сложных претеритов — перфекта и плюсквамперфекта.

Семантическая отмеченность имперфекта была обусловлена его последовательной соотнесенностью с основами несовершенного вида, связанными с дуративной или итеративной семантикой. Таким образом, развитие нового славянского имперфекта происходило в рамках категории вида и способствовало содержательной её кристаллизации. Об исходной видовой отмеченности имперфектных форм свидетельствует семантически обособленное употребление имперфектов с перфективными основами. Такие имперфекты имели кратно-перфективное значение при обозначении действий хабитуального или дистрибутивного (распределенного между деятелями или объектами) характера (и тако ма|ло посъпакъ **вѣстанѣше** па|кѣ на ношанюк пѣниѣ ЖФП, 3862–3 ‘и так немного поспав, всякий раз **встанет (вставал)** снова на ночное молитвословие’ и др.).

Семантическая отмеченность имперфекта играла первостепенную роль в формировании категории вида, поэтому предположение об отсутствии имперфекта в живой речи восточных и северо-западных славян уже в доисторическую эпоху не имеет под собой оснований.

Об этом же свидетельствует русификация форм имперфекта при копировании старославянских источников начиная с первых памятников письменности и их морфонологическая эволюция: ст.-сл. хотѣашѣ, хотѣше vs. др.-рус. хотѣашѣ / хоѣашѣ, хотѣше / хотѣше; ст.-сл. крашаахѣ, крашахѣ vs. др.-рус. красѣахѣ / красѣахѣ, красѣахѣ / красѣахѣ и под.

Анализ старославянских источников доказал, что имперфект с кратно-перфективным значением мог быть достаточно частотным в ряде пассажей с особой дискурсивно-прагматической доминантой. Эти данные заполняют лакуну, которая существовала в научных разысканиях, и свидетельствуют об имперфекте от перфективных основ как о праславянском наследии.

Внимательное изучение славяно-древнерусских источников, являющихся копиями ранних славянских переводов, подтвердило это наблюдение. В то же время оно вновь засвидетельствовало высокую степень лингвистической информативности книжных памятников письменности различного происхождения и диалектной принадлежности. Среди древнерусских списков — как ранних, так и поздних — нашли отражение все ранние славянские традиции книжности, прежде всего кирилло-мефодиевская, западно- и восточно-старославянская, а также собственная — восточнославянская. Был изучен материал большого массива данных: рассмотрено свыше 50 источников, в том числе целый ряд со сплошной выборкой форм.

Таким образом, кратно-перфективный имперфект в оригинальных древнерусских источниках — таких, как Повесть временных лет, Житие Феодосия Печерского, проповеди Кирилла Туровского и др. — не является сугубо восточнославянской особенностью. Кратно-перфективный имперфект имеет праславянское происхождение и особенно отчетливо демонстрирует тесную связь имперфекта с видовой семантикой. Вместе с тем раннедревнерусские оригинальные и переводные тексты обнаруживают наиболее высокую частотность данных имперфектных образований. Тем не менее и в древнерусской письменности их появление носило факультативный характер, что доказывается разной частотностью данных форм в переводах одного текста разными переводчиками.

Известно, что имперфект 3 л. ед. и мн. числа на -тъ характерен в основном для восточнославянских источников, хотя встречается также у южных славян (в частности, в Учительном евангелии Константина Болгарского XIII в.) и древнечешских глоссах, как указывал А. И. Соболевский [1907: 161]. Данные факты затруднительно объяснить поздней инновацией, а не праславянским наследованием вариативных словоформ с первичными и вторичными окончаниями 3 л. ед. числа *-ti > *-тъ vs. *-t > *-ø и 3 л. мн. числа *-(o)-nti > *-отъ vs. *-(o)-nt > *-оѡ. Продуктивность праславянской модели с вариативностью первичных и вторичных окончаний яркое выражение нашла в системе форм презенса, а также имперфекта и отчасти — аориста.

Развитие форм с «аугментом» -тъ затруднительно связывать с древнерусской инновацией в условиях сандхи перед энклитикой: моляше н > моляшетъ н и под. В аналогичных условиях в других случаях ничего похожего не наблюдается: нарекоша н и под. Само использование термина «аугмент» в данном случае не представляется оправданным. Анализ древнерусских источников разного происхождения показал, что речь можно вести лишь о своеобразной консервации имперфектных словоформ на -тъ в положении перед некоторыми энклитиками или словоформами. В таких оригинальных раннедревнерусских текстах, как Житие Феодосия Печерского, частотность имперфектных словоформ на -тъ наиболее высока, однако их употребление может быть связано с морфологической позицией только примерно в половине случаев. Просматривается исходная соотнесенность данных форм с глагольным морфосинтаксисом: подобные формы в житии маркируют замкнутые предикативные цепи, очерчивая границы рамочных предикативных рядов (оуб'ѣд'ѣкѣ же ѿ бл'же|нши ѿко вѣ тѣ же и|доутѣ · прослави бл' · и иди|шетѣ вѣ сл'ѣдѣ ихъ издале|ѹа не

нвкѣнѣ сѣ имѣ ЖФП, 31а18–19; жена же ѿго нѣко же вѣ ѿи поведеѣно хѣ|жаше предѣ нимѣ и моля|шети и сѣсти на одрѣ|ско|ѣмѣ 34в21–23 и др.).

Как и аорист, имперфект в древнерусских текстах продвигает повествование, обозначая не только фоновые, но и основные действия [Петрухин 2003].

Анализ древнерусских источников разного происхождения не подтверждает версию о распространении имперфектных форм на -ть из сочетаний $\text{хвалахуу} \text{ н} > \text{хвалахуу} \text{ть} \text{ н}$, в которых устранялись сочетания с обценным звучанием -хуу н. Установлено, что тенденция наиболее последовательного употребления добавочного окончания в 3 л. мн. ч. перед местоименной энклитикой н [jь] и другими формами данного местоимения в текстах литургического круга — результат сужения и ограничения исходного более свободного использования данных форм, обусловленный типом текстов.

Высокая частотность словоформ имперфекта на -ть в ранних восточнославянских источниках — свидетельство живого его характера, а для переводных текстов — одно из доказательств восточнославянского происхождения. Небольшое количество имперфектных и аористных форм в берестяных грамотах обусловлено дискурсивно-прагматическим типом текстов, как правило, связанных с прямой речью и не предполагающих переход к нарративному типу с обращением к историческому прошедшему. О живом употреблении имперфекта свидетельствует обилие «неканонических» его форм в раннедревнерусских источниках. См., в частности, в ЖФП: прибоудѣше 29б, дадѣ|ше 29б, измелѣше|тъ 3ба, сѣдѣше 36б, вѣстанѣше 38б, ляжашета , вѣсѣдѣ|ше 43б, дѣрѣзнахѣ 59б. См. также формы без ожидаемых чередований в основе: коу|пѣхуу 3ба, прослѣк|аше 38г, сла|кѣаше 39г,

распоусташе 40б, възкраташесѧ 49в, ѿпоусташе 49г, накодаше 50б, ѿходаше 57а, излазаше 57б, приходаше 59в, исходашоуть 59г, възвѣсташоуть 60а и др.

Имперфект перфективов, таким образом, как и тъ-имперфект является праславянским наследием, однако у восточных славян оба явления сохранились в наиболее масштабном и концентрированном выражении.

Функциональная значимость имперфекта как маркированной видовой формы вместе с тем ослабляла его позиции в системе претеритов, поскольку обратной стороной этого факта являлась функциональная раздвоенность имперфекта, осложнявшая коммуникацию и затемнявшая темпоральную семантику. С другой стороны, совершенно очевидно то, что видовые значения требовали отдельного выражения, не зависимо от темпоральности. На первый план в выражении видовых значений выходят аффиксальные средства, о чем свидетельствуют новые суффиксальные образования в XII в.: **показываѣтъ** ЖФС 124 об., 6; **помазываѣа** 145 об., 12; **помазывахоу** 117, 11 (в ЖФС ошибочно **кальмь позывахоу**); **прнвѣзывающе** 138, 3; **съказываѣтъ** 164, 3.

Не вполне очевидное видовое значение глаголов **показати**, **помазати**, **съказати** не ассоциировалось прочно с той или иной формой простых претеритов, поэтому формы перфекта получали перед простыми претеритами очевидное преимущество, поскольку его образование не сопрягалось с перфективным или имперфективным характером основы. Корреляция с видовым значением у аориста была менее тесной, чем у имперфекта, что обеспечивало ему бóльшую устойчивость. Формы 2–3 л. ед. ч. от основ на гласный были морфонологически близки перфекту: ср. **въза** и **възалъ**, **соулн** и **соулнлъ** и т.д. В позднерусских берестяных грамотах зафиксированы формы так

называемого безэлевого перфекта, где форма смыслового глагола совпадает с неспрягаемой формой аориста: *взѧ ѣсмѣ* ГрБ 482 (XIII₁); *а нн посла ѣсн* ГрБ 99 (сер. XIV) и др. Однако самый ранний пример представлен в книжном памятнике: *покрѣи ѣсн отъ зѣла* СБТр XII/XIII, 200 (см. [Паймина 2012: 22]). Данные примеры свидетельствуют о своего рода конкуренции перфекта и аориста, однако вспомогательный глагол указывает на очевидную зависимость от перфектных форм и процесс замещения аориста. Берестяная письменность, таким образом, свидетельствует об узуальном, хотя и ослабленном статусе простых претеритов в конце позднедревнерусского периода. Об этом же свидетельствует проникновение перфектных форм в нарративные пассажи летописей в конце XIII — первой трети XIV в.

Предположения о раннем развитии у перфекта функции универсального прошедшего до сих пор не получили надежных доказательств. Это обусловлено неизученностью семантики перфекта, которая, как можно предполагать, была более сложной, чем принято считать, и связана, в частности, с категориями эвиденциальности и эпистемической модальности. Сложность семантики перфекта обусловлена и формальной двусоставностью, при том что вспомогательный глагол *ѣсмь*, *ѣсн* и т.д. сам по себе уже имел по крайней мере два значения — существования и сущности. Второе значение в ряде контекстов передавалось энклитическими краткими формами 3 л. ед. и мн. ч. *ѣ* (при полной *ѣсть*) и *соу* (при полной *соуть*).

Как показал анализ источников, простой аорист в древнерусской письменности был представлен гораздо шире, чем было принято думать. Этот факт имеет важное значение для лингвотекстологической характеристики ряда текстов, поскольку высокая частотность простых аористов предполагает принадлежность прото-

графов к глаголической кирилло-мефодиевской или западной старославянской традициям. Так, в одном только новгородском Захариинском паримейнике 1271 г. обнаружено 16 простых аористов, при том что в исследовательской литературе отдельно называют источники с единичными формами простого аориста, так что каждая форма оказывается на счету. Безусловно, это доказательство зависимости данного памятника от первоначального кирилло-мефодиевского перевода. В этом же источнике найдены формы сигматического аориста от основ на согласный. Захариинский паримейник 1271 г. сохранил более архаичные словоформы, чем среднеболгарский Григоровичев паримейник XII–XIII вв., который обычно соотносят с наибольшей близостью к первоначальному славянскому тексту.

В новгородской книжной традиции второй половины XIII в. обнаруживаются и другие источники, отражающие язык гораздо более ранних антиграфов. Так, в новгородском Типографском списке Паренесиса Ефрема Сирина, современном Захариинскому паримейнику, широко отразились архаичные формы претеритов, которые свойственны датированным памятникам второй половины XI в.⁵¹ По-видимому, самые поздние примеры древних форм сигматического аориста от основ на согласный или с сохранением суффикса -с- представлены в древнерусском списке Жития Нифонта 1222 г. (сѣвъса, прніась)⁵².

Эти факты очень важны, потому что свободное употребление простых претеритов в древнерусских оригинальных текстах нередко объясняют заимствованием или влиянием южнославянских источников. Однако в оригинальных памятниках формы простого

⁵¹ Нами уточнена его датировка. В [Сводный каталог 1984: 364] рукопись отнесена к концу XIII — началу XIV в.

⁵² См.: сѣвъса н въ бездѣноу 320; даръ ѿ него прніась• тѣмъже осквърннхъ стѣює крѣпнне 345.

и сигматического аориста от консонантных основ не употребляются. Это свидетельствует о живой позиции и присутствии тех форм простых претеритов в древнерусском языке, которые фиксируются в оригинальных текстах.

Особенно показательным то, что из этого правила есть исключения, которые свидетельствуют об узуальном характере отдельных архаичных форм. Так, в оригинальных древнерусских текстах довольно обычным было употребление сигматического аориста лишь одного глагола — рѣун (ст.-сл. рѣшн): 1 л. ед. ч. рѣхъ, 1 л. мн. ч. рѣхомъ, 2 л. мн. ч. рѣстѣ, 3 л. мн. ч. рѣша. В реконструкции первоначальной летописи новосигматические формы вообще отсутствуют. Данный глагол в проповедях Кирилла Туровского встречается часто, в том числе в энклитической позиции как грамматический показатель отсылки к чужой речи: нстрѣбнмъ бо рѣша память ѿго СбТол XIII₂, 10. Совокупность фактов говорит о том, что данный семиотически и прагматически значимый глагол в древнерусских источниках является не заимствованием, а праславянским архаизмом — сродни еще более глубокому архаизму — индоевропейскому перфекту, уцелевшему в одной форме вѣдъ '(я видел и) я знаю'. Обе лексемы связаны с категорией эвиденциальности.

Довольно обычными в древнерусской письменности были также аористы 3 л. ед. ч. на -тъ: ѿтъ, науатъ и под. В проповедях Кирилла Туровского вовсе нет форм без -тъ, а в других оригинальных текстах формы с добавочным окончанием или без него варьируют. Старославянское добавочное окончание в этих случаях не заменялось древнерусским -тъ, в отличие от форм типа оумрътъ, которые смешивались с формами презенса оумръеть. Устойчивость форм типа прнятъ рядом с вариантом прня, судя по всему, была обусловлена их соотнесенностью с омонимичными формами страдательных причастий, которая поддерживалась взаимной трансформацией в активных и пассивных конструкциях. Г. А. Ильинский

[1900] в случаях с основами на носовой гласный усматривал исконные формы «сильного аориста» с окончаниями инъюнктива. Эта гипотеза нуждается в проверке. Во всяком случае сомнительно, чтобы распространение форм типа *прнѣтъ* объяснялось фонологической безударностью ожидаемых форм типа *прни*, которые тем не менее также существовали, а в некоторых источниках преобладали.

Проповеди Кирилла Туровского в употреблении целого ряда глагольных форм оказываются близки Слову о полку Игореве (см. [Жолобов 2017в]), при том что в проповедях они получили более масштабное или концентрированное отражение. Это проявилось, в частности, в свободном и довольно широком употреблении словоформ 2 л. ед. ч. простых претеритов, в той или иной мере свойственном немногим раннедревнерусским источникам. Обычно их место заступал перфект. Существование данных форм также подтверждает принадлежность простых претеритов живой речи в раннедревнерусский период.

Известно, что настоящее историческое было довольно употребительным в текстах нарративного типа в старорусский период, однако в раннедревнерусских оригинальных источниках были найдены единичные примеры. В переводах с греческого формы *praesens historicum* обычно заменялись претеритами — прежде всего аористом. В старославянских евангелиях найдено лишь четыре формы настоящего исторического, калькирующие греческие формы *praesens historicum*. Считалось, что первое систематическое отражение греческого настоящего исторического представлено в Чудовской редакции Нового Завета в середине XIV в. В новых работах установлено, что довольно последовательно настоящее историческое передавалось в толковательной части в древнерусском переводе Толкового евангелия Феофилакта Болгарского, который был осуществлен в конце XI или начале XII в. Безусловно, отступления от греческого в евангельских переводах было мотивировано

необходимостью соблюдения историческую дистанцию при рассказе о событиях, описанных в Евангелии. Настоящее историческое носило экспрессивный и образный характер, создавало эффект переноса событий прошлого в контекст настоящего, своеобразного мысленного вживания в события прошлого.

Особняком среди ранних по происхождению источников стояло Слово о полку Игореве, в котором было найдено 68 форм настоящего исторического, что подчеркивало связь *praesens historicum* у славян с народной поэтикой. Однако в проповедях Кирилла Туровского, которые были созданы примерно в то же время, что и Слово о полку Игореве, нами были обнаружены пассажи с необычно высокой концентрацией форм настоящего исторического несовершенного вида, имеющих имперфектное значение. Длина цепей может достигать 17 единиц, создавая необычную тесноту предикативного ряда. Сравнение цепей *praesens historicum* у Кирилла Туровского с использованием форм настоящего исторического в Толковом евангелии Феофилакта Болгарского доказало самостоятельность древнерусского автора, несмотря на его знакомство с переводом Толкового евангелия. Таким образом, Кирилл Туровский полностью осознавал потенциал форм настоящего исторического. Он призывал своих слушателей к мысленному вживанию, мысленному вхождению в евангельскую историю: *Въздѣмъ нѣмъ н мѣ брѣнѣ мѣсльно въ снѣнскою горницю СбТол XIII₂, 3 об.* Можно предполагать, что Кирилл Туровский был знаком с народно-поэтической традицией психологического оживления повествования о прошлом формами настоящего исторического. В таком случае это объясняло бы отличия в употреблении данных форм от переводов с греческого и сходство с типом употребления, отразившимся в Слове о полку Игореве.

ИСТОЧНИКИ

АпТол к. XIV — Толстовский Апостол (конец XIV в.). РНБ, Q.п.1.5. 93 л.

АпХрист сер. XII — Христинопольский (Городисский) Апостол (середина XII в.), Львов. ист. муз., рук. 39. 291 л. Интернет-издание подгот. Новак М. О., Бакшаева А. А., Полозкова Я. А., Бойкова Е. И., Баранов В. А., Аникина Р. А., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

ГБ XI — Будилович А. XIII слов Григория Богослова, в древнеславянском переводе, по рукописи Имп. Публичной библиотеки XI века. — СПб., 1875. Интернет-издание подгот. Кокорина Т. В., Соколова А. А., Зуга О. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=44396479).

ГрБ (+ номер грамоты) — Новгородские грамоты на бересте // Зализняк 2004; Зализняк, Янин 2006; Янин, Зализняк, Гиппиус 2015.

Григ XII/XIII — Григоровичев паримейник (XII–XIII вв.). РГБ, Григ. 2. 104 л.; Брандт 1894; Брандт 1900; Брандт 1901; Рибарова, Хауптова 1998.

ГрЮЗ (+ номер грамоты) — Грамоти XIV ст. / Упорядк., вст. ст., ком. і словн.-показ. М. М. Пещак. — Київ, 1974.

ЕвАрх 1092 — Архангельское евангелие (1092 г.). РГБ М. 1666. 178 л. Интернет-издание подгот. Баранов В. А., Корнилова Д. С., Славова Т., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=15843750).

ЕвМст 1117 — Мстиславово евангелие (до 1117 г.). ГИМ, Син. 1203. 213 л. Интернет-издание подгот. Корнилова Д. С., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377).

ЕвМуз XII/XIII — Музейное евангелие (XII–XIII вв.). РГБ, Рум. 104. 158 л. Интернет-издание подгот. Зуга О. В., Рябова Е. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42096819).

ЕвОстр 1056–1057 — Остромирово евангелие (1056–1057 г.). РНБ, Ф.п.1.5). 294 л. Интернет-издание подгот. Кокорина Т. В., Головизнина О., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436).

ЕвПант XII/XIII — Пантелеймоново евангелие (XII–XIII вв.). РНБ, Соф. 1. 224 л. Интернет-издание подгот. Зуга О. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270).

ЕвПог XII₁ — Погодинское евангелие (конец XI или начало XII в.). РНБ, Погод. 11. 264 л. Интернет-издание подгот. Мольков Г. А., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=96056342).

ЕвТип XII — Типографское евангелие (XII в.). РГАДА, Тип. 1. 193 л. Интернет-издание подгот. Рябова Е. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871).

ЕвТолк сп. XVI — Евангелие толковое Феофилакта Болгарского (список XVI в.). РГБ, Тр. 110. 366 л.; цифровая фотокопия: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?manuscript=110&col=1&Submit=%CE%F2%EA%F0%FB%F2%FC>

ЕфрСир 1269–1289 — Паренесис Ефрема Сирина (1269–1289 гг.). РНБ, Погод. 71а. 328 л. Интернет-издание подгот. Жолобов О. Ф., Москалева Л. А., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

ЕфрСир XIII₂ — Паренесис Ефрема Сирина (70–80-х гг. XIII

в.) РГАДА, Тип. 38. 143 л. Интернет-издание подгот. Жолобов О. Ф., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

ЕфрСир 1377 — Паренесис Ефрема Сирина (1377 г.). БАН 31.7.2. 258 л.

ЕфрСир сер. XIV — Паренесис Ефрема Сирина (около середины XIV в.). РГБ, Тр. 7. 245 л. Интернет-издание подгот. Жолобов О. Ф., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

ЖНК к. XII — Житие Нифонта Констанцкого (конец XII в.) // СБВ к. XII. — Л. 1–33.

ЖНК 1222 — Житие Нифонта Констанцкого (1222 г.) // Матеріяли з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови / Підг. А. В. Ристенко. — Одеса, 1928. — С. 239–383.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // СБУ XII/XIII. — Л. 26а–67в.

ЖФС к. XII — Житие Феодора Студита (конец XII в.) // СБВ к. XII. — Л. 33 об. – 171.

Зах 1271 — Захариинский паримейник (1271 г.). РНБ, Q.п.І.13. 264 л. Интернет-издание подгот. Жолобов О. Ф., Кузовенкова А. И., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

Изб 1073 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. — СПб., 1880. Интернет-издание подгот. Кокорина Т. В., Соколова А. А., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42519074).

Изб XIII₁ — Изборник (первая половина XIII в.). РНБ, Q.п.І.18. Интернет-издание подгот. Шаяхметова Э. Х., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

Казанская коллекция — Электронная коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

ЛЛ 1377 — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Т. 1. — М., 1962.

ЛН — Новгородская харатейная летопись / Изд. под наблюдением М. Н. Тихомирова. — М., 1964:

ЛН XIII₂ — л. 1–118 об.

ЛН ок. 1330 — л. 119–167 об.

ЛН сер. XIV — л. 167 об.–169.

Лоб 1294–1320 — Лобковский паримейник (1294–1320 гг.); в разночтениях к Григ XII/XIII.

ПрЛ 1282 — Лобковский пролог (1282 г.). ГИМ, Хлуд. 187. 137 л.

ПрС XII/XIII, ПрС сер. XIII — Софийский пролог. РНБ, Соф. 1324. 317 л. (л. 1–160 — XII–XIII вв.; л. 161–234, 242–317 — сер. XIII в.).

ПрСин 1313 — Пролог (1313 г.). ГИМ, Син. 239. 210 л.

ПрТип XIII₂ — Пролог (вторая половина XIII в.). РГАДА, Тип. 156. 176 л.

Сав — Саввина книга (XI, XI–XII, XIII вв.). РГАДА, Тип. 14. 166 л. Интернет-издание подгот. Миронов А. Л., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=53086106).

СбВ к. XII — Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко; под ред. С. И. Коткова. — М., 1977.

СбТол XIII₂ — Сборник поучений и сказаний «толстовский» (вторая половина XIII в.) РНБ, Ф.п.1.39. 184 л.

СбТр XII/XIII — Троицкий сборник (XII–XIII вв.). РГБ, Тр. 12. 202 л. Popovski J., Thomson F. J., Veder W. R. The Troickij

sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in transcription // Полата књигописъная. — 1988. — № 21–22; Интернет-издание подгот. Жолобов О. Ф., Паймина О. С., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

СБУ XII/XIII — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. — М., 1971.

СинП к. XI — Синайский патерик (конец XI в.). ГИМ, Син. 551. 184 л.; Синайский патерик / Изд. подгот. Голышенко В. С., Дубровина В. Ф. — М., 1967. Интернет-издание подгот. Кокорина Т. В., Соколова А. А., Зуга О. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=44386403).

Ст. Р. (+ номер грамоты) — Берестяные грамоты из Старой Руссы // Зализняк 2004.

Супр — Супрасльская рукопись (XI в.). Народ. библ. Варшавы, собр. Зам. № 21 — 151 л.; Универ. библ. Любляны, Cod. Кор. 2 — 118 л.; РНБ, Q.п.72 — 16 л. 285 л. Интернет-издание подгот. Рябова-Чернова Е. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=85179364).

Тр XIV₂ — Паримейник (вторая половина XIV в.). РГБ, Тр. 4. 142 л. Интернет-издание подг. Жолобов О. Ф., Кузовенкова А. И., при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).

УСт к. XII — Устав студийский церковный и монастырский (список конца XII в.). ГИМ, Син. 330. 281 л.; Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. — М., 2001.

СЛОВАРИ

СДРЯ I–X — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), т. I–XI. — М., 1988–2016.

Срезн. I–III — Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. — Т. I–III. — СПб., 1893–1903.

Фасмер I–IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. I–IV. — М., 1986–1987.

SJS I–IV — Slovník jazyka staroslověnského. — I–IV. — Praha, 1966–1997.

ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА

БАН — Библиотека Академии наук, Отдел рукописной и редкой книги (Санкт-Петербург).

ГИМ — Государственный исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг (Москва).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (бывш. ЦГАДА, Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (бывш. ГБЛ), Отдел рукописей (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека (бывш. ГПБ), Отдел рукописей и редких книг (Санкт-Петербург).

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко 2005 — Бондарко А. В. Комментарий // Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. — М., 2005. — С. 602–608.

Бондарко 2005/1958 — Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языка. Комментарий // Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. — М., 2005. — С. 423–608.

Брандт 1894 — Брандт Р. Ф. Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. — 1894. — Кн. 1, 3.

Брандт 1900 — Брандт Р. Ф. Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. — 1900. — Кн. 2.

Брандт 1901 — Брандт Р. Ф. Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. — 1901. — Кн. 2.

Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. — М., 1952.

Ван-Вейк 1957 — Ван-Вейк Н. История старославянского языка — М., 1957.

Виноградов 1915 — Виноградов В. П. Уставные чтения. Вып. 3. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. — Сергиев Посад, 1915.

Виноградов 1938 — Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 2: Грамматическое учение о слове. — М., 1938.

Вздорнов 1980 — Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. — М., 1980.

Гаспаров 2000 — Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». — М., 2000.

Гаспаров 2002 — Гаспаров Б. М. Наблюдения над употреблением перфекта в древнерусском языке // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика. — Тарту, 2002. — С. 27–39.

Глагол 1982 — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. — М., 1982.

Гольщенко 1977 — Гольщенко В. С. Введение // Выголексинский сборник / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольщенко; под ред. С. И. Коткова. — М., 1977. — С. 7–66.

Горбунова 1997–1998 — Горбунова Е. А. Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // *Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli (Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica)*. — 1997–1998. — С. 247–285.

Добродомов, Щербакова 2012 — Добродомов И. Г., Щербакова Л. А. Конфуз курьеза. Ложный идиосинкратический фактор и незаметная фонема <?> // *Palaeoslavica*. — 2012. — XX/2. — С. 255–271.

Древнерусская грамматика 1995 — Древнерусская грамматика XII–XIII вв. — М., 1995.

Елизаренкова 1982 — Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. — М., 1982.

Живов 2006 — Живов В. М. ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов // *Восточнославянское правописание XI–XIII века*. — М., 2006. — С. 200–224.

Жолобов 1997 — Жолобов О. Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. — Казань, 1997.

Жолобов 1998 — Жолобов О. Ф. Символика и историческая динамика двойственного числа. — Frankfurt am Main etc., 1998 (*Beiträge zur Slavistik, herausgegeben von Herbert Jellitte; Bd. 35.*).

Жолобов 2001 — Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // *Вопросы языкознания*. — 2001. — № 2. С. 94–109.

Жолобов 2005 — Жолобов О. Ф. Летосчислительные обозначения и датировка рукописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2005. — 3 (21). — С. 31–32.

Жолобов 2006 — Жолобов О. Ф. Числительные. — М., 2006. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV).

Жолобов 2007 — Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Тип. 38 // Russian Linguistics. — 2007. — Vol. 31, No. 1. — С. 31–59.

Жолобов 2008 — Жолобов О. Ф. Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. — М., 2008. — С. 51–75.

Жолобов 2009а — Жолобов О. Ф. Динамика глагольных форм в корпусе древнерусских учительных сборников // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2009. — Т. 151, кн. 6. — С. 73–86.

Жолобов 2009б — Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. II: РНБ, Погод. 71а // Russian Linguistics. — 2009. — 33. — С. 37–64.

Жолобов 2010 — Жолобов О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2010. — 4 (41). — С. 5–11.

Жолобов 2011а — Жолобов О. Ф. Древнерусские «книги, рекомья Ефрема» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2010–2011. — М., 2011. — С. 241–262.

Жолобов 2011б — Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. III, 1: БАН 31.7.2 // Russian Linguistics. — 2011. — 35. — С. 361–380.

Жолобов 2011–2012 — Жолобов О. Ф. К истории «уставных чтений»: древнеславянский Паренесис Ефрема Сирина // *Scrinium*. — 2011–2012. — Т. 7–8. Part Two. — С. 121–143.

Жолобов 2012 — Жолобов О. Ф. О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках // Русский язык в научном освещении. — 2012. — № 1 (23). — С. 194–231.

Жолобов 2013 — Жолобов О. Ф. Презенс-футурум в Троицком сборнике (РГБ, Тр. 12) // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2013. — Т. 155, кн. 5. — С. 30–39.

Жолобов 2014а — Жолобов О. Ф. «Аугментный имперфект»? // Journal of Comparative Studies. — 2014. — 4 (33). — С. 19–32.

Жолобов 2014б — Жолобов О. Ф. Лингвотекстологическая оценка Троицкого сборника XII–XIII вв. и Паренесиса Ефрема Сирина по рукописям XIII–XIV вв. в связи с их интернет-изданиями // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2014. — 57 (3). — С. 42–58.

Жолобов 2014в — Жолобов О. Ф. О рефлексах *ti-* и *t-*форм глаголов в древнерусском языке // Russian Linguistics. — 2014. — Vol. 38, No. 1. — С. 121–163.

Жолобов 2015а — Жолобов О. Ф. О древнерусском имперфекте // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2015. — Т. 157, кн. 5. — С. 28–35.

Жолобов 2015б — Жолобов О. Ф. Претеритальное удвоение в истории глагола и аспектуальность // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12–15 окт. 2015 г.): тр. и матер.: в 2 т. — Казань, 2015. — Т. 1. — С. 117–119.

Жолобов 2016а — Жолобов О. Ф. Древнерусский глагол: к истории презенса. — Казань, 2016.

Жолобов 2016б — Жолобов О. Ф. Заметки о словоформе *e* ‘есть’ в древнерусской и старославянской письменности // Slověne. — 2016. — Vol. 5, № 1. — С. 114–125.

Жолобов 2016в — Жолобов О. Ф. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. — 2016. — № 3. — С. 64–80.

Жолобов 2016г — Жолобов О. Ф. Простой индикатив в «Выголексинском сборнике» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2016. — 1 (63). — С. 91–99.

Жолобов 2016д — Жолобов О. Ф. Простой индикатив в кирилло-мефодиевских источниках (к интернет-изданию Захариинского паримейника 1271 г.) // Russian Linguistics. — 2016. — Vol. 40, No. 2. — С. 153–172.

Жолобов 2016е — Жолобов О. Ф. Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2016. — Т. 158, кн. 5. — С. 1234–1245.

Жолобов 2017а — Жолобов О. Ф. Заметки о древнеславянских претеритах // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика. — М., 2017. — С. 95–121.

Жолобов 2017б — Жолобов О. Ф. Толстовский Апостол XIV в. как уникальная рукопись // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VI Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 18–21 окт. 2017 г.): тр. и матер.: в 2 т. — Казань, 2017. — Т. 1. — С. 94–97.

Жолобов 2017в — Жолобов О. Ф. Язык древнеславянской проповеди: неординарность глагольной морфологии в гомилиях Кирилла Туровского // Slověne. — 2017. — Vol. 6, № 2. — В печати.

Жолобов, Крысько 2001 — Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Двойственное число. — М., 2001. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II).

Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. — М., 1985.

Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. — М., 2004.

Зализняк 2008а — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. — М., 2008.

Зализняк 2008б — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. — М., 2008.

Зализняк, Янин 2006 — Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. — 2006. — № 3. — С. 3–13.

Иванов 1981 — Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. — М., 1981.

Ильинский 1900 — Ильинский Г. А. Из истории старославянского аориста // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — Т. V. Кн. 1. — С. 191–203.

Иорданиди, Крысько 2000 — Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Множественное число именного склонения. — М., 2000. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II).

Камчатнов 2004 — Камчатнов А. М. Форма аориста *рече* как знак цитации в древнерусском тексте // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2004. — 1 (15). — С. 14–16.

Колесов 1976 — Колесов В. В. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // История русского языка. Древнерусский период. — Вып. 1. — Л., 1976. — С. 74–93.

Копотев 2014 — Копотев М. В. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // *Acta linguistica petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. — Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Ред. тома С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская. — СПб., 2014. — С. 712–740.

Кривко 2015 — Кривко Р. Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. — М., 2015.

Крысько 2003 — Крысько В. Б. Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и русского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII

Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. — М., 2003. — С. 339–355.

Крысько 2011 — Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. — Т. II: Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. — М., 2011. — С. 798–837.

Крысько 2014 — Крысько В. Б. Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. — 2014. — № 5. — С. 122–148.

Крысько, Мольков 2017 — Крысько В. Б., Мольков Г. А. Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. — 2017. — Bd. 73. N. 2. — С. 331–395.

Кузнецов 1961 — Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. — М., 1961.

Кузнецов 2014 — Кузнецов А. М. Перфект и другие претериты в прямой речи на материале Мариинского евангелия // *Acta Slavica Estonica V*. Труды по русской и славянской филологии XVI. Антропоцентризм в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. — Тарту, 2014. — С. 273–284.

Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006 — Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Прилагательные. — М., 2006. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III).

Лайонз 1978 — Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. — М., 1978.

Макаријоска, Црвенковска 2012 — Макаријоска Л., Црвенковска Е. Глаголските форми во македонските црковнословенски текстови од XII до XIV век // Контекст 10: Списание за компаративна книжевност и културолошко истражување. — Скопје, 2012. — С. 39–60.

Макарцев 2014 — Макарцев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. — СПб., 2014.

Макеева 2017 — Макеева И. И. К вопросу о заимствовании в «Слове о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2017. — 3 (69). — С. 77–78.

Макеева, Пичхадзе 2004 — Макеева И. И., Пичхадзе А. А. Грамматические особенности древнерусского перевода // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Отв. ред. А. М. Молдован; Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. — Т. I. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 19–26.

Маслов 1954 — Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. — Вып. 1. — М., 1954. — С. 68–138.

Мейе 1914 — Мейе А. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. — Юрьев, 1914.

Мейе 1951 — Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951.

Михайлов 1912 — Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. I. Паримейный текст. — Варшава, 1912.

Мишина 2015 — Мишина Е. А. Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском (в напрасном ожидании редких форм) // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Mishina.pdf>

Молчанова 1975 — Молчанова Е. К. Категория числа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. — Т. II: Эволюция грамматических категорий. — М., 1975. — С. 200–249.

Мольков 2017 — Мольков Г. А. Простой аорист в древнерусской письменности // Русский язык в научном освещении. — 2017. — № 33 (1). — С. 179–195.

Мошкова, Турилов 2003 — Мошкова Л. В., Турилов А. А. “Плоды ливанского кедра”. — М., 2003.

Невоструев 1997 — Невоструев К. И. Исследование о Евангелии, писанном для Новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово евангелие. Исследования. — М., 1997. — С. 5–649.

Новак 2014 — Новак М. О. Апостол в истории русского литературного языка: лингвостилистическое исследование. — Казань, 2014.

Новикова 2016 — Новикова М. В. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2016.

Паймина 2012 — Паймина О. С. Языковые особенности Троицкого сборника XII–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2012.

Пентковская 2009 — Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси: Чудовская редакция Нового Завета. — М., 2009.

Пентковский 2000 — Пентковский А. М. Ривифъ и сланутъкъ в памятниках славянской письменности XI–XIV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. — М., 2000. — С. 59–70.

Пентковский 2001 — Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. — М., 2001.

Пенчева 1993–1994 — Пенчева В. Г. Някои наблюдения върху дуалните глаголни форми в Мариинското (XI в.), Добромировото (XII в.), Банишкото (XIII в.), Добрейшовото (XIII в.) и Врачанското (XIII в.) евангелие // Бълг. език. — 1993–1994. — 43–44, кн. 4. — С. 320–325.

Петрухин 2003 — Петрухин П. В. Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.

Пичхадзе 1991 — Пичхадзе А. А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура славян. — М., 1991. — С. 147–173.

Пичхадзе 1998 — Пичхадзе А. А. Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. — М., 1998. — С. 475–488.

Пичхадзе 2011 — Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. — М., 2011.

Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Предисловие: дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. — М., 2008. — С. 7–36.

Плунгян, Урманчиева 2017 — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект(ы) в «Повести временных лет»: три перфектные конструкции // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина): Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г.). — СПб., 2017. — С. 124–125.

Потебня 1941 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. IV. — М.–Л., 1941.

Предварительный список 1966 — Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР. Археографический ежегодник за 1965 год. — М., 1966. — С. 177–272.

Райнхарт 1998 — Райнхарт Й. Индоевропейские истоки праславянского языка // Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф. Ф. Фортунатова: Тез. докл. — М., 1998. — С. 84–85.

Рибарова, Хауптова 1998 — Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паримејник. — I. Текст со критички апарат. — Скопје, 1998.

Рыко 2002 — Рыко А. И. Новые данные о семантико-синтаксическом распределении флексий 3 л. презенса в северо-западных русских говорах: полипредикативные структуры // Исследования по славянской диалектологии. 8. — М., 2002. — С. 210–230.

Сводный каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / Редколл. Л. П. Жуковская и др. — М., 1984.

Сводный каталог 2002 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в., вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская) / Редколл. О. А. Князевская и др. — М., 2002.

Семереньи 1980 — Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. — М., 1980.

Соболевский 1907 — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. — М., 2004.

Соболевский 1980 — Соболевский А. И. История русского литературного языка. — Л., 1980.

Срезневский 1867 — Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. I. — СПб., 1867.

Страхова 2011 — Страхова О. Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // *Palaeoslavica*. — 2011. — XIX/2. — С. 240–293.

Тимберлейк 1997 — Тимберлейк А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 66–86.

Турилов 2011 — Турилов А. А. Средневековье и Новое время // Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова (Материалы к международной научной конференции). — М., 2011. — С. 33–34.

Турилов 2012 — Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. — М., 2012.

Федорова 2017 — Федорова Е. В. Толковое евангелие Феофилакты Болгарского в древнейшем славянском переводе: лингвотекстологический анализ. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2017.

Хабургаев 1991 — Хабургаев Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. — М., 1991. — С. 42–54.

Шахматов 1896 — Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. — 1896. — Т. 1. Кн. 1. — С. 46–65.

Шевелева 2015а — Шевелева М. Н. Заметка об имперфекте совершенного вида // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Sheveleva.pdf>

Шевелева 2015б — Шевелева М. Н. О некоторых глагольных формах в “Поучении” Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // Slověne. — 2015. — Vol. 4, № 1. — С. 564–577.

Ягич 1883 — Памятник глаголической письменности. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. — СПб., 1883.

Ягич 1884 — Ягич И. В. Четыре критико-палеографические статьи: Приложение к отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г. — СПб., 1884.

Янин, Зализняк, Гиппиус 2015 — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). — Т. XII. — М., 2015.

Aitzetmüller 1978 — Aitzetmüller R. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. — Freiburg, 1978

(*Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations, XII*).

Bielfeldt 1961 — Bielfeldt H. H. *Altslawische Grammatik*. — Halle (Saale), 1961.

Bojkovsky, Aitzetmüller 1986 — Bojkovsky G., Aitzetmüller R. *Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*. — Vol. II. — Freiburg, 1986.

Dejna 1965 — Dejna K. *Końcówki i formy dualne czasowników w gwarach Kielecczyzny // Rozprawy Komisji Językowej*. — Łódź, 1965. — T. XI. — S. 5–19.

Fortuin, Kamphuis 2015 — Fortuin E., Kamphuis J. *The Typology of Slavic aspect: a review of the East-West Theory of Slavic aspect // Russian Linguistics*. — 2015. — Vol. 39, No. 2. — Pp. 163–208.

Friedman 1986 — Friedman V. A. *Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian // W. Chafe, J. Nikols (ed.). EVIDENTIALLY: The Linguistic Coding of Epistemology*. — Norwood, New Jersey, 1986. — Pp. 68–87.

Hamm 1958 — Hamm J. *Staroslovenska gramatika*. — Zagreb, 1958.

Jagić 1913 — Jagić V. *Entstehungsgeschichte der kirchenslavische Sprache / Neue berichtigte und erweiterte Ausgabe*. — Berlin, 1913.

Koch 1990 — Koch C. *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbuns*. — München, 1990. (Münchener Universitäts-Schriften. Reihe der Philosophischen Fakultät, 22/I).

Klenin 1993 — Klenin E. *The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August — September 1993. Literature. Linguistics. Poetics*. — Columbus, Ohio, 1993. — Pp. 330–343.

Klenin 1997 — Klenin E. Legends and Language in Sixteenth-Century Moscow // A. M. Kleimola, G. D. Lenhoff (eds.). Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. — Moscow, 1997. — Pp. 303–305.

Kulbakin 1948 — Kulbakin Š. Mluvnice jazyka staroslověnského / Z rukopisu přeložil B. Havránek. — Praha, 1948.

Kuryłowicz 1964 — Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. — Heidelberg, 1964.

Leskien 1886 — Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. — Weimar, 1886.

Leskien 1955/1910 — Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar / Siebte verbesserte und mit neuem Literaturverzeichnis versehene Auflage. — Heidelberg, 1955.

Marti 1984 — Marti R. Рецензия на: Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. 433 с. // Russian Linguistics. — 1984. — Vol. 8, No. 1. — С. 59–72.

Mehlig 2013 — Mehlig H. R. Неисчисляемая собирательность в области глагольных предикатов. О конативности в русском языке // M. Nilsson, N. Zorikhina Nilsson (eds). Семантический спектр славянского вида. IV конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Гётеборгский университет, 10 июня — 14 июня 2013 г. — Göteborg, 2015. — С. 102–104.

Miller 1988 — Miller R. H. The third person present tense and Common Slavic dialectology // International journal of Slavic linguistics and poetics. — 1988. — Vol. XXXVII. — Pp. 7–33.

Poldauf 1956 — Poldauf I. Indo-European Personal Endings // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. — 1956. — 9 (2). — Pp. 156–168.

Reinhart 1988 — Reinhart J. Eine Innovation bei der Aoristbildung im Kroatisch-Glagolitischen // Zeitschrift für Slavische Philologie. — 1988. — XLVIII/2. — S. 298–303.

Schooneveld 1959 — van Schooneveld C. H. A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. — s-Gravenhage, 1959.

Stoll 2000 — Stoll S. On the Desinence {t'} of the Early East Slavic Imperfect // Russian Linguistics. — 2000. — Vol 24, No. 3. — Pp. 265–285.

Vaillant 1966 — Vaillant A. Grammaire compare des langues slaves. T. III: Le verbe. — Paris, 1966.

Večerka 1993 — Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur. — Freiburg i. Br., 1993. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Tom XXXIV (XXVII, 2)).

Vondrák 1928 — Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. II: Formenlehre und Syntax. — Göttingen, 1928.

Weingart 1937 — Weingart M. Rukověť jazyka staroslověnského. — Praha, 1937.

Žolobov 1997 — Žolobov O. Über Ergebnisse und Perspektiven der historischen Beschreibung des slavischen Duals. I // Zeitschrift für Slawistik. — 1997. — 42 (1). — S. 3–42.

Žolobov 2016 — Žolobov O. Present tense forms variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition) // Zeitschrift für Slawistik. — 2016. — 61 (2). — Pp. 305–321.

Zholobov 2014 — Zholobov O. On reflexes of *ti-* and *t-* forms of verbs in Ancient Russian // Russian Linguistics. — 2014. — Vol. 38, No. 1. — P. 121–163.

Zholobov 2016 — Zholobov O. The synthetic indicative in Cyril and Methodius' sources (the internet edition of the Paroemiarion Zacharianum dating from 1271) // Russian Linguistics. — 2016. — Vol. 40, No. 2. — Pp. 153–172.

Научное издание

Жолобов Олег Феофанович

**ДРЕВНЕРУССКАЯ ГРАММАТИКА
ПРОСТЫЕ ПРЕТЕРИТЫ И PRAESENS HISTORICUM**

При оформлении обложки использована репродукция картины
Василия Кандинского «Русская сцена» (1904 г.)

Подписано в печать 14.12.2017.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman», «Μεναίον»,

«Moravica», «Novgorod». Усл. печ. л. 11,04.

Уч.-изд. л. 7,08. Тираж 300 экз. Заказ 343/12.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28